В этом номере:

НАРОД ГОРЯЧО ОДОБРЯЕТ ДОКЛАД ТОВАРИЩА Н. С. ХРУЩЕВА НА ПЯТОЙ СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

•

УЛУЧШЕНИЕ ЖИЗНИ НАРОДА — ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ ВСЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

•

ПОДВИГ НИКОЛАЯ АНДРЕЕВА — ЧЕЛОВЕКА СИЛЬНОЙ ДУШИ

•

НОВЕЛЛЫ О ВЕСНЕ В ЛЮДСКИХ СЕРДЦАХ

•

Полупроводники — оружие «высшей» автоматики

•

Продолжение повести В. Ардаматского «Он сделал все, что мог»

•

Фельетон «Похождение утопленницы»

ОГОНЁК

№ 20 МАЙ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 20 (1717)

15 МАЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЛЕНИНГРАД. Весной на берегу Невы. **Фото Е. Халдея.**

На первой странице обложки: ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ. **Фото Н. Драчинского.**

На последней странице обложки: ГРОЗА НА ЧЕРНОМ МОРЕ. **Фото И. Шагина.**

В обстановке большого подъема прошла пятая сессия Верховного Совета СССР.

Верховный Совет одобрил деятельность Совета Министров СССР как в области внутренней, так и в области внешней политики, принял важнейшие законы об отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих, о завершении перевода в 1960 году всех рабочих и служащих на семи- и шестичасовой рабочий день, постановление об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами. Все это — выражение воли советского народа.

Верховный Совет удовлетворил просьбу Климента Ефремовича Ворошилова об освобождении его от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР по состоянию здоровья и избрал его членом Президиума Верховного Совета СССР.

Председателем Президиума Верховного Совета СССР избран Леонид Ильич Брежнев.

На снимке: Руководители партии и правительства вместе со всеми депутатами Верховного Совета приветствуют товарища Л. И. Брежнева, избранного Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Фото А. Новикова.

ПОСЛАНЦЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА ЕДИНОДУШНО ОДОБРИЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

«1-го Мая — Международный праздник братской солидарности рабочего класса. В этот день, ранним утром, в 5 часов 36 минут (по московскому времени) американский самолет пересек нашу границу и продолжал полет в глубь Советской страны. Об этом агрессивном акте министр обороны немедленно доложил правительству. От правительства было сказано: агрессор знает, на что он идет, когда вторгается на чужую территорию. Если он будет оставаться безнаказанным, то пойдет на новые провокации. Поэтому надо действовать — сбить самолет! Это задание было выполнено — самолет был сбит».

Из доклада товарища Н. С. Хрущева на пятой сессии Верховного Совета СССР.

Н. С. Хрущев выступает с заключительным словом на пятой сессии Верховного Совета СССР.
Фото А. НОВИКОВА.

Группа воинов Советской Армии, отличившихся при уничтожении американского разведывательного самолета. Слева направо: в первом ряду — сержант Александр Федоров, ефрейторы Александр Хабаргин, Виталий Некрасов, Алексей Кузнецов, младший сержант Валерий Шустер; во втором ряду: ефрейторы Владимир Муратов, Сергей Слепов, старший лейтенант Эдуард Фельдблюм, ефрейтор Александр Максименко, капитан Николай Колосов и сержант Виталий Ягушкин.

Вот что осталось от шпионского самолета.
Фото В. Лазарева.

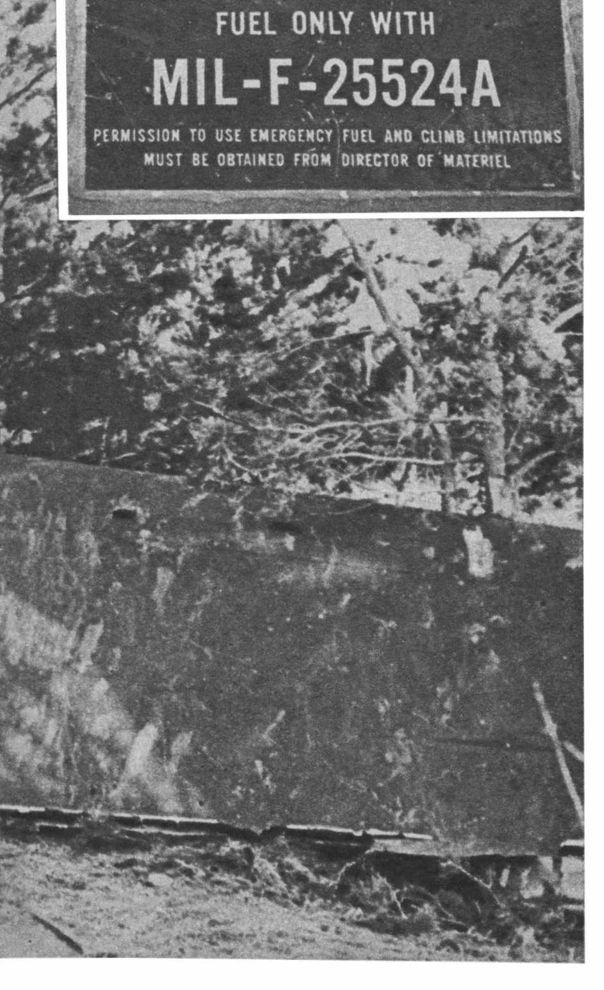

ПРОВОКАТОРЫ

Четкими квадратами на площади имени 1905 года в Свердловске выстроились войска. Прозвучали слова команды. Начался первомайский парад войск Свердловского гарнизона. В это время небо прорезал белый след, затем вспыхнуло небольшое облако и к трибунам донесся легкий гул.

— Красиво салютуют, такого еще не видал! — восторженно воскликнул мой сосед на трибуне.

Жители села Косулина, захватившие воздушного пирата. Слева направо: А. Ф. Черемисин, В. П. Сурин, П. Е. Асабин.

Фото И. Тюфякова.

Да, это был салют! Салют, заранее не предусмотренный в программе первомайского праздника. Салют несокрушимой силы советской ракетной техники, боевого мастерства наших воинов, мощным эхом он отозвался во всем мире!

Мы стали свидетелями взрыва советской зенитной ракеты, сбившей американского воздушного пирата.

...По широкому загородному шоссе едем к героям дня, воинам ракетного зенитного подразделения. Сегодня в густом сосновом бору собрались свободные от службы солдаты, сержанты и офицеры. Только сейчас они узнали, как высоко оценили правительство и народ их ратный труд, отличное воинское мастерство. С благодарностью и гордостью восприняли они теплые слова, сказанные по их адресу Никитой Сергеевичем Хрущевым с высокой трибуны пятой сессии Верховного Совета.

Рослый сибиряк Александр Федоров еще два года тому назад был помощником паровозного машиниста. Теперь Федоров — передовой командир расчета, в совершенстве изучивший доверенную ему грозную технику. Он награжден медалью «За боевые заслуги».

— Оружие у нас замечательное, — рассказывает Федоров, — с пиратом мы расправились в считанные минуты, достали его первой же ракетой на высоте 20 километров, когда он летел со скоростью 900 километров в час. А летел бы выше и быстрее — все равно не ушел бы.

Семнадцать лет служит в рядах Советских Вооруженных Сил капитан Н. И. Колосов, награжденный в эти дни медалью «За отвагу». Войну прошел он рядовым солдатом, закончил ее сержантом.

— Кто особенно отличился в бою? — переспрашивает капитан.— Ответить на этот вопрос трудновато. Все воины нашего подразделения действовали исключительно четко и слаженно.

Высокое мастерство и выучку во время выполнения боевого приказа показали радиолокаторщики во главе с офицером наведения старшим лейтенантом Эдуардом Фельдблюмом, удостоенным ордена «Красной Звезды». Вражеский самолет был на большой высоте, то и дело маневрировал, меняя направление и скорость, но зоркий глаз локатора не упускал его даже и на долю секунды. И вот ракета наведена на цель. Через несколько минут обломки вражеского самолета полетели на землю.

Десятки умелых советских воинов отличились, выполняя приказ Родины.

...Жители уральского села Косулина — П. Е. Асабин, А. Ф. Черемисин, В. П. Сурин, Л. А. Чужакин — захватили воздушного пирата Фрэнсиса Гарри Пауэрса, который выбросился с парашютом.

— 1 мая у меня день рождения, — неторопливо рассказывал инвалид Отечественной войны Петр Ефремович Асабин. — Мне исполнилось тридцать семь лет. С утра позвал я друзей, чтоб отметить это событие, но встречать пришлось незваного гостя. В одиннадцатом часу утра мы услышали сильный взрыв, а через несколько минут увидели в небе парашютиста. Я бегом бросился к месту, где он приземлился. Вскоре подоспели сюда и шоферы совхоза Чужакин и Сурин, кладовщик Черемисин. Вначале мы подумали, что несчастье случилось с нашим летчиком, и бросились на помощь. Помогли погасить парашют, снять скафандр, но вскоре разобрались, что это враг, а с врагом и разговор другой. Мы обезоружили его, отстегнули длинный бесшумный пистолет, забрали патроны, нож, кое-какое другое шпионское снаряжение и доставили его местным властям.

Так бесславно закончился шпионский полет американского воздушного пирата. На крепком замке наше небо!

А. ГРИГОРЬЕВ

Прямо с натуры

Сергей СМИРНОВ

На виду
пестреет броско
Вся продукция киоска.

Кто-то крикнул грубовато:
— Станьте в очередь, ребята!

Вслед за этими словами:
— Кто последний?
Я за вами.

Тут девчонка в синей майке.
Тут с авоськами хозяйки.

Тут стоят отцы и дети,
Обсуждая все на свете.

Разговор идет, как дома,
Откровенно и весомо

О работе, о зарплате,
О подстреленном пирате,—

Мол, бойцы-однополчане
Молодцы: не подкачали!

Тут в довольно едком тоне
Льется речь о Пентагоне.

Тут весьма определенно
Говорят о планах Бонна.

Раскупают «Правду»
вместе
С экземплярами «Известий».

Вьется очередь живая,
Все газеты называя...

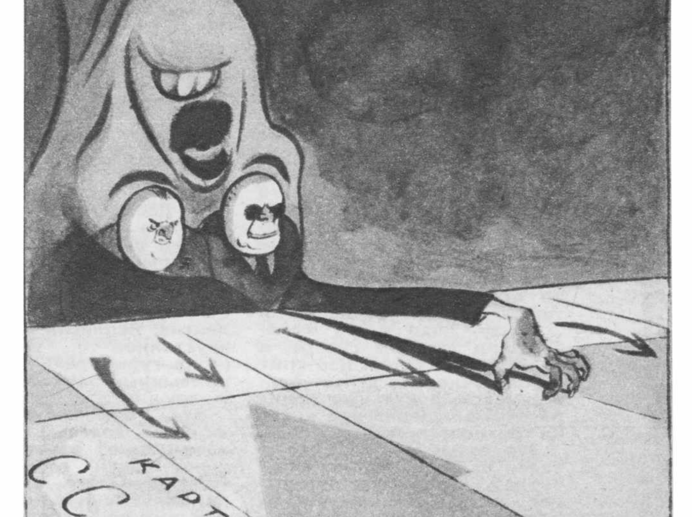
Люди с ясными глазами,
Всё, как есть,
мы видим сами

И храним, что сами строим,
И гордимся
нашим
строем!

Вниманию ПентаБоннских авантюристов.

Без особого труда они могут найти на этом рисунке изображение своего предшественника и вспомнить его судьбу, стоит только перевернуть рисунок.

Рисунок Бор. Ефимова.

ПРИГВОЖДЕНЫ К ПОЗОРНОМУ СТОЛБУ!

Отличное у нас настро

СОВЕТСКОЕ НЕБО СВЯЩЕННО

Герой Советского Союза
К. Ф. СОБОЛЕВ.

...Пассажирский самолет приземлился на Внуковском аэродроме. Вслед за пассажирами из самолета выходит командир корабля Константин Федорович Соболев. Он участник Отечественной войны. На его груди Золотая Звезда Героя Советского Союза — высокая награда за 19 сбитых фашистских самолетов.

— Доклад Никиты Сергеевича Хрущева, — рассказывает Соболев, — мне довелось слушать в воздухе, в очередном рейсе. Все, что глава правительства говорил о мощном подъеме экономики страны, о неуклонном росте жизненного уровня народа, мы, летчики гражданской авиации, видим своими глазами. Летая над родной страной, видим, как меняется облик деревень, в городах появляются новые жилые кварталы, возникают города, еще не отмеченные на наших картах.

Сообщение Никиты Сергеевича об американских воздушных пиратах глубоко возмутило весь наш экипаж. Нельзя допустить, чтобы они летали над нашей прекрасной страной.

Советское правительство приняло совершенно правильное решение в отношении американского самолета, нарушившего наше воздушное пространство, — сбить его! Правильно сказано: кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. Советское небо священно.

Фото С. Фридлянда.

Бодрая поступь нашей весны!

Под этим заголовком в «Правде» от 8 мая был опубликован репортаж корреспондентов «Огонька». Они беседовали в Москве с людьми разных профессий и возрастов о самом волнующем — о докладе товарища Н. С. Хрущева на пятой сессии Верховного Совета СССР, о семичасовом рабочем дне, об отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих, об укреплении советской валюты.

Много ярких, взволнованных слов о мудрости Коммунистической партии, слов, одобряющих деятельность нашего правительства, было сказано людьми, с которыми беседовали наши корреспонденты.

Сегодня мы продолжаем публиковать эти интервью.

АВТОМАТЫ И НАСТРОЕНИЕ

Сергей Сергеевич АРТЕМЬЕВ,
инженер

Полагаю, что решения сессии Верховного Совета СССР будут немало способствовать улучшению нашей жизни.

Думаю, что это скажется во многом, даже в мелочах.

Вот перед нами батарея автоматов для продажи газированной воды. Красивая машина, правда? Но не всегда с ее помощью можно утолить жажду. Ведь пятиалтынный, на который рассчитаны этот да и другие автоматы,— это самая дефицитная «валюта» у нас в обращении. Я бы сейчас тоже, пожалуй, отошел от автомата несолоно хлебавши, не окажись здесь дежурный механик. Он меня выручил: разменял деньги. Но зачем тогда нужны автоматы, если рядом с ними все равно должен сидеть «меняла»?

Другое дело, когда в ход пойдут полновесные монеты нового образца. Три копейки — стакан воды. Пять копеек — пирожок. Гривенник — буханка хлеба, полтинник — пачка сахару. Представляете, какой открывается простор для автоматизации торговли, для улучшения обслуживания каждого из нас! Больше автоматов — меньше очередей, меньше бесцельной траты времени, лучше настроение.

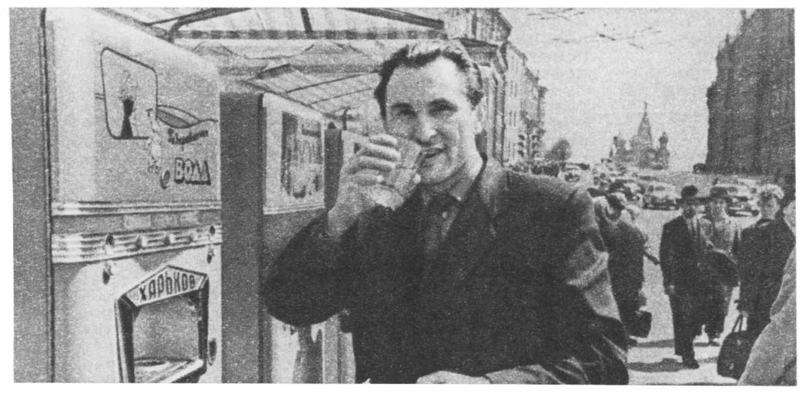

Фото Я. Рюмкина.

ТОЛЬКО В МИРНЫХ ЦЕЛЯХ

Александр Яковлевич
КРУПИН,
точильщик ремонтной конторы Ленинского района

Под каждым словом Никиты Сергеевича Хрущева готов подписаться с радостью. С особенным удовольствием я читал о миролюбивой политике нашей страны. Точить ножи — моя профессия. Я их точу, так сказать, только в мирных целях. Но пусть поостерегутся те, кто ведет «холодную войну», те, кто засылает к нам самолеты-разведчики. Мы найдем и другое оружие.

Фото Л. Бородулина.

ДЛЯ МИРА, ДЛЯ СЧАСТЬЯ ЛЮДЕЙ

Любовь Петровна ОРЛОВА,
народная артистка СССР

Доклад товарища Хрущева, вся работа сессии — источник вдохновения и радости. В песне нового фильма «Русский сувенир» есть та-

НИКТО И НИКОГДА

Вера ИНБЕР

Я раскрываю окно, и в комнату входит весна, чудесный, весенний день. Стеклянная крыша Третьяковской галереи озарена солнцем. Деревья нашего переулка все зазеленели: почки только недавно раскрылись.

Внизу, подо мной, в небольшом угловом сквере, я знаю, полно детей. Кто спит в колясочке, кто делает первые шаги, а кто уже лепит песочные изделия или катит на трехколесном велосипеде.

Это внизу. А в высоте, вдали от меня, омытое голубизной, вздымается высотное здание Министерства иностранных дел. Где-то в другой точке неба, уменьшенный расстоянием, виден подъемный кран, еще один из могучей семьи московских строительных кранов.

В картинную галерею идут и идут посетители: я хорошо вижу их.

Синие и красные автобусы привозят сюда воинскую часть наземных, воздушных или морских сил. Часто приезжают иностранные туристы. Добро пожаловать!

Прямо перед моими глазами, на высоте шестого этажа, крышу художественной школы облюбовали голуби. Под навесом крыши разместился целый крылатый коллектив. Всплески крыльев и неустанное воркованье («гурь-гурь-гурь») сделались привычным звуковым фоном моего дня.

Это миролюбивые, но сильные, волевые птицы. Их совместные взлеты поражают своей согласованностью. Думается, что хищника, вздумавшего напасть на них, они могут заклевать насмерть.

Нескольких голубей я уже знаю, что называется, в лицо. Особо выделяется один крупный, видимо, очень сильный, быстрый и точный в движениях, с блестящим оперением, выпуклой грудью и крепким клювом. Настоящий «голубь номер 1».

Растущий город, искусство, открывающее свои двери для советского народа и зарубежных друзей, смеющиеся дети, птицы мира — все это так свойственно нашей стране, так характерно для нее. Я сажусь у окна, включаю радио. И вот я уже на сессии Верховного Совета СССР.

Тихая комната наполняется слитным, постепенно стихающим шумом. Явственно ощущается присутствие сотен людей. Их напряженное внимание, подобно электрическому току, пронизывает воздух. Голос Хрущева раздается совсем рядом.

Смена выражений на его лице, интонации, то спокойные, разъясняющие, то задушевные, то лукавые (ох, и лукавые же!), то гневные, бичующие; жесты, поднятый палец или рука, сжатая в кулак, улыбка, смех — все это здесь, в моей комнате.

Многое из того, о чем говорит Никита Сергеевич, видится мне так ясно, так отчетливо.

...С 1 октября 1960 года отмена налогов для получающих заработную плату до 500 рублей в месяц.

И я вижу наш угловой сквер, где резвятся и отдыхают малыши, а их матери, сидя на скамейках, беседуют между собой.

Эти женщины, эти жены рабочих и служащих, умело ведущие свое скромное хозяйство, хорошо отдают себе отчет, что такое снижение налогов.

— Май не надо считать,— говорит одна из женщин.— Что его считать? Он уже почти прошел.

— Да и июнь пролетит — не заметишь,— подхватывает другая.— Июль, август, сентябрь. И вот он, октябрь. Рукой подать.

Никита Сергеевич говорит о новых деньгах:

«Теперь бывает так: лежит копейка на тротуаре, иной человек проходит и не нагнется, чтобы поднять ее. А когда будут новые деньги, копейка не будет валяться, ее обязательно поднимут, ведь это коробка спичек».

Я слышу это. И я уже вижу эту новую копейку, эту гордую монетку, ставшую в 10 раз полноценнее.

Речь Хрущева вовлекает в свое широкое течение все, что касается нашей страны: от спички до огневой мощи армии, от копейки до многомиллиардного государственного бюджета. Речь касается всего, что призвано сделать жизнь советских людей еще лучше, во всех отношениях богаче, мудрее, светлее, что обеспечит им безопасность, защитит от врагов.

«...Мы выходим как бы в открытый океан, в котором ничто нас не держит в соревновании с капитализмом»,— говорит Хрущев.

И такое безбрежно-счастливое бытие нашей страны представилось мне, такой океан солнечных просторов на прекрасном небесном теле по имени Земля, что я за-

ение!

кие слова: «Мы строим для мира, для счастья людей!» Это стимул творческого порыва советского человека, кто бы он ни был.

Фото Дм. Бальтерманца.

СВОБОДНЫЙ ЧАС — СПОРТУ!

Майя Дмитриевна ВАСИЛЬЕВА,
сменный мастер Московского алкалоидного завода

На нашем заводе уже уменьшился на час рабочий день, ликвидирована ночная смена. И теперь я могу заниматься любимым спортом. Плавание—это огромное удовольствие. Я советую всем товарищам, у которых освободится час, посвятить его спорту.

Фото Л. Бородулина.

крыла ослепленные глаза.

«Гурь-гурь-гурь», — повторяли голуби за окном.

Вечером на большой высоте, гораздо выше тех верхних слоев атмосферы, которые так интересуют госдепартамент Соединенных Штатов Америки, мы увидали луну, еще не полную, но уже ослепительную.

Там, среди лунных гор и кратеров, вонзившись в неведомую нам почву, затерялась крошечная земная частица — вымпел с серпом и молотом. Затерялась? О, нет!

Не может затеряться ничто, созданное мирным творческим трудом для овладения силами природы, для раскрытия тайн вселенной, ничто, предназначенное для счастья человека в справедливом обществе, без угнетателей и угнетенных, без агрессий и войн.

Никто и никогда не остановит поступательного движения человечества к тому светлому будущему, имя которому коммунизм!

Москва, 9 мая 1960 года. Торжественное заседание во Дворце спорта, посвященное празднику Победы.

Фото А. Новикова.

АТОМНЫЙ ЛЕДОКОЛ НА ВАХТЕ

К. ЧЕРЕВКОВ

Этого дня ждали в Мурманске. Первый в мире атомный ледокол «Ленин», построенный на Адмиралтейской верфи в Ленинграде, приходил с Балтики в порт, чтобы занять место в строю.

Навстречу флагману Арктического флота по Кольскому заливу в район Тувагубы вышел морской буксир «Капитан Афанасьев». Многие из тех, кто собрался на его палубе, еще никогда не видели атомохода, и понятно, с каким нетерпением ожидали появления корабля.

Все отчетливее вырисовывается могучий облик красавца атомохода с белоснежной надстройкой и двумя устремленными ввысь мачтами.

Разносятся над заливом приветственные гудки: басистый — с ледокола, звонкий тенорок — с буксира. Еще несколько минут ожидания, и по трапу можно подняться на ледокол.

В просторном, комфортабельном салоне беседуем с капитаном атомного корабля Павлом Акимовичем Пономаревым.

— К началу плавания в Финском заливе создалась необычная для весны обстановка: толщина льда была почти метровой, а торосов — метра три. Но ледокол шел свободно, без всяких усилий, нигде не застревая, не снижая хода.

В открытом море продвигались в густом тумане. В проливе Большой Бельт видимость улучшилась. Едва туман рассеялся, с атомохода увидели идущий в кильватере датский военный сторожевик. Он шел за атомным богатырем до вечера. Потом поднял сигнал: «Желаем счастливого плавания». С ледокола ответили: «Благодарим». Вскоре оказалось, что «заботу» о советском ледоколе проявляют военные корабли и самолеты с опознавательными знаками и других стран. Над атомоходом барражировали норвежские и американские самолеты.

Когда капитану докладывали о новых «визитерах», он спокойно отвечал: «Такой уж наш корабль. Единственный в мире! Хотят, видимо, полюбоваться...»

Нам показывают судовой журнал.

2 мая. В 8.00 над ледоколом начали барражировать реактивный торпедоносец и гидросамолет с норвежскими опознавательными знаками. В 16.00 появился двухмоторный самолет военно-морских сил США с бортовым номером 149507. В 19.00 этот самолет сбросил в воду какой-то предмет. В 19.20 американский самолет ушел в сторону Норвежского моря.

3 мая над ледоколом на высоте 50—100 метров летает самолет с тем же бортовым номером. Он делает развороты за кормой и спереди и сбрасывает в море на парашюте какой-то груз. Старший инженер Вениамин Николаевич Редькин нацелил объектив фотоаппарата на непрошеного гостя. Но это его не смутило, он продолжал кружиться над атомоходом и только в 22.30 скрылся в северном направлении.

Иностранные соглядатаи появлялись над ледоколом на всем пути его следования, хотя он и шел нейтральными водами.

Атомоход ни на шаг не отклонялся от заданного курса, держа путь на Мурманск. Шедшие навстречу суда под флагами Польши, ГДР, Англии встречали его приветственными сигналами.

Жизнь на ледоколе шла обычная, как на любом другом судне. Экипаж нес вахту. Пекари вынимали из электрических духовок вкусные пироги и булочки. Повара готовили солянку, жарили отбивные. Сменяясь с вахты, матросы шли в баню, в душевые. Спортсмены оспаривали корабельное первенство по штанге и боксу. В музыкальном салоне молодежь пела песни. В столовой демонстрировались кинофильмы. Только в одном отличался режим на ледоколе: у сложных механизмов моряки сдавали очередные экзамены — всем приходится учиться и переучиваться.

С полной загрузкой работала радиостанция. Она бесперебойно принимала радиограммы из Москвы, Ленинграда, Харькова, Тихорецка, Киева, Львова... Приходили и такие вести: дублеру главного инженера атомной установки Тимшенко — родился сын; третьему штурману Чупыре и электрику из группы наблюдения Министерства морского флота Полякову — жены поздравляют с рождением дочек.

Плавание проходило точно по графику. Ледокол показал прекрасные мореходные качества. Даже во время семибалльного шторма волнение абсолютно не ощущалось.

Атомоход «Ленин» во льдах Балтики.
Фото кинооператоров В. Афанасьева, И. Касаткина.

Войдя в Баренцово море и обогнув полуостров Рыбачий, атомоход «Ленин» вошел в Кольский залив. Позади осталось две тысячи триста миль первого маршрута.

Сколько же израсходовано атомного топлива?

— Оно вместится в маленьком кулечке,— ответили нам.— Жидкого топлива потребовалось бы около трех тысяч тонн, а угля — свыше четырех тысяч тонн.

Сбавив ход, атомный корабль медленно входит в Мурманский порт. Его приветствуют встречные, стоящие у каменистых берегов и на рейдах суда. Экипажи считают за честь послать свой горячий привет невиданному кораблю, вступающему в строй советского Арктического флота.

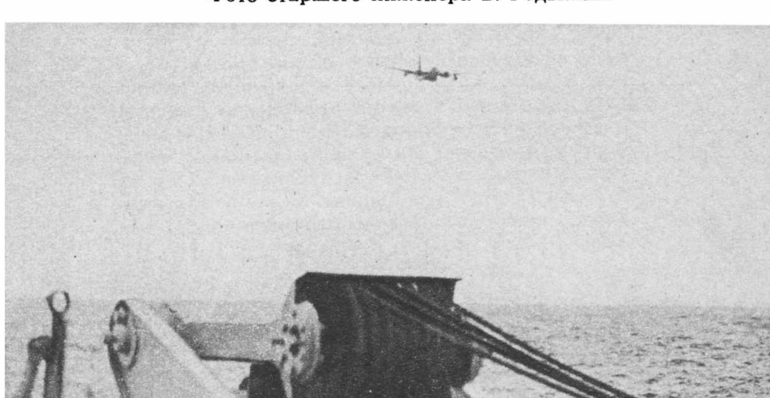
Грохочет толстая якорная цепь, взвиваются флаги расцвечивания: атомоход «Ленин» становится на рейд.

На берегу звучат медные трубы оркестра. Тысячи мурманцев, собравшихся у причалов порта, рукоплещут. Экипаж в единодушном порыве принимает письмо Н. С. Хрущеву. «Дорогой Никита Сергеевич! — пишут моряки. — Строительство атомного ледокола «Ленин» Вы отнесли к числу великих событий нашего времени. Сегодня, 6 мая 1960 года, свершилось то, чего с большим нетерпением ждали моряки-полярники. Атомный ледокол «Ленин» вошел в воды арктического бассейна и приступил к несению вахты».

— Теперь,— сказал, прощаясь с нами, начальник Мурманского арктического пароходства И. Д. Данилкин,— коренным образом изменится тактика нашего плавания по Северному пути. Практически становится возможным круглый год проводить суда в тяжелых льдах Арктики. Уже нынешнюю навигацию мы начнем на месяц раньше обычного.

Самолет военно-морских сил США летает над атомоходом в Норвежском море.

Фото старшего инженера В. Редькина.

К. ЗИЛЛИАКУС,
член английского парламента

В страстную пятницу они двинулись в 54-мильный путь к Лондону от окруженной колючей проволокой и охраняемой сторожевыми собаками Олдермастонской научно-исследовательской станции по ядерному оружию. Их было десять тысяч. В субботу утром, когда колонна двинулась из Рединга, она уже выросла тысяч на пять. К воскресенью, когда участники марша покидали Слау, где провели ночь, их число перевалило за двадцать тысяч. И вот последний этап пути, завершающийся в Лондоне. Тридцать тысяч, сорок, наконец, около пятидесяти! Процессия растянулась на семь миль. С той минуты, когда голова колонны вступила на Трафальгарскую площадь, минуло два часа, прежде чем замыкающие ряды, пройдя мимо Вестминстерского аббатства и здания парламента, вышли на Уайтхолл.

Марш протеста против водородной бомбы взбудоражил столицу. Толпы на тротуарах становились все гуще. Участников марша встречали улыбками, аплодисментами, приветственными возгласами.

Трафальгарская площадь... Центр Лондона, где история видела так много грандиозных митингов и демонстраций и немало схваток. Там уже ждали. Число людей, заполнивших Трафальгарскую площадь, террасы Национальной галереи, ступени и даже крышу собора святого Мартина, наводнивших прилегающие улицы, было близко к ста тысячам. «Самый большой митинг со времен чартизма»,— говорили об этом дне. Полицейские свидетельствовали, что на их памяти это было самое многочисленное собрание — больше даже, чем в День победы в 1945 году и во время коронации.

С подножия Нельсоновской колонны открывалось поражающее своей величественностью зрелище: целое людское море. Люди в одеждах разных цветов и покроев; сотни знамен; сверкающие на солнце фонтаны, в чаши которых по колено забиралась молодежь, чтобы остудить натруженные в походе ноги; голуби, для которых площадь — привычное место, где их кормят, летали над головами людей, недоуменно выискивая свободное местечко, где можно было бы сесть. А вокруг нас раскинулся великий город, и мы, дети Лондона, думали в эти минуты о том, что он может быть превращен вместе с нами в радиоактивные обломки и пыль, если хоть одна водородная бомба упадет на него.

Кто были эти тысячи и тысячи людей, участников марша, и еще десятки тысяч, стоявших на площади? Обыкновенные люди, англичане, шотландцы, уэльсцы, ирландцы, сотни представителей различных зарубежных стран. Печать и радиокомментаторы подчеркивали, что в марше участвовали люди всех поколений: старики, люди средних лет, молодые прежде всего, молодые, двадцатилетние, которые составляли две трети демонстрантов. Тут были знаменитые хирурги с Харли-стрит, юристы, инженеры, владельцы магазинов, клерки, учащиеся, студенты (в прошлом году их было восемьсот, в этом — больше пяти тысяч). Члены тред-юнионов шли под своими знаменами. Группа молодежи несла плакат с надписью: «Мы, консерваторы, тоже маршируем». Было много членов местных отделений лейбористской партии, были сестры из больниц, ремесленники, буржуа и рабочие, но прежде всего рабочие, ибо в нашей стране рабочий класс составляет две трети населения.

Молодежь остается молодежью. В пути было много веселья и смеха. Играли любительские оркестры, показывали свое искусство «солисты» — с трубами, аккордеонами, волынками, губными гармошками, гитарами; люди пели антивоенные песни и песни против атомной бомбы, напечатанные в книжечке, изданной для марша. Звучали ирландские революционные песни, французы пели «Карманьолу», в рядах ветеранов Интернациональной бригады раздавались испанские республиканские песни времен гражданской войны. С ними перекликались песни английского рабочего класса, которых так много сложено за его большую историю.

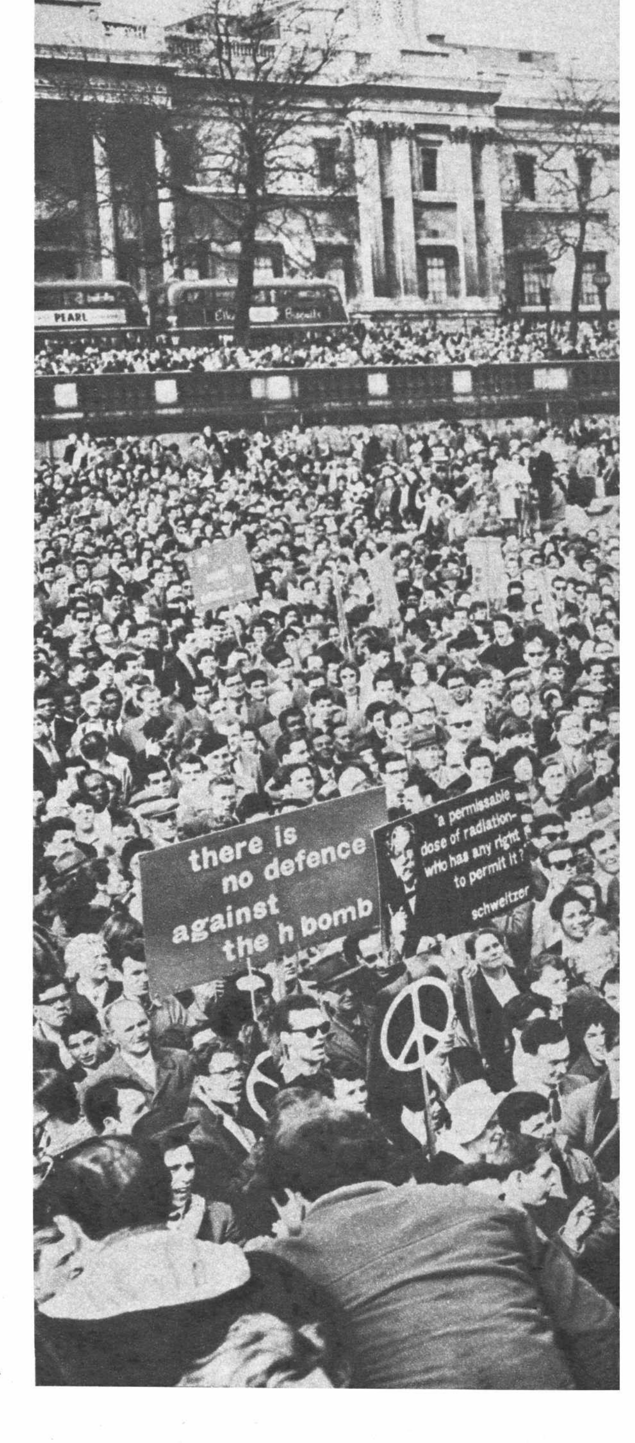
И в то же время вся печать отмечала исключительную серьезность и решимость, чувство преданности делу, царившие в рядах демонстрантов. «Надо больше думать о Хиросиме»,— сказала одна семнадцатилетняя девушка с забинтованными ногами, опиравшаяся на древко знамени, как на палку.

«Каковы бы ни были речи на Трафальгарской площади и каков бы ни был политический итог марша,— писала в весьма сдержанном отчете либеральная газета «Гардиан»,— по крайней мере для самих участников марша стало ясно одно. Каждый из них знает теперь, что очень большое число людей думают так же, как он. Они увидели это воочию».

Одна из участниц марша рассказала в газете «Рейнольдс» о настроении, которое господствовало во время похода. «Если у меня будут внуки,— писала она,— я расскажу им об этом дне. Я расскажу им, как мы шли, одетые кто в лыжные куртки, кто в меховые пальто, кто в свитеры и непромокаемые плащи. О людях, которые возглавляли этот марш: канонике Коллинзе с его черной сутаной и веселым лицом; о шагавшей солдатским шагом Жакетте Хокес — известной актрисе и жене писателя Джона Пристли, одного из инициаторов кампании за ядерное разоружение; о Майкле Футе, седом, скрывающем усталость. Я расскажу им о Джоне Хорнере, секретаре профсоюза пожарных, который запевал песни таким мощным голосом, что в окнах домов звенели стекла.

Я поведаю им о том, как встречалась и беседовала с улыбающимися блондинками из Исландии, черноглазыми парнями из Италии, маленькой женщиной из Гонконга, как разговаривала со школьниками и они сказали мне коротко и просто: «Мы хотим жить». Да, я все расскажу внукам, в том числе о том, как какой-то бизнесмен высунулся из своей машины и прокричал нам: «Сумасшедшие!» — и как 85-летняя женщина стояла около своего домика, следя за нами, и в ее глазах были слезы».

У подножия колонны Нельсона выступали ораторы. Тут было представлено все разнообразие социальных положений, политических воззрений. На лице каноника Коллинза, председателя комитета борьбы за ядерное разоружение, было написано выражение удивления и счастья: ни он, ни кто другой из организа-

На Трафальгарской площади — десятки тысяч...→

АНГЛИЯ Н

Молодые и самые молодые участники марша

торов марша не мечтал о таком гигантском успехе!

— Теперь, конечно, они не смогут игнорировать нас,— выкрикивал он в окружавшее нас людское море.— Пусть теперь мистер Макмиллан едет на совещание на высшем уровне и скажет там: мы в Англии не хотим больше ни ядерного оружия и баз, ни союзников с ядерным оружием!

И толпа оглушительно загудела, выражая одобрение.

У подножия памятника стоял другой священнослужитель—англиканский епископ Суффолка доктор Мэрвин Стоквуд. Он выглядел очень колоритно в своей пурпурной епископской мантии, освещенной солнцем. Представитель церкви Шотландии, преподобный Джордж Маклеод, высокий, седовласый, был тоже здесь. А среди участников марша были и католики и квакеры.

Массивный Фрэнк Казинс, когда-то работавший на шахте мальчиком, потом безработный, потом шофер грузовика, а ныне секретарь крупного профсоюза транспортных и неквалифицированных рабочих, шел в походе вместе с женой Нэнси, сыном-студентом и маленькой дочерью.

— От имени рабочих моего союза я утверждаю,— сказал он,— что так называемое сдерживающее оружие — глупость, с военной точки зрения, и самоубийство — с экономической. Деньги, выброшенные на «Блю Стрик» (проект баллистической ракеты, от которого правительство потом отказалось, затратив на него 65 миллионов фунтов стерлингов.— **К. З.**), могли бы принести каждому пенсионеру в Англии еще 5 шиллингов в неделю...

Джон Хорнер, боевой секретарь левого профсоюза пожарных, который принимал участие во всех трех Олдермастонских походах, привел в восхищение слушателей своими «солеными» словечками и резкой атакой на глупость и лицемерие так называемой политики сдерживания.

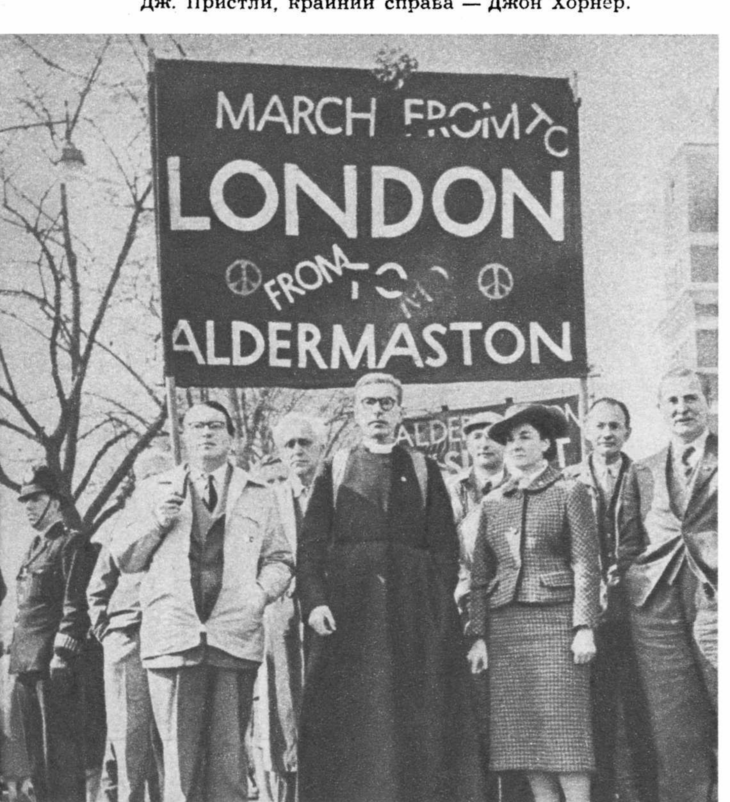
Я видел в толпе флаги Лиги студентов-арабов, Франции, Германии, Испании, Дании, Израиля, Китая, Японии, Цейлона, Индии, Пакистана, Кипра, Ганы, Нигерии, Канады, Южной Африки, Соединенных Штатов. Молодая мать—американка из Калифорнии — пробралась к подножию колонны Нельсона и очень просто сказала: «Я горжусь мозолями, которые я набила, идя с вами в этом марше. Вы замечательные люди. Вы вдохновляете всех нас».

На знаменах и плакатах, которые держали демонстранты, было написано: «Мы слишком молоды, чтобы умирать»; «Похороните бомбу, пока она не похоронила вас»; «Пусть Англия покажет пример: скажите «НЕТ» ядерному самоубийству!»

Это был голос английского народа. Англичане надеются, что этот голос, требующий ядерного разоружения, будет услышан там, в Париже, где соберутся главы четырех великих держав.

А МАРШЕ

На пути в Лондон. В центре, в черной сутане — каноник Коллинз, справа от него — Жакетта Хокес, жена писателя Дж. Пристли, крайний справа — Джон Хорнер.

Остудить натруженные ноги...

МЫ ОБВИНЯЕМ!

В среду, 11 мая, в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького в Москве состоялась пресс-конференция министра иностранных дел А. А. Громыко по поводу провокационного вторжения американского самолета в воздушное пространство СССР.

После пресс-конференции советские и иностранные журналисты отправились в один из павильонов парка, где были выставлены остатки самолета американского пирата и его снаряжение.

На выставку прибыл и Никита Сергеевич Хрущев, который внимательно осмотрел стенды, неопровержимо доказывающие бандитский характер полета самолета «Локхид — У-2» над территорией СССР.

После осмотра выставки Никита Сергеевич ответил на многочисленные вопросы советских и иностранных корреспондентов.

Фото А. Федорова.

Коллектив Люберецкого коврового комбината освоил массовое производство жаккардовых пятицветных ковров с искусственным волокном — нитроном. За ткацким станком — Маргарита Меркулова.

Фото Ф. КОРОТКЕВИЧА.

Весенние

Любовь Павлюченко.
Фото Риммы ЛИХАЧ.

Ветры

Н. ТАРАСЕНКОВА

Ее ждут каждый год. И каждый год с нетерпением. А она приходит всегда разная, совсем непохожая на прошлогоднюю. Всегда разная эта весна.

В этом году весна на Кубани особенная. Сначала казалось, ранняя и ласковая. Конец февраля, а какая теплынь! А в марте задули холодные ветры и точно взбунтовалась земля. Несется она по дорогам и полям, сбивается у домов и плетней в кучу. Черная буря! Давно такого не видывали на Кубани.

А потом смолкло все. Над Кубанью распахнулось густое синее небо, потянулись к солнцу ветки деревьев. Окна в домах раскрыты настежь. Вот-вот вспыхнет все вокруг ярким зеленым цветом.

И вдруг качнулись деревья, беспокойно захлопали рамы окон. Снова ветер. Поднялась пыль высоко. Закрыла, затуманила солнце.

Но все равно не остановить весны. Все равно поют, заливаются птицы, все равно гуляют на улицах станиц парни и девушки, все равно не испортить ветрам весенних радостей людских.

Ну и дела!..

Бежит к реке девчушка. Глаза у нее карие, а в них чертики. Ей только девятнадцать. Но она уже художественный руководитель, или, как ее просто называют в колхозе, худрук.

Училась она в Хадыженске, в культурно-просветительной школе, и вот не так давно приехала в станицу Ново-Титаровскую, в колхоз имени Калинина.

— Ой, да как же я у вас работать буду, когда Дом культуры только строится?

А ей ответили:

— Ты для того и училась, чтоб смекалка была. Действуй...

Только вздохнула Люба Павлюченко: «Ну и дела!» И решила создать сначала агитбригаду. Четыре человека в той бригаде. Стали бывать они на фермах, в поле. Ох, и певучие в колхозе девчата! А хора нет. Значит, первое — создать колхозный хор.

Петь много охотников, а вот танцевать? Говорят: «Нет у нас особых плясунов». «Да подождите, послушайте, ведь прошлой весной десять цыганских семей осталось в колхозе. Вот вам и танцоры», — проговорила Люба.

Весело стало на фермах, весело стало в бригадах. Многие и не думали, не гадали, что они сами артисты. Выступали не только у себя, но и в другие артели выезжали. А потом и краснодарцы стали приглашать. Ну что ж, не отказывались, не гордые.

...А когда проходит Люба мимо будущего Дома культуры, всегда остановится и помечтает. И кажется ей, что в огромном зале выступают колхозники. Нет, не поют и не пляшут. Они ставят пьесу Горького...

Но перед ней еще только большой дом, одетый в леса. И точно спохватывается Люба:

— И как я работаю здесь, когда Дома культуры еще нет? Ну и дела!..

Про баян...

Родился Валерий Лагуткин в станице Ново-Титаровской. Вскоре увезли его родители в город Жданов. Только и слышал он от родных своих: «Как там у нас на Кубани?» А этой весной вернулся Валерий вместе с семьей в родную станицу.

И в тот же день узнали девчата, что Валерий — баянист. Явились к нему делегацией.

— Нам нужен баянист в нашу агитбригаду. Но не так, чтоб вечером поиграть, когда сможет. Постоянный баянист нужен.

— Нет, не пойду. У меня специальность есть. Дамский парикмахер я.

Рассмеялись девчата.

— Да мы сами себе прически сделаем. Для нас баянист важнее.

— Нет, сказал ведь! — решительно отрезал Валерий.

— Да что вы уговариваете его, девчата! — вмешалась Люба.— Пусть на фермы наши поедет, посмотрит, какие клубы там у нас, какие девушки.

— Поедешь, Валерий?

Поехали. Объездили все фермы. Пели под баян. А на одной ферме задержались. Но, может быть, совсем ненадолго.

Просто есть там доярка Валя Одинцова, и просто хорошо поет она... И все.

И стал на эту ферму Валерий часто приходить, даже тогда, когда агитбригаде вовсе и не нужно. Ходит Валерий за три-четыре километра на ферму. Разве это расстояние?!

— Ну, так останешься у нас работать? — смеется Люба.

— Останусь, коли уж вам так баянист нужен.

Биография одна на двоих!

Просто чудо, что сегодня два брата вместе. Вот так, смеясь, приветствуют они своих товарищей в речном Краснодарском порту: всякое, мол, бывает. А обычно бывает так: придет из рейса на «Батайске» Василий, спросит: «Нет «Амура»?» «Только что ушел,— отвечает диспетчер.— Будет завтра». Пожимает плечами диспетчер, смущенно улыбается, словно он виноват в разлуке братьев.

Все знают: очень дружат близнецы Василий и Владимир Гурские. Непохожи они друг на друга ни внешне, ни характером. Василий тихий, застенчивый, а Владимир бойкий, веселый.

Недавно принимали Гурских в партию. Сначала рассказал свою биографию Василий. Следующая очередь Владимира. И тут же закричали все в зале: «Не надо рассказывать! Раз Василий выступил, значит, и про тебя, Володя, все рассказано!» И это верно. Биография у них, можно сказать, одна на двоих.

Вместе учились в школе, потом работали, потом вместе ушли в армию, вернулись и стали речниками. Сначала матросами, а нынешней весной окончили первый курс школы командного состава и восьмой класс школы рабочей молодежи.

Началась навигация, видеться стали реже. Василий ходит на грузовом судне помощником капитана, а Владимир — на пассажирском, рулевым мотористом.

Еще давно, когда работал на заводе, Василий мечтал о море. Но раз навсегда запомнил слова одного рабочего: «А ты, парень, рекой не брезгуй! Реку, ой, как знать надо, чтобы ходить по ней! Особо Кубань нашу».

Кубань — река своенравная. Весной, когда бегут с гор снеговые воды, разливается она, словно хвастается: «Смотрите, вон я какая!» Затопляет луга, подходит к домам. Беда с ней! А потом утихает, уходит в берега и летом мелеет. Красива Кубань! Берега ее высокие, зеленые, а как зацветет калина, кажется, горит река, горит все вокруг ярким, пронзительным светом. И не мечтают о море ни Василий, ни Владимир. Кубань по душе им. В будущем году хотят поступить в заочный речной техникум. Может, и сейчас говорят об этом. Но через час братья расстанутся. А через несколько дней придет к диспетчеру один из них и снова задаст все тот же вопрос. А диспетчер, как всегда, пожмет плечами и смущенно улыбнется...

Катька Капуста

Вот такая у нее фамилия — Капуста. Катька Капуста. А совсем недавно в ее жизни случились два больших события. Мама принесла домой маленького брата Васю. А еще через несколько дней переехали они в новый дом.

В тот день, когда принесли Васю, мама подозвала Катьку, крепко поцеловала ее и сказала:

— Ты теперь большая, тебе уже скоро три. Ты теперь старшая.

«Как же так? — думает Катька.— Если я большая, так почему меня на речку не пускают?»

Любит Катька Капуста бегать на речку. А речка внизу, возле дома. Бежит Катька, бежит. И кажется ей, что и деревья тоже вместе с ней бегут. Стоп! Плетень. Остановилась Катька. Застыли деревья. Смотрит Катька на речку. Забрала речка все камыши.

— У, жадная! — грозится она реке.

А камыши кланяются ей, словно дразнятся: «А ну достань, а ну попробуй!»

— Катерина, Катерина, домой!

С тех пор, как принесли Васю, стала мама звать Катьку Катериной. Мама по дому возится, а «старшая» ей помогает. Но вот маму все время соседки окликают. И Катька идет к плетню вместе с матерью. Остановилась соседка, ведра на коромыслах качаются, хлюп-хлюп вода на землю.

— Ох, весна у тебя богатая нынче, Люба, сын да дом новый!

А мама ничего не отвечает, только улыбается.

А вчера соседка спрашивает маму:

— Ты, Любава, без работы-то не скучаешь? Ведь лучшей дояркой была!

— Да как не скучаю, но ведь Василь у меня, вот подрастет... — И опять улыбается мама.

А Катька и так знает, что мама — лучшая доярка. Есть одна коробочка, которую Катька очень любит открывать, и тогда мама кричит ей: «Не трогай, не игрушки это тебе,— орден...»

Не успеет оглянуться Катька, как уже отец домой с работы приходит, как уже вечер.

— Спать тебе пора, вот уж Вася заснул, — говорит мама.

А Катька стоит у плетня и опять удивляется. И почему это днем на улицах пусто, а когда ей уже спать пора, на улицу люди вышли, и гуляют, и песни поют...

Земля

Сколько лет тогда ему было, не помнит. Совсем пацаном был, когда пошел работать в колхоз. Земля многому научила его. Стал бригадиром. А потом потянуло на трактор...

А однажды колхозники сказали на собрании:

— Вот что, Мефодий Николаевич, землю ты знаешь и любишь, будь нашим председателем.

Стал Мельник руководить артелью «Первый большевик». Но настал день, и объединили пять колхозов в один — колхоз имени Калинина. Огромны поля артели, кажется, раздалась земля. И тогда сказали Мельнику колхозники на партийном собрании:

— Землю ты знаешь, и людей хорошо знаешь, и подход у тебя есть к людям...

И вот уже несколько лет Мефодий Николаевич — секретарь партийной организации колхоза. В пять часов утра уже на ногах. Иногда заранее планирует, как построить свой день, а приходят нежданные дела, и ломают они «график» по-своему.

...А в эти весенние дни и вовсе все пошло не по плану. Бури потревожили землю. И сейчас Мельник все время в полеводческих бригадах. Пересевать надо не один гектар. Повыдувало ветром. И сеять теперь надо с прикатыванием. Каждый день ждут колхозники, каждый час ждут: притих ли ветер? И думает Мельник: все равно ведь люди сильные, все равно сделают по-своему. Люди не дадут тебя в обиду, земля.

клятые деньги и проклятые туфли номер тридцать семь! Только бы вовремя приехать, сделать операцию и чтоб Гордиенко выжил всем чертям и всем смертям назло.

Мысли его пошли по другому пути. Какой же это Гордиенко? Он хорошо расслышал фамилию, и в тот миг ему почему-то подумалось, что несчастье стряслось со Степаном Гордиенко, который в прошлом году уже побывал на операционном столе по поводу язвы желудка. Но с ним ничего не могло произойти. Он просто ожил после операции. На щеках такой румянец, что девушки позавидуют. А был желтый-прежелтый... Тогда, может, Онуфрий Гордиенко, инвалид войны? Чуть не каждый год он приходит в больницу и деловито договаривается с хирургом, какой именно кусочек зазубренной стали надо на этот раз извлечь из его изукрашенного рубцами и заплатками тела. Ничего страшного и с этим Гордиенко не могло приключиться. Кто же тогда? В Чернобродах целый выводок Гордиенок, попробуй угадать. И как это Мария Антоновна не сообразила с первых слов сказать, что́ именно и с кем именно случилось. «Приезжайте скорее...» Нервы, нервы! Нервным людям надо держаться от хирургии подальше. Если ты хирург, научись владеть собой при любых обстоятельствах.

Мысленно укоряя своего коллегу, Трегуб не замечал, как сам нервничает и ерзает, словно под ним не мягкое сиденье, а острые камни. Он с тоской смотрел туда, где почерневший лес, казалось, преграждал им путь. Если машина на разбитом асфальте замедляла ход, он готов был выскочить и подталкивать ее, только бы не сидеть сложа руки в ожидании.

Двое в пути

С. ЖУРАХОВИЧ

Рассказ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

1

На волосатом запястье крепкой, жилистой руки шофера было вытатуировано пронзенное стрелой сердце. Рука чуть заметно двигалась, и вместе с ней шевелилось лиловое сердце.

Доктор Трегуб поморщился и отвернулся. Ему было противно смотреть на это малеванное диво и на лицо шофера, в котором он искал и, к досаде своей, не находил ничего уродливого. «У такого человека,— убеждал себя Трегуб,— должна быть красная, мясистая физиономия с нахальными глазами, которые ничего не упустят, и узенький лоб. И большие оттопыренные уши. И громкий смех, как из бочки,— го-го-го...»

А на самом деле у шофера было обыкновенное продолговатое лицо, веселые карие глаза, прямой нос и совершенно нормальные уши. А когда он, наклонив голову, сдвинул рукой козырек кепки, Трегуб увидел широкий и прямо-таки красивый лоб.

Может быть, именно потому Трегубу еще неприятнее стало смотреть на него. «Да ну его к лешему! Что мне о нем думать!» — сказал себе Трегуб, и все же шофер не выходил у него из головы.

Если бы не такой исключительный случай, Трегуб с наслаждением швырнул бы ему в лицо «мерзавец». А он вынужден сидеть рядом и даже головы повернуть не может. Только повернется, в глаза лезет фиолетовое сердце, пронзенное такой же фиолетовой стрелой, похожей на гусиное перо.

На кой черт понадобилась эта дурацкая поездка в Киев? Ведь говорил же себе: сиди! Чувствовал, что не следует ехать.

Трегуб напрасно себя казнил. Это лишь сейчас он надумал, что его тревожили какие-то предчувствия. Просто поехал на три-четыре дня по делам больницы, как до этого ездил не однажды, как будет ездить и впредь. Никто не мог знать, что там случится, когда он уедет. А что именно случилось, он и сейчас толком не поймет. Мария Антоновна — женщина смелая и решительная, как и полагается хирургу. Если она растерялась — значит, там и вправду неблагополучно. Он даже не узнал ее голоса, такой он был взволнованный и испуганный. Она только повторяла: «Я вас очень прошу, приезжайте. Очень прошу... Немедленно! Может быть, самолетом!» И тут оборвался разговор— догадывайся теперь, что там случилось.

Ну, конечно, самолетом! Трегуб презрительно скривил губы. Еще сказала бы: на реактивном. В такую погоду только ведьма на помеле может сесть на том раскисшем выгоне, который в Чернобродах называется районным аэродромом. А поездом, да еще с пересадкой, будешь тащиться до самого утра. Оставалось одно — такси.

Нет, сперва он помчался на автобусную станцию. Второй — и последний — автобус ушел час тому назад. Шофер такси, который привез его к автобусной станции, поморщился и насмешливо переспросил: «На Черноброды? Туда гиблая дорога. Никакой дурак не поедет». И спокойно закурил.

Шофер вел себя, как опытный рыболов, который знает, что не следует раньше времени дергать удочку.

Автомашина попала в залитую водой ямку, сзади что-то хлопнуло. Шофер тихо выругался, и Трегуб глянул на него. Но снова ему бросилось в глаза вытянутое сердце с лиловой стрелой, и он отвернулся к окну, откуда лился сырой воздух, напоенный ароматом опавшей и уже чуть тронутой тлением листвы. Перед ним раскрывался по-осеннему хмурый полесский пейзаж. Вдоль дороги зеленел заболоченный луг. Дальше темной стеной вставал лес, он закрывал горизонт, сливался с тучами, такими низкими и тяжелыми, что казалось, будто они сейчас падут не дождем, а серыми камнями.

И все же лицо Трегуба потеплело. От дедовпрадедов полещуков он унаследовал любовь к родному краю. Ехать на машине было несравненно приятней, нежели поездом. Если б не эта глупая история... А впрочем, плевать ему на деньги, никогда он не жалел о том, что с воза упало! Только какого черта он сказал Галине, что уже купил ей туфли! Ведь собирался их купить только утром. Но хотелось доставить ей удовольствие, и он, заканчивая телефонный разговор, сказал, что туфли уже в чемодане. В точности такие, как она заказывала. Коричневые. Тридцать седьмой номер. На высоком каблуке. Галина обрадовалась, голос ее стал мягче, видно было, что ей совсем не хочется класть трубку.

А два часа спустя в гостиницу позвонила Мария Антоновна, и он сразу же забыл и о туфлях и обо всем на свете. Да и хорошо, что забыл. Где б он взял деньги на такси? Пятьсот рублей ухнуло! Галина, конечно, рассердится, может быть, даже заплачет.

Трегуб вздохнул. Было обидно, что Галина ничего не поймет. Денег ему, ясное дело, никто не возвратит, потому что ни в каких сметах такие расходы не предусмотрены. Тем более, что такси никаких счетов не выдает. И пропади они пропадом, эти проклятые счета, про-

2

Когда шофер такси заломил пятьсот рублей за то, чтоб отвезти его в Чернобroды, Трегуб сперва подумал, что тот шутит. Это было по крайней мере вдвое больше, чем за такое расстояние полагалось.

— Кажется, существует такса? Или у вас счетчик не работает? — спросил он, подняв лохматые брови.

Шофер только улыбнулся, губы у него были тонкие и подвижные.

— Никакой счетчик на Чернобroды работать не будет,— ответил он.— Дорога собачья, грязь... Ясно?

Говорил он нарочито спокойным тоном, и Трегуб понимал, что все это вранье. Да шофер и не старался уговаривать или убеждать. С первой же минуты, еще у гостиницы, он увидел, что имеет дело с человеком встревоженным, который спешит куда-то, забыв обо всем на свете. Оставалось только спокойно выжидать.

— Не многовато ли? — сердито спросил Трегуб.

Он принадлежал к людям, которым неприятно говорить о деньгах даже с близкими. Тем более он не умел и не любил торговаться. А тут запахло торгом.

Шофер спокойно выдержал его пристальный взгляд и с легкой насмешкой, как показалось Трегубу, ответил:

— Нет, не многовато. Как раз тютелька в тютельку!

Шофер докурил сигарету, сплюнул, потом продул янтарный мундштук, положил его в карман. Сейчас он сядет и поедет на свою стоянку, там найдутся другие пассажиры. У Трегуба мелькнула мысль: «Скажу ему, что я еду спасать больного. Есть же у человека совесть!» Однако он ничего не сказал. Было стыдно приплетать к такому делу ничтожные денежные расчеты. Он рванул ручку, сел, изо всех сил грохнул дверцей.

— Осторожнее! — буркнул шофер.

Трегуб повернул к нему помрачневшее, словно из темного камня высеченное лицо и бросил резко, властно:

— Только поскорее! Каждая минута дорога.

В глазах шофера мелькнуло удивление и даже что-то похожее на испуг. Он торопливо умостился на своем месте, и машина двинулась ровным ходом.

Тяжелое молчание разделило их каменной стеной.

Прошло, должно быть, не менее получаса. Машину вдруг тряхнуло, что-то грохнуло позади. Трегуб увидел кучу камней, преграждавшую путь. Почти незаметная, скособочившаяся фанерная стрелка, прибитая к столбику, указывала налево: объезд. Машину сразу же обдало грязью. Шофер выругался.

— Выгонять надо тех, кто за дороги отвечает,— сказал он со злостью.— Им что! Сидят!.. А ты плавай по лужам. Но я везу. Гони монету — хоть в пекло повезу. Мне нужды нет, кто и зачем едет. Каждый подгоняет, у каждого важное дело. Я тоже не хочу быть дураком. У меня свое правило: гони монету!

— Мы люди темные...— едко бросил Трегуб.

Шофер засмеялся.

— Точно. Мы люди темные, нам абы денежки.

— А если человек где-нибудь умирает?

— Тем паче! На тот свет денег не возьмет, пусть оставляет здесь.

Шофер хихикнул, довольный своей остротой. Но снова, теперь уже над самым ухом, прозвучало резкое:

— Быстрее!

Что-то в этом властном голосе послышалось такое, что шофер посмотрел на Трегуба и сразу же отвел глаза. Снова наступило молчание, такое же угрюмое и томительное, как осенняя дорога, которой, казалось, не будет конца.

Первым не выдержал шофер.

— Всем спешно,— пробормотал он.— Всем некогда. Горит, кипит. А машина? За машину кому отвечать? Пассажир приехал, махнул тебе ручкой и пошел вареники со сметаной есть. Вот и все его экстренные дела.

Трегуб смотрел в сторону и, казалось, ничего не слышал, а может быть, не хотел слышать.

— Ну да, экстренные дела! — уже громче, с раздражением заговорил шофер. — Вареники или уха̀. Да чарочка-чаровница. А потом преферансик. Шибко интеллигентная игра — преферанс.

Трегуб повернул голову, поймал в зеркальце нагловатый, насмешливый взгляд шофера и сказал спокойно, но с той же властной интонацией:

— Не болтайте. Я хирург и спешу к человеку, которому угрожает смерть. Ясно? Дорога не так уж дурна, можно ехать быстрее.

Шофер промолчал, но дал газ. Машина точно рванулась навстречу ручьям. Вдруг все вокруг застлало серой пеленой дождя. Ветровое стекло заслезилось. Механический «дворник» не успевал сгонять крупные капли.

Потом машину еще раз подкинуло на глубокой выбоине, полной воды. Потом был еще один вязкий и долгий объезд перед районным городком: там ремонтировали шоссе.

Трегуб молчал. А шофера словно бес какой толкал на разговор:

— Ну что ж, сделаете операцию, и денежки вернутся с лихвой. Родные не пожалеют... Вот и выходит: мне свое, а вам свое. И каждый прав.

— Врешь! — вдруг не выдержал Трегуб. — Всех на свой аршин меряешь?

Глаза их встретились, и какое-то мгновение они напряженно смотрели друг на друга. Затем шофер снова уставился в пробку радиатора, а Трегуб скользнул взглядом по фигуре шофера и чуть не заскрежетал зубами от отвращения: на волосатой руке шевельнулось лиловое сердце.

Когда немного погодя шофер на минуту остановил машину, Трегуб тоже вышел, расправил плечи, потянулся так, что хрустнули кости, прошелся взад-вперед на одеревеневших ногах и сел уже не на переднее сиденье рядом с шофером, а сзади.

Шофер передернул плечами и презрительно скривил тонкие губы. Но теперь уже и у него пропала охота разговаривать. Он обиженно насупился и время от времени наклонял голову, словно чувствуя затылком тяжелый взгляд Трегуба.

3

Изорванным ватным одеялом повис над опушкой туман. Хмурое утро опустилось низко.

За деревянным мостиком, прогрохотавшим расшатанными досками, дорога пошла под уклон, впереди она терялась во мгле.

Какое-то гнетущее чувство охватило Трегуба, хотя он отлично знал, что за широкой балкой под лесом будет село Наталивка, а от него до Чернобродов меньше часа езды.

Оба думали о третьем, о том, кто ожидал в больнице помощи и, может быть, умирал.

«Ну, а я тут при чем? — сердито спрашивал кого-то шофер. — Я, что ли, виноват, что он умирает? И меня, может быть, стукнет завтра, ну и что? Каждый день кто-нибудь умирает. Ну и что? Нечего мне глаза колоть! Я тебе в руку не заглядываю, и ты мне не заглядывай. Ишь какой!.. Я тоже могу рассердиться. Вот доеду до села, и стоп! Мотор испортился, что ты мне скажешь? Шагай ножками».

А Трегуб все старался угадать, с каким же это Гордиенко стряслась беда.

«Я бросил все свои дела, забыл про встречу с другом, про концерт, на который мечтал попасть вот уже полгода. Что в этом особенного? Все понятно. Я должен спасти неизвестного мне Гордиенко. Если с машиной что-нибудь случится, я должен бежать в больницу, и побегу, хотя бы сердце у меня лопалось. Если ему нужна будет кровь, я перелью свою. Я делаю свое дело и поэтому чувствую себя человеком. Единственно, что отравляет мне настроение, — это тип, который сидит за рулем. Если я облечен высоким правом отдать жизнь свою за больного, почему я не могу столкнуть с пути человека, который все и вся меряет на деньги?»

— Сколько мы уже едем? — резко спросил он и взглянул на часы.

— Не так уж и много,— угрюмо ответил шофер.— По такой дороге быстрее нельзя. Если хотите не только ехать, но и доехать.

И все же Трегуб заметил, что стрелка спидометра подскочила еще на несколько делений и приблизилась к цифре «60».

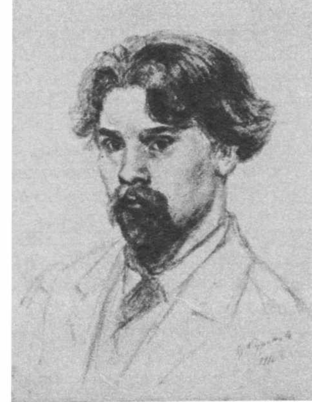
4

— Здесь,— показал Трегуб на длинное приземистое здание, светившее окнами из-за забора.

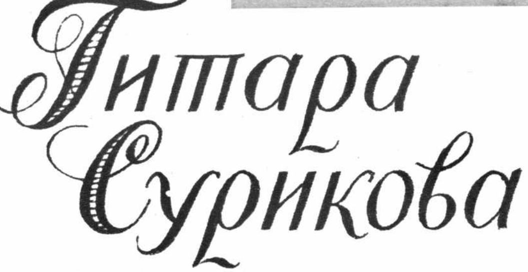
Автомашина не успела остановиться, как он отворил дверцу, покачнулся, чуть не упал и кинулся бегом к дому.

Когда шофер, щурясь от яркого света, вошел в прихожую, он увидел Трегуба уже в белом халате. Хирург как будто стал выше, глубокие морщины на лице обозначились еще резче, в пряди волос, падавшей на лоб, заметна была седина. Рядом стояла женщина лет сорока, тоже в белом халате, статная, высокая. Шофера поразило ее лицо: оно словно окаменело, в глазах застыло выражение глубокого страдания. В отдалении замерла в ожидании молоденькая девушка с круглым испуганным лицом, видно, санитарка.

— Мария Антоновна! — сердито и почему-то очень громко произнес Трегуб.— Как вам не

В. И. Суриков.
АВТОПОРТРЕТ.

Гитара Сурикова

Наталья КОНЧАЛОВСКАЯ

В притолоку двери были ввернуты два крюка, на них висели обыкновенные детские качели. Они летали между столовой и комнатой деда. Качели были моими, а я тогда была шестилетней внучкой художника Василия Ивановича Сурикова.

Вечерами, свободными от работы, Василий Иванович в своей комнате играл на гитаре.

Я сидела на качелях, и оба мы пели. Дед сам повесил для меня качели в дверях своей комнаты, потому что любил проводить свободное время в моем обществе. Сверху мне было видно, как легко сидит дед на стуле, притопывая ногой в такт своему живому, звонкому аккомпанементу.

Играл Василий Иванович превосходно на своей маленькой гитаре о семи струнах.

Родом из Красноярска, из казачьей сибирской семьи, Василий Иванович воспитывался на старинных казачьих песнях, что пел отец его Иван Васильевич сильным, красивым голосом, сам аккомпанируя себе на гитаре. Суриков тоже с младенчества пристрастился к этому удивительному инструменту.

Василий Иванович знал и любил старинные песни бесчисленных теток села Торгошина, откуда родом была его мать Прасковья Федоровна.

Юношей Василий Иванович ходил слушать хор певчих в красноярский собор. Негде было больше послушать хоровую музыку — не было в Красноярске ни театров, ни концертов. Все упиралось в церковь да в домашний семейный хор, который тоже мог собраться разве что в праздник. И потому Василий Иванович с братом Александром знали все самые красивые церковные песнопения, часто принадлежавшие перу знаменитых композиторов.

С 1869 года Суриков живет в Петербурге и учится в Академии художеств. Тут он впервые попадает в средоточие музыкальной культуры того времени. Он бывает в опере, слушает концерты знаменитых гастролеров.

Василий Иванович старается ничего не пропустить. Друзья его — семейство сибиряков Кузнецовых, которые постоянно жили в столице, — всегда приглашают его на все новинки.

Сам он снимает комнату у какой-то петербургской старушки близ Садовой. У хозяйки в доме стоит рояль, и она берется обучить своего постояльца игре на «фортепианах». И вот молодой красноярец, в кургузом пиджачке, подстриженный по-казачьи, под скобочку, в свободное время разучивает гаммы и упражнения. Так велика была тяга к музыке!

В августе 1869 года Василий Иванович писал своей матери в Красноярск:

«...Вот что, мамаша! Нельзя ли упаковать мою гитару да послать ее ко мне... Сделать ящик сосновый, обложить гитару ватой или, лучше, куделей да и сдать на почту... Теперь я довольно порядочно играю на фортепиано, на квартире, где я стою, оно есть. А вот в сентябре думаю переехать на Васильевский остров, чтоб поближе к Академии было ходить, так хотя на гитаре играть буду в свободное время...»

Но гитары он так и не дождался. Где ж там! В Красноярск письмо идет шесть недель, да пока соберутся, да пошлют, да на почтовых лошадях по сибирскому тракту будет гитара ехать еще шесть недель... Итого три месяца ждать!.. Василий Иванович купил себе гитару, на новой квартире «фортепиан» не оказалось.

В католической церкви святой Екатерины, на Невском проспекте, играл во время мессы орган. Василий Иванович ходил туда слушать хоралы Баха. Он так пристрастился к Баху, что не мог пропустить ни одного воскресенья. Эта музыка, с одной стороны, умиротворяла и успокаивала его, а с другой — рождала в нем необычайную веру в себя, будоражила силы, наполняла душу мечтами и желанием творить.

А вечером в воскресенье можно было поехать в Павловский курзал, где гастролировал прибывший из Вены прославленный Штраус, и послушать блестящие вальсы.

Но все же самым большим удовольствием было слушать Баха в католической церкви. Там встретил к тому же Василий Иванович двух сестер-француженок — Софью и Елизавету Шарэ, с которыми подружился и вскоре женился на младшей — Елизавете. С нею вместе он покинул Петербург, окончив академию, и навсегда поселился в Москве.

Баха Василий Иванович любил страстно. Он сам перекладывал его фуги и прелюдии для гитары, и, пожалуй, не было вечера, чтобы он

стыдно! Надо было оперировать. Вы что? Испугались?

Женщина смотрела на него тем же застывшим взглядом.

— Я не могла, Иван Петрович. Так погиб мой мальчик.

Трегуб опустил голову. Как он мог забыть? У нее погиб восьмилетний сын как раз во время такой операции.

И все же он сурово взглянул на женщину и спросил:

— А что, если б я не приехал? Допустим, машина сломалась.

— Я решила ждать до девяти. А потом...

— Как фамилия мальчика? — резко перебил ее Трегуб.

— Гордиенко, Сашко,— торопливо ответила испуганная девушка.

— Ну вот, а я все думал, какой же это Гордиенко...

Трегуб махнул рукой и что-то резко сказал. Белые фигуры женщин метнулись к белым дверям. Тут он заметил шофера, поморщился и, сделав два-три шага к нему, вынул из кармана смятые в комок деньги. Он развернул несколько бумажек по сто рублей, удивленно поднял лохматые брови, снова пересчитал и тихо буркнул: «Что за чертовщина!» Там было четыре бумажки, а он хорошо помнит, что у него оставалось пять, поискал в других карманах — нету.

— Вот тебе и на! — пробормотал он растерянно и сердито.— Потерял где-то, разиня. Посидите, я сейчас принесу.— И, резко повернувшись, вышел.

Шофер присел на узенький диванчик, застланный белой простыней, и с наслаждением вытянул ноги. Он отдыхал. Проклятая дорога утомила его, к тому же он, сам не понимая, почему, все время нервничал.

Дверь палаты распахнулась, и мимо него пробежала женщина, которую Трегуб называл Марией Антоновной. Следом за ней спешила молодая, круглолицая. Лицо старшей женщины поразительно изменилось, взволнованность и возбуждение разбили каменную маску, сделали его таким добрым и красивым, что шофер на миг перестал дышать, зажмурился и вдруг почувствовал себя самым несчастным человеком на свете.

Где-то в глубине коридора снова хлопнула дверь, и оттуда выкатили высокие носилки на колесиках. На носилках лежал мальчик, бледный до синевы. Он безразлично, словно откуда-то издалека, взглянул на шофера и устало закрыл глаза. Было что-то до боли беспомощное в слабой фигурке мальчика, в его безжизненном взгляде. Носилки покатили в палату, где был Трегуб. Оттуда снова донесся его резкий голос. И все затихло.

О шофере забыли, но ему некуда было спешить. Он отдыхал. Ехать обратно ночью было бы совершеннейшей глупостью. Он поужинает в чайной, выпьет в свое удовольствие и переночует в гостинице. Должна же быть в этих Чернобродах хоть какая-нибудь гостиница!

Невольно он стал прислушиваться. Сквозь закрытую дверь изредка долетал голос Трегуба. Слышны были короткие, отрывистые возгласы: «Скальпель!..», «Смотрите внимательнее!..», «Что за черт!»

Черта он поминал частенько и, видимо, любил поворчать. Да, работать, а тем более дружить с этим человеком, наверное, нелегко, и, однако, никто, должно быть, на его сердитое ворчание не обижается.

«А что мне за дело до него?» — пробормотал шофер. Но что-то в этом сердитом и нервном пассажире было такое, что и сейчас заставляло шофера тревожиться, держало его в напряжении. «Что там происходит, за этой дверью?»

Он прислушался и услышал сказанное вполголоса с той же сердитой интонацией:

— Лучше посидите там, Мария Антоновна. Ей-богу... А, черт, забыл! Пошлите к Галине, чтоб дала сто рублей. Есть у вас? Ладно, до утра... Отдайте ему, пускай идет.

Дверь неслышно отворилась, в прихожую вышла докторша. Шофер невольно встал и испуганно посмотрел на ее вновь окаменевшее лицо. Белый полотняный колпачок на ее голове сдвинулся на затылок, волнистая грива темных волос еще резче подчеркнула мертвенную бледность лба и щек.

— Вот, пожалуйста, — глубоким, грудным голосом проговорила она.

Он машинально протянул руку и заметил, что в глазах ее мелькнуло удивление, сменившееся внезапной брезгливостью. Она увидела лиловое сердце, пробитое стрелой. Но, верно, сразу же забыла об этом, отошла к окну. На черном стекле резко вырисовывался ее белый профиль.

Шофер неловко переступал с ноги на ногу. Он хотел спросить, что с мальчиком. Но внутренний голос подсказал ему, что это надо было сделать, как только она вошла. А он прежде всего схватил свою бумажку. Что, если она ему скажет: «Вы свои деньги получили, какое вам дело до мальчика?»

Нет, она этого не скажет. Она не знает о разговоре, который был у них в пути. А тот, что там, за белой дверью, тот именно так и сказал бы...

Еще какое-то мгновение шофер ждал и колебался. Сделал молча два-три шага к женщине. Его сковывала тревожная тишина за дверью палаты. «Что там происходит?»

А ведь мог бы он подойти к ней и сказать что-нибудь самое простое, но так сказать, чтоб у нее потеплели глаза, мягко дрогнули губы. Чтоб она ему поверила! Ведь мог бы он ждать до конца операции, ждать здесь хоть до самого утра, а потом броситься к хирургу, увидеть, как улыбается этот сердитый человек, как взлетают вверх его косматые брови. И чтобы, улыбаясь, хирург хлопнул его своей тяжелой рукой по плечу и сказал бы: «Ну и дорога, черт бы ее побрал! А тут еще дождь, лужи. Однако ведете вы машину классно. Молодчина! Зато не зря мы и спешили, казаче».

Было тихо. Так тихо, что в ушах стоял звон. Шофер еще минуту прислушался. Потом взглянул на женщину, что замерла у окна.

— Послушайте...

Женщина молчала. Может быть, не услышала? Может быть, не хотела слышать?

Вдруг он круто повернулся и вышел, хлопнув дверью.

На улице его ослепила тьма, дохнуло пронзительной сыростью.

Уже сидя в машине, шофер невольно бросил взгляд на освещенное окно. Женщина стояла все в той же застывшей позе. Белая дверь в палату была закрыта.

Он скрипнул зубами и нажал стартер с такой силой, что мотор завыл и заскрежетал на всю улицу.

Перевел с украинского
А. ОСТРОВСКИЙ.

не посидел с гитарой, не попробовал какой-нибудь новой мелодии или не поупражнялся бы в технике.

Был у него большой друг, гитарист Федор Федорович Пелецкий, у которого Василий Иванович учился мастерству исполнения, и часто они играли пьесы для двух гитар.

Пелецкого Василий Иванович увековечил в своем великолепном карандашном рисунке, в котором передал весь характер этого человека, музыканта и большого мастера. Стоит только посмотреть на сухую кисть руки гитариста, на чуть приплюснутые пальцы виртуоза, на сосредоточенное лицо и всю его посадку, не имеющую ничего общего с посадкой, манерами залихватских гитаристов — мастеров цыганского романса, которые в те времена пользовались успехом в купеческом и чиновничьем быту.

Рисунок этот находится в Государственной Третьяковской галерее. Там же висит и чудный акварельный портрет Софьи Августовны — так звали сестру жены Сурикова. Прелестная женщина в сером платье и в черной кружевной косынке сидит с гитарой. Она мечтательна и поэтична.

Софья Августовна дружила с сестрой, часто бывала у Суриковых и, аккомпанируя себе на гитаре, пела «Вьется ласточка сизокрылая...».

Небезынтересно, что первый эскиз к своей картине «Утро стрелецкой казни» Василий Иванович сделал на последней странице сборника пьес для гитары. Под рукой не было бумаги, а в мысль пришла композиция картины. Суриков оторвал последний лист в сборнике и набросал композицию карандашом.

В 1914—1915 году, уже незадолго до смерти, Василий Иванович жил вместе с нами всеми в нашей квартире на Большой Садовой улице. И я очень хорошо помню, как он играл переложенную им самим для гитары первую часть Лунной сонаты Бетховена.

Он играл ее медленно, строго, без излишней эмоциональности, но в то же время с внутренним волнением и чувством. Это было последнее, что он разучил. Играя с подлинным мастерством и увлекаясь сам, он доставлял огромное наслаждение всем, кто его слушал...

Юрий МЕЛЬНИКОВ

Ты без меня вращалась круто
Мильоны лет,
Великий срок,
А я, твой пахарь, и минуты
Прожить бы без тебя не смог.

Без росных трав,
Без их цветенья,
Без белых яблонь у крыльца.
Твое земное притяженье
Проходит через все сердца.

И пусть летят к иной планете
Космические корабли,—
Они лишь дети,
Только дети
Великой матери Земли.

Зорька Чингиза

Гали ОРМАНОВ

I

В степи повстречался случайно я с ней,
Сияли глаза ее, неба ясней,
Была грациозна она и стройна,
Увидишь — и радость поет, как струна!

Задорно-дразняще блестел ее взгляд,
Смущая друзей ее, крепких ребят.
От шуток, слетавших с обветренных уст,
У них начиналось смятение чувств.

Ремнем перехваченный комбинезон
Сидел, будто создан для девушки он.
С короткою челкой, от солнца смугла,
Она как прелестная птица была.

К машине она подошла не спеша,
В кабину впорхнула проворней стрижа,
И трактор огромный взыграл, как живой,
И двинулся с громом в простор полевой.

В степи от следов его ровный узор
Ушел полосою в бескрайний простор,
Не только людской восхищался им взор,
Но, чудилось, даже хребты наших гор...

С почтеньем о ней говорил аксакал:
— Большая у нас мастерица Жамал!
Жигиты вослед ей глядели с тоской:
— Другой не найдется на свете такой!

II

В ауле, где вечером я отдыхал,
Опять и опять вспоминали Жамал.
Нарядную девушку я увидал,
Узнал, удивился: да это Жамал!

Все так же стройна, грациозна, легка,
Была трактористка одета в шелка,
Казалась нарядней весенних цветов,
И вид ее требовал новых стихов.

Чудесную песню запела она,
Та песня была и нежна и грустна.
И замер в молчанье глубоком народ,
Впивая любимой мелодии мед.

Блистала та песня, как солнечный луч,
И к сердцу любому нашла она ключ.
Кто песню не ценит, не чувствует стих?..
В казахской степи не осталось таких!

И, может, заслушался с нами жигит,
Чье сердце надеждою сладкой горит!..
Иль девичье сердце томится в огне,
С ним встречу предчувствуя наедине?

Но виду красавица не подает —
И песню не портит, с душою поет.
И в дали уносит нас песня-волна,
И нас высоко подымает она...

Вечерний аул с восхищеньем внимал
Весенней, чарующей песне Жамал,
И пела она, славя жизнь и народ,
Прекрасна, как зорька Чингизских высот!

Перевел с казахского
Павел ЖЕЛЕЗНОВ.

ВЕЛИКАЯ СИЛА — НАША ОБЩЕСТВЕННОСТЬ!

В столовой № 30 общественные контролеры проверяют, как готовятся вторые блюда.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Б. Кузьмина.

РАЗГОВОР НАЧИСТОТУ

Это происходит на Горьковском автомобильном заводе: каждый четверг в заводском комитете собирается комиссия общественного контроля. Поле ее деятельности обширное: на одной только заводской территории сорок четыре столовых — впору целому городу. Прибавьте столько же столовых и более сотни магазинов Автозаводского района. Тут только поспевай! Ведь всюду надо побывать, за всем уследить, нерадивых подстегнуть, других в пример поставить. Хлопотливая у них «должность», у общественных контролеров!

В комнате тесно и, я бы сказал, жарко — жарко прежде всего тем, кто держит сейчас ответ перед рабочими. Заместитель председателя комиссии столяр Александр Дмитриевич Усанов читает акт, составленный общественными контролерами в столовой литейного цеха: в порциях сметаны и сыра недовес. Анализ котлет показывает, что в них слишком много хлеба, а в жареном картофеле вдвое меньше жиров, чем полагается по раскладке. Таковы факты.

— Что скажешь, товарищ Воронков?

— Виноват...— бормочет директор.

— Учту ошибку,— добавляет повар.

Оба краснеют, каются. Но здесь никого не разжалобишь. Мастер Павел Степанович Кузьмичев говорит резко:

— Видно, директор не понимает своей ответственности. Сколько раз предупреждали его! А он все свое — «виноват, исправим». Во второй смене непорядков еще больше.

— На заводе вечером-то потише. Начальства поменьше, вот повара и пошаливают,— включается в разговор нормировщик Николай Васильевич Чапарин. Сказал и с укором посмотрел на сидящего рядом с ним мастера-кулинара треста столовых А. И. Полозова.— Чего же молчите, товарищ Полозов?

— Сам обойду столовые во вторую смену. Заверяю комиссию, что трест примет все меры...

Решили так: просить трест наложить взыскание на виновных в плохой работе столовой литейного цеха.

Потом зашла речь об инструментально-штамповом корпусе. И сразу у всех настроение поднимается. Директор столовой Иван Дмитриевич Селифонов сообщает: за год не было ни одной жалобы. А благодарностей — восемнадцать.

Кто-то из общественных контролеров добавляет:

— Вкусно готовят, ничего не скажешь. И к замечаниям нашим всегда прислушиваются...

ПЯТОЕ РЕБРО

В магазине контролеры обнаружили: мясо второго сорта продавалось по цене первого.

— Ошибка произошла...— оправдывается заведующий.

— Какая же тут ошибка?! — возражает Федор Иванович Камшилин. Он «дважды контролер»: на работе — контролер ОТК, а тут — общественный.— Рубщик мяса неквалифицированный. А еще спорил со мной: правильно, говорит, разрубил. Я-то знаю, как полагается мясо рубить, сам научить могу...

— Ну, захватил пятое ребро...— смущенно говорит продавец.— Я ведь без году неделю мясом торгую.

— А раньше где работал?

— На лесозаводе.

— Видать, дрова рубил? А тут, голубчик, мясо!

Оказалось, что общественные контролеры знают рубку мяса лучше, чем некоторые завмаги...

И о другом магазине (он на проспекте Жданова) неприятный разговор: контролеры обнаружили обсчет покупателей почти на шестнадцать рублей в трех покупках.

— Не знаю, что сказать, как быть?—разводит руками завмаг.— Стыдно нам. Весь коллектив переживает...

Комиссия решила созвать конференцию покупателей и рассказать им о случившемся. Пусть сами и решают, как быть.

МОЛОДЕЖНАЯ, КОММУНИСТИЧЕСКАЯ...

В завкоме сказали нам:

— О силе общественного контроля судите по столовой кузовного корпуса.

Обслуживает она несколько тысяч рабочих. Была самой рядовой из всех сорока четырех, пока за нее не взялась общественность. А теперь ее коллектив удостоился звания коммунистического.

Обеденный зал большой, светлый, чистый. В столовой самообслуживание.

— Много времени уходит на обед?

— Минут за двадцать легко справляемся,— отвечает парень в комбинезоне, перед которым стоит тарелка борща.

— Вкусно?

— Да.

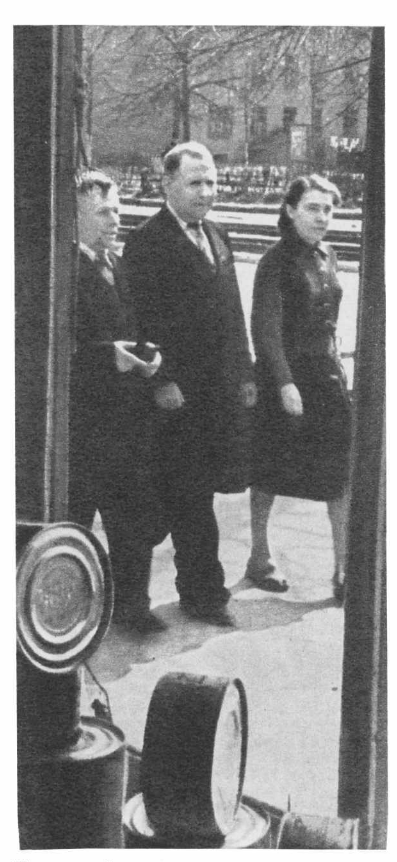
— Отличная стала столовая! — подтверждает мастер Иван Алексеевич Дубков.

Как же стала она отличной? Послушаем Елизавету Николаевну Барвенко, ее директора:

— Администрация и общественность считают столовую своим цехом и во всем нам помогают. Зал и кухню отремонтировали. Поставили газовую плиту. Привезли фарфоровую посуду взамен старой, металлической. Помогли общественные контролеры — подстегивали тех, кто посуду должен был дать, доски для разделки мяса изготовить, противни... За всем следили тут. А знаете, что такое хозяйский глаз? Нам и звание коллектива коммунистического труда присвоили только тогда, когда общественные контролеры сказали: «Можно! Заслужили!».

В меню столовой — двадцать девять блюд. Разнообразен и ассортимент в буфете. Рядом прилавок с полуфабрикатами. Вот что значит недремлющее око общественных контролеров! Они и теперь не оставляют столовую в покое. Хлебом занялись: его привозят к концу дня. Для первых смен он хорош, а кто обедает вечером, жалуется: черствый!

...Большое, полезное дело делают общественные контролеры Горьковского автозавода.

Идут общественные контролеры (слева направо): А. Д. Усанов, Ф. И. Камшилин и Г. К. Каржова.

НЕ ПО ДОЛГУ СЛУЖБЫ...

А. СТАРКОВ

Фото А. Гостева.

Сильная душа

Я прочел в газете маленькую заметку и поспешил в Смоленск.

Там в железнодорожной больнице лежит человек, совершивший подвиг. Теперь я все знаю об этом подвиге и многое об этом человеке, и мне не терпится рассказать, какая у него сильная душа.

Но сначала все-таки о самом подвиге. Все произошло в течение нескольких минут и даже, можно считать, секунд.

Раннее утро на сортировочной станции. Знаете, наверно, какой здесь темп жизни? Он и ночью-то не стихает. А уж утром самое кипение. По десяткам путей снуют туда-сюда паровозы, проносятся составы, летят с горки вагоны-одиночки. А вон старательная «овечка» тащит три гондолы, груженные доверху углем. Она их, верней, не тащит, а толкает. Маленький этот состав движется вагонами вперед. На переднем, пристроившись на боковой ступеньке и ухватившись руками за скобу, едет сцепщик.

Он, как впередсмотрящий на носу корабля, должен сигналить об опасности. А видно плохо. Путь описывает кривую, и длинный эшелон, идущий рядом, закрывает обзор. Но вот «овечка» поднатужилась, обогнала соседа и выкатила на прямую. И сцепщик сразу же увидел человека на пути. Женщина. Путевая рабочая. В стеганке, в платке. Сбивает ломиком лед с рельсов. Метров пятьдесят до нее. Сцепщик сигналит, свистит. Но платок у нее, что ли, на голове толстый, не слышит. Ага, кажется, услыхала. Подняла голову, повернулась вполоборота. Но что это? Снова взмахнула ломиком. Ну, видно, хочет еще раз ударить и сразу отскочить. Нет, опять делает замах. (Позже она говорила, что, обернувшись, увидела паровоз на соседнем пути и, решив, что это его машинист сигналит кому-то, продолжала работать.) И еще замах.

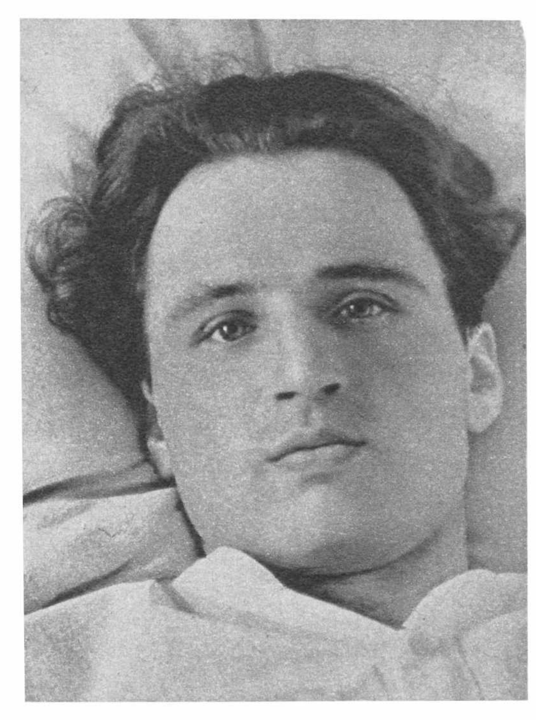
Теперь уже нет ни секунды лишней. Сцепщик прыгает на землю. Рывок — и он впереди своего вагона. Бежит вдоль колеи, рядом с ней. А женщина на шпалах. Толкнешь ее с этой, внешней, стороны — упадет на рельсы. Это все молнией у него в голове, и вот он уже сам бежит по шпалам, догоняемый поездом. Он не свистит, не кричит, понимая, что сейчас может только напугать женщину. Еще рывок — и он плечом толкает ее. Неудачно. Падая, она натыкается на ломик, и нужно еще усилие, чтобы оттолкнуть ее дальше. Да, или ее столкнуть, или самому в сторону прыгать. Сделать и то и другое не удастся...

Он прыгнул не в сторону, а вперед и, напрягаясь всем телом, отбросил женщину на ящики, стоявшие между путями. И хотел еще одним рывком вперед уйти от настигавшего его вагона, но под ногами были битые кусочки льда; ноги поскользнулись, он споткнулся, выпрямился, и тут же его ударило в спину хоботом автосцепки, сшибло, втянуло под вагон, и он еще успел ухватиться за тормозные рычаги и, обожженный страшной болью в ногах, по которым проехало колесо, не выпустил все-таки рычагов из рук, как не выпустил изо рта и свисток. Так его протащило метров двадцать, а когда поезд остановился, сцепщик нашел в себе силы выбраться из-под вагона еще до того, как сбежались люди.

А потом наложили жгуты на раздробленные ноги, стянули их ремнями, и раненого подняли, внесли в будку маневрового паровоза, перед которым открылись все семафоры, и машинист Сафронов погнал паровоз «зеленой улицей» в Смоленск. Сцепщик лежал, обдаваемый ветром из окна и жаром топки, он не стонал, он только попросил: «Сафроныч, дай закурить...», — и тот вложил ему между сухих, запекшихся губ папиросу. А в приемном покое, ожидая операции, сцепщик услышал телефонный звонок и по тому, как говорил в трубку врач, понял, что это звонит Тая, жена, и, приподнявшись на локтях, сказал: «Передайте Тае, что все будет хорошо...»

Вот и все про подвиг. А про человека? — спросите вы. Но разве в подвиге не виден человек? Вам, конечно, хочется побольше узнать о герое, а я еще не успел даже имени его назвать.

Николай Андреев.

Вот оно: Николай Андреев.

Я расспросил о нем многих людей; в моем блокноте записаны их слова, которые хочу привести так, как они записаны.

Таисия Петровна, жена:

— Мы с Колей восьмой год, как расписались. А до того неделю были знакомы. Я тогда в селе подо Ржевом жила, работала пионервожатой. А он во Ржев на курсы поездных сцепщиков приехал. И меня как раз на семинар в райком комсомола вызвали. Познакомились мы в кино, в очереди за билетами. Он впереди стоял, у самой кассы. А передо мной билеты человек за десять кончились. Стою в огорчении, а он подходит, говорит: «Хотите билет?» «А вы как же?» — спрашиваю. «А я, — говорит, — два взял. Вижу, что кончаются и вам не хватит...» Вот как было. А вообще-то он не прыткий, Коля мой. Тихий, но упорный. В мать он. А мать у него фашисты замучили. Искали тут, в Смоленске, на Шкляной горе, бочки с бензином, зарытые нашими танкистами. А зарывать помогал им кое-кто из жителей. Была там и Евдокия Маркеловна, Колина мать. Немцы слыхали, что где-то в земле упрятано горючее, а доискаться не могли. Донесла какая-то сволочь на Евдокию Маркеловну: она, мол, знает. Забрали ее в гестапо. Выпустили через десять дней с отбитыми легкими. Промаялась с месяц, померла... Не выдала секрета! Вот и он, Коля, такой же. Губ ему не разомкнешь, если чего сказать не захочет. Я с ним семь лет живу и постепенно, понемножку узнаю про него. Вот он в армии служил, а я и не знала, что Коля там с парашютом прыгал. А недавно старые его вещички разбирала, нашла значок за 30 прыжков. Стала выспрашивать. «А что, — говорит, — особенного? Ну, прыгал. Обычное дело. Только с первым прыжком неладно у меня получилось. Подняли нас, четверых новичков, на аэростате, в корзине. Перед этим взвесили. Самому тяжелому прыгать первым, и дальше так же, по весу. Мне — вторым. Ну, первый ступил на порожек, замялся. Инструктор кричит: «Пошел!» А он с ноги на ногу переступает. Вижу это, вышел вперед — и вниз. Весь порядок нарушил!..» Такой уж он есть, Коля мой!

Пенсионер Еременко Дмитрий Васильевич:

— Вы ко мне как к бывшему начальнику отдела кадров? Я в этой должности без году двадцать лет пробыл. Всех тут знаю. Сам из стрелочников. Как с гражданской войны, из конницы, пришел, все на железных дорогах... Но я вам про себя, а вы Колей Андреевым интересуетесь. Этот парень давно уже у меня на примете. Я его на работу принимал и в первый и во второй раз. Во второй, когда он из заключения вышел. Да, была с ним такая беда — сидел. За кражу. Нет, не он украл, дружок его из лихой компании. Пригнал откуда-то машину, говорит Николаю: «Подержи у себя до утра». Молодо-зелено: приятель просит, как отказать? Дружка в кутузку — за кражу, Колю нашего — за сообщничество... Вернулся — сразу ко мне. Просится опять в стрелочники. А как я его возьму? Дело-то было восемь лет назад. И у меня строгое предписание из управления дороги: лиц с судимостью к работе, связанной с движением поездов, не допускать... Предлагаю грузчиком на холодильник. А ему охота в стрелочники. Парень мне нравится, глаза у него честные. Иду к начальнику станции, ходатайствую. Возражает. «Не можем, — говорит, — нарушать указания». «Вот что, — говорю, — вы знаете, что у меня сын на фронте погиб, Василий? Так вот, как за сына прошу, за Васю...» Сдался начальник. «Ладно, ставьте в стрелочники. Только под вашу личную ответственность». «Хорошо, — говорю, — согласен и под личную». Не знаю, уж откуда у меня тогда вера взялась в этого парня. Но вроде не ошибся...

Ваня Бойко, комсорг:

— Характеристику комсомольцу Андрееву даю такую: самый активный товарищ! Чего ни поручишь, исполняет без нытья. Металлолом собирали — больше всех принес железа. Выделили в переписчики, когда всесоюзная перепись шла, — благодарность заслужил. Зимой по спортивной линии поручили лыжи закупить для коллективного пользования, так он не только закупил, а целую ночь провозился, крепления ставил. Побольше б таких комсомольцев, скажу вам! У нас тут разговор с ним был о рекомендации. Возраст-то у него комсомольский на пределе. Пора в партию. Две рекомендации от коммунистов уже есть, третью комсомол дает. Должны были ее как раз на собрании утверждать семнадцатого, в день, когда несчастье случилось. Утром иду вдоль путей, вижу, «овечка» толкает три гондолы с углем. На передней комсомолец Андреев. «Николай, — кричу, — не забудь про собрание!» Голос мой услышал, но головы не повернул, вперед, на путь, глядит. «Как сменюсь, — отвечает, — занесу заявление...».

Хирург Иван Михайлович Цикарев:

— Больного доставили в операционную с диагнозом: травматическая ампутация обеих ног. Левая размозжена до половины голени, на правой раздроблена стопа. Мы приступили к операции через сорок минут после того, как произошел несчастный случай. Решено было оперировать под местным наркозом. Больной

ни на секунду не терял сознания. И хотя так называемая тактильная чувствительность к боли сохранилась, он даже не стонал... Мы с ним были знакомы по амбулаторным приемам, но я не знал, что у этого человека такой характер. Должен сказать, как хирург с двадцатилетним стажем, побывавший и на фронте, что не так уж часто попадаются люди с подобной силой воли. Он лежал во время операции с крепко сомкнутым ртом, но с открытыми глазами и все слышал. Мы боролись за каждый сантиметр ткани, чтобы спасти коленный сустав на левой ноге и сохранить опорную функцию правой стопы. Думаю, что это нам удалось. Думаю, что больной через какое-то время сможет ходить и без палочки... Можно ли к нему в палату? Пожалуйста. Он только из перевязочной, но состояние хорошее...

Палата большая: шесть коек в два ряда. На средней в правом ряду лежит человек, о котором я уже столько слышал и которого видел в своем воображении другим. Мне его черты лица представлялись мужественней, грубей. А они по-девичьи нежны. Может быть, это от болезненной бледности, которую еще сильнее оттеняет огромный букет живых красных роз. Тут же, на тумбочке, пачка книг, газет, писем. На табурете возле кровати бутылочка с виноградным соком.

— Юля принесла,— говорит Андрей.

Юля — это женщина, которую он спас. Она бывает тут чуть не каждый день. Вот и сегодня была... Тихо, совсем тихо, чтобы не потревожить сон соседа, рассказывает мне Николай про Юлию. За эти несколько встреч он сумел так много узнать о ней, о ее судьбе...

— Она на транспорте новенькая. В тот день, когда все приключилось, в третий раз только вышла на работу... Двадцать три года ей, а уже повидала горюшка! Сперва жизнь-то у нее хорошо шла. Семилетку окончила, поступила в ремесленное. На каменщицу училась. Слышали про новый хлопчатобумажный комбинат в Ярцеве? Есть там и Юлины кирпичи. Потом призыв был комсомольский на животноводческие фермы. Пошла в совхоз дояркой. На весь район славилась. Медалью наградили. В кандидаты партии приняли. И вот выходит ее подруга замуж, уезжает с мужем на его родину, в Кубинку, под Москвой. И пишет оттуда, что живет хорошо, что и для нее, для Юли, есть хороший парень, мужнин приятель, на одной обувной фабрике работают. А потом и этот парень прислал письмо. Ответила. Письмо от него за письмом. И сам нагрянул вдруг в совхоз. Понравился он ей, уехала с ним в Кубинку... А человек оказался поганый. Пьяница, хулиган. Бил Юлю, подлец такой, даже когда она ребенка ждала. Девочка родилась, на четвертый месяц померла... И Юля уехала от мужа. Вот какая жизнь-то получилась! Вернулась в Смоленск. Горком партии прислал ее к нам на станцию. Как у ней теперь жизнь дальше пойдет?

Разволновался Николай. На лбу проступили мелкие бусинки пота. Какая же это, действительно, сильная душа, если в таком положении, покалеченный, тревожится он не о своей, а о чужой судьбе, судьбе человека, им спасенного!

— А вы знаете, что Юля тоже человека спасла? — говорит Николай.— Это еще когда она в школу бегала. Там у них речушка протекает, Хлюсть. Невелика, но с водоворотами... Пошли всем классом нормы ГТО сдавать. Какая-то девочка быстрее всех разделась — и с обрыва вниз. И сразу в водоворот. Захлебнулась, тонет. Юля как была в одежде — в реку. Ухватила подружку за косу, на берег выволокла...

Вся палата прислушивается к нашей беседе, к словам Николая. Развесил ушки и его тезка, мальчишечка, лежащий с подвешенной ногой. Я знаю историю этого маленького героя. Он и герой и нарушитель дисциплины. Ребята из старших классов прыгали на лыжах с трамплина. И он, «первоклашка», затесался между ними, все норовил прыгнуть. Учитель физкультуры несколько раз отгонял его, но он улучил момент и рванул все-таки с высоты, которая ему была страшна и которой он не испугался, хотя и зажмурил глаза. Теперь вот лежит со сломанной ногой. И пусть он «нарушитель», а я смотрю на него и думаю, что из таких мальчишек и вырастают сильные души вроде Николая Андреева...

С ЧИСТЫМ СЕРДЦЕМ, С ДОБРЫМИ НАМЕРЕНИЯМИ

ФРАНЦИЯ. Жители города Нима приветствуют Н. С. Хрущева.
Фото М. САВИНА.

Чтобы проследить маршруты недавних поездок Н. С. Хрущева по странам земного шара с миссией мира и дружбы, пришлось бы перелистать добрую часть мирового географического атласа. Америка, Франция, Индия, Бирма, Индонезия, Афганистан — это только названия стран. А сколько за любым из этих названий встреч с государственными деятелями, бесед с простыми людьми, выступлений, к которым было приковано внимание миллионов! Каждая такая поездка Н. С. Хрущева умножала число наших друзей, укрепляла их доверие к миролюбивой Советской стране, подрывала позиции тех, кто стремится повернуть человечество назад — к балансированию на грани войны. Хорошо сказал один из рабочих Московского автозавода имени Лихачева, приветствуя Н. С. Хрущева после его возвращения из США: «Никита Сергеевич с силой атомного ледокола рушит лед «холодной войны», разит противников мира с точностью советской лунной ракеты».

Наверное, если сложить число всех километров, которые остались за плечами у главы Советского правительства после его поездок за рубежи нашей Родины, получится внушительная цифра. Только во Франции Н. С. Хрущев проделал путь около 2 700 километров, посетил 15 городов. Но никакими цифрами нельзя измерить тот вклад в дело мира, который был сделан в результате визитов главы Советского правительства во многие страны.

Простота, сердечность, искренность, неутомимая энергия и яркий, народный юмор — эти качества человека и государственного деятеля покоряли сердца всех, кому довелось встречаться с Н. С. Хрущевым.

Нити, протянувшиеся от Москвы во все концы света — к тем местам, где побывал Н. С. Хрущев,— это дороги дружбы и мирного сосуществования, которые все теснее сближают народы и государства.

«Нашей политике, последовательно и активно добивающейся упрочения мира и сотрудничества между народами, суждено и впредь набирать силы, прокладывать человечеству путь к лучшему будущему»,— сказал Никита Сергеевич Хрущев в докладе на сессии Верховного Совета СССР 5 мая 1960 года.

Обеспечить сохранение мира, исключить навсегда войну из жизни общества — вот благородная цель, к которой стремятся все народы. Советский народ неуклонно идет к этой цели. Новые трассы мира и дружбы будут проложены на картах и глобусах, новые маршруты мира свяжут народы.

ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА. Н. С. Хрущев и А. И. Микоян в Берлине.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

МИР — ЭТО ЖИЗНЬ!

РЕСПУБЛИКА ИНДИЯ.
На гражданском приеме, состоявшемся в Калькутте в честь Н. С. Хрущева.

Фото В. ЛЕБЕДЕВА.

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА. Празднование 10-летия республики, на котором присутствовал Н. С. Хрущев.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ. Жители Питтсбурга приветствуют Н. С. Хрущева.

Фото А. НОВИКОВА.

Судьбы людские...

В Соловцово пришла весна. Она сгоняла остатки снега с полей, шумела вешними водами в Козьем овраге, звала людей в поле. И люди не оставались равнодушными к ее зову...

Не остался равнодушным и москвич Владимир Аребин. Родился он в этих краях, в лесной деревушке за рекой Сурой. В сердце его жили золотая нива, шумящая под ветром, и гомон грачей ранней весной. Вот и теперь, в день приезда, в Соловцове в ветвях старых ветел, «несмотря на поздний час, плескали крыльями и вскрикивали невидимые в сумерках птицы. От рассерженного грачиного рокотания, от всплесков крыльев веяло детством...» Этого чувства не могли заглушить ни тоскливые глаза жены Ольги, ни грязная, тяжелая дорога, хотя порой, нечего греха таить, мелькали мысли: «А может быть, зря поехал в эту глухомань?» Но он твердо знал, что поступил правильно и быть по-другому не могло.

Трудно, но нужно заставить себя поверить в неизбежную перемену жизни, в лучшее завтра, ради которого нужно воевать сегодня.

А воевать было с кем и с чем. Один за другим сменялись председатели, а хозяйство колхоза «Гром революции» приходило все в больший упадок. Но самым большим преступлением Коптильниковых, Кокуздовых и всей их компании было то, что они убивали веру людей в свои силы, в свой колхоз. Но не по плечу было даже Кокуздовым отвратить людей от земли-кормилицы. Народ знал, где искать правду. Этой правдой были дела партии. Разве Павел Назаров, Мотя Тужеркин, Ленька Кондаков, тетка Дарья и все те, чьими трудами создавалось артельное богатство, могли оставаться равнодушными, видя, как растаскивают колхозное добро?

В романе Александра Андреева они не безлики. У каждого своя судьба, свои радости и печали, но объединяет их одно общее дело — сделать все, чтобы расцветала земля советская и щедро одаряла людей своими плодами. Могли ли устоять перед ними даже такие сильные хищники, как бывший председатель колхоза Гордей Коптильников и его подручные?

Коммунист Владимир Аребин, на первый взгляд натура совсем не героическая, сумел поднять людей и повести их за собой, делами утверждая свой авторитет. Воспитывая людей на добрых делах и примерах, он сам учился у них и в общении с ними обретал новые силы и уверенность в своей правоте.

Достоинства романа «Грачи прилетели» бесспорны. Их не могут умалить некоторые длинноты, стилистические погрешности, которые встречаются на страницах романа. Главное в том, что Андреев сумел, не сгущая красок, показать, как остро и непримиримо проходит борьба старого с новым, подчас принося много тревог хорошим людям. Сколько пришлось претерпеть коммунисту Павлу Назарову, борясь с Коптильниковым и его друзьями, но правда побеждает! Таков закон советской жизни.

Самой удачной в романе, по нашему мнению, является сцена, когда Аребин передает дом, построенный для него колхозом, многодетной вдове доярке Дарье Макаровой, жившей в старой избенке.

...Дарья поднимается на крыльцо нового дома, «но, дойдя до первой ступеньки, вернулась, взглядом обвела притихшую толпу, с давних пор знакомые, родные лица и, касаясь натруженными пальцами земли, склонила голову в земном благодарном поклоне — поклонилась направо и налево.

— Спасибо вам, люди!

И толпа дрогнула в ответном порыве.

— Желаем тебе добра!»

В. МОСОЛОВ

Александр Андреев. Грачи прилетели. Роман. «Октябрь». 1960. №№ 1, 2.

ЮХАН СМУУЛ: СНОВА В ПУТЬ!

Сейчас я заканчиваю сборник стихотворений, который в этом году должен выйти в свет в Эстонском государственном издательстве. Сборник называется «Морской монастырь», и в нем будут стихи о море и об Антарктике.

В конце прошлого года я участвовал в научной экспедиции в Японском море на нашем научно-исследовательском корабле «Воейков». Эта экспедиция — хотя она была сравнительно кратковременной — дала мне очень много! Так как после «Ледовой книги» я, вероятно, не должен больше пользоваться формой дневника, мне приходится основательно перерабатывать мои дневниковые материалы об экспедиции. Надеюсь, что все будет готово скоро. Книгу хочу назвать «Японское море, декабрь и человеческие фигуры».

В конце июля или в августе снова собираюсь в Северный Ледовитый океан. За время моей поездки в Антарктику я открыл одну особенность у Аньда: оказывается, он умеет так же тянуть к себе, как и море.

Таджикский брат

Селение Каратаг находится в глубине Средней Азии. По одну сторону от него извивается дорога в древнюю Бухару, по другую, через Памир, поднимается путь в Афганистан, в Индию. Когда-то рядом с Каратагом стояла Гиссарская крепость, где сидел наместник эмира, а вокруг крепости желтели глиняные кибитки — жилье нищих ремесленников. Дни текли медленно, как сто, как тысячу лет назад. Эмир называл себя рабом бога, а люди были рабами эмира. Под землей, плодоносной и жаркой, томились в сырых ямах узники с набитыми на ногах колодками, на земле свирепствовала чума. Девять лет было Мирзо, сыну плотника Турсуна, когда эмир бежал из Бухары. В Каратаг вступили всадники в буденновских шлемах: пришла Советская власть.

Голос Азии звенел в крови мальчика, пел в прохладной влаге той предгорной речки, о которой, став зрелым поэтом, Мирзо Турсун-заде написал:

Я люблю эту быструю
 речку.
Сколько в ней услыхал я
 созвучий,
Услыхал в ее песне
 кипучей
Голос Азии, голос
 могучий!..
На ее ненаглядном
 прибрежье,
В кишлаке, где пришлось
 мне родиться,
Пробудился мой голос
 впервые,
Полетел, как поющая
 птица...

Голос поэта пробудился впервые, чтобы стать голосом Азии. Мирзо Турсун-заде много путешествовал. Он бывал и на Ганге, и на Ниле, слушал реки Китая и Гвинеи, но повсюду был с ним, пел в нем голос его родной среднеазиатской реки, и этот голос, чистый и сильный, мы слышим в его стихах.

Необыкновенно музыкальны его стихи. Переводчик, знакомящийся с ними в подлиннике, испытывает муки неудовлетворенности, пытаясь воспроизвести эту музыку по-русски. О ней следует поговорить особо. Таджикский стих, стих Фирдоуси и Омара Хайяма, разработан великолепно. Быть музыкальным эпигоном, подражателем великих образцов, не составляет большого труда. Но создать новую музыку, музыку новых понятий, нового словаря, по силам лишь настоящему, большому мастеру. Музыкальность стиха Мирзо Турсун-заде есть музыкальность открывателя. Поэт пользуется ритмами, звучащими свыше тысячелетия, со времен Рудаки, но эти ритмы обрели новизну первоначальности, свежее дыхание благодаря современному поэтическому мышлению, оригинальным образам и метафорам.

Для Мирзо Турсун-заде тема Азии и Африки, тема многострадального, пробуждающегося Востока, не есть просто тема наблюдательного знатока: это тема его сердца. Вспомним, как в свое время нас потрясли его индийские баллады. Роскошные описания делийских дворцов и пагод, кружевного мрамора замков и куполов старинных медресе были напоены болью, живым сочувствием к угнетенным, к людям низших каст, страстным призывом к свободе, призывом брата. Забудем ли мы слова поэта, обращенные к Гангу:

И снова стань великою
 рекой,
Кипи, волнуйся, будь
 самим собой!

Не забудем и нарисованную четким пером индийскую танцовщицу Тара Чандри — «царицу и рабу»:

В круженье ты — песок
 пустынь,
В движенье ты — морей
 волна.

Недаром поэты Индии считают Мирзо Турсун-заде своим, недаром строки из его стихотворения «Таджмагал» начертаны там, где поднимается этот знаменитый памятник индийского зодчества.

Иногда земляки поэта склонны упрекать его в том, что картины жизни зарубежного Востока занимают слишком много места в его

Мирзо Турсун-заде.

книгах. Но разве может поэт, рожденный в сердце Азии, не отдать Азии свое сердце?

Сам поэт, как бы отвечая критикам, говорит, что его песня полетела,

Чтобы с голосом Азии
 слиться,
Чтобы в сердце народа
 родного
Свить гнездо, чтобы снова
 и снова
Подниматься таджикское
 слово.

Новый Таджикистан виден нам в зеркале прозрачных родников поэзии Турсун-заде. «Ночь секретаря райкома», «Переселенец», «Электричество», «Вечный свет» и, наконец, поэма «Хасан-арбакеш» — это полные жизни картины Советского Таджикистана. Трогательная, иногда смешная, написанная искрящимся народным языком история возницы, арбакеша, ставшего шофером, давно полюбилась широким читательским кругам. Четверостишия этой поэмы, удостоенной Ленинской премии,— как бы этапы пути всего Таджикистана, его интеллигенции.

Труженик мира и волшебный мастер стиха — таков наш друг, наш таджикский брат Мирзо Турсун-заде. Его песня, рожденная в гиссарских предгорьях, перевалила через памирские хребты и в своем самобытном таджикском убранстве стала желанной гостьей, задушевной собеседницей в странах Востока, в домах простых людей.

С. ЛИПКИН

ВРЕМЯ ТРЕБУЕТ

Очень хорошую, очень современную книгу стихов выпустил Николай Грибачев.

Лирика Н. Грибачева своеобразна, она, как правило, публицистична в самом хорошем и высоком смысле этого слова.

О чем бы ни писал поэт — напутствует ли он в жизнь сына, откликается ли он на фото, случайно увиденное в иностранном журнале, вспоминает ли мимолетную былую встречу во фронтовых условиях, рисует ли образы родной природы,— он всегда предстает перед нами как поэт острой и страстной гражданской мысли.

«Прямой свет» — сборник стихов «раздумчивых», зачастую философских, книга, в которой поэт говорит о «времени и о себе», оглядывается на нелегкий и прекрасный путь своего поколения — поколения защитников Родины и строителей коммунизма,— книга, в которой так много хороших и верных раздумий о будущем. Вместе с поэтом и читатель задумывается о коренных вопросах современности и грядущего. Он получает от поэта прямые, ясные, мужественные ответы.

В основе стихотворений Н. Грибачева лежит большая идейная зрелость. Они гражданственны, партийны. С этой коммунистической позиции и ведется лирический разговор о жизни, о поэзии, о сердечных стремлениях современного человека.

Чрезвычайно показательно, я сказал бы, программно для Николая Грибачева отличное стихотворение «Чем глубже знанье». Это стихи о поисках истины, «для которой стоит жить и стоит умирать», стихи о великой ленинской правде — правде нашего времени, движущей историю человечества, владеющей душой поэта-коммуниста. Горячими строками о верности священному ленинскому знамени завершаются эти стихи:

Никаких мне фетишей
 не надо,
Никаких обетов не приму,
Но сегодня всей земли
 громада,
Все сердца обращены
 к нему.

Потому клянусь и
 присягаю
Знамени надежды и
 борьбы,
Ибо без него не постигаю
Ни всеобщей, ни своей
 судьбы.

Общественная позиция Н. Грибачева — это позиция, завещанная нашей поэзии Маяковским. И Николай Грибачев выражает ее с поистине «маяковской» страстностью. Как близок он Маяковскому в небольшом стихотворении-памфлете «Затворнику», весьма недвусмысленно направленном против жреческой позиции поэтов типа Б. Пастернака! Как по-маяковски сильно выражена ненависть к враждебному нам миру зла и насилия, желание, чтобы стихи поэта всегда разили врагов человечества (стихотворение «И все же...»)! У Грибачева нет внешнего подражания Маяковскому, нет и тени «подделки» под его поэтику. Но есть родство духовное, глубинное, идейное. Оно в содержании его философической, публицистической, искренней и горячей лирики.

Ал. ДЫМШИЦ

Николай Грибачев. Прямой свет. Стихи. Изд-во «Советский писатель», Москва, 1959, 106 стр.

1 и 1.000.0

Е. БОРИСОВ,
И. ПЯТНОВА

Проверка триодов.

Это парадоксально, но факт: никогда и никем не виданная другая сторона Луны известна сейчас миллионам людей несравненно лучше, чем извечно обращенный к Земле лунный диск.

Море Ясности, в районе которого прилунилась наша ракета с вымпелом СССР,— вот название, которое свежо в памяти. Мало кто назовет другие из десятков цирков, кратеров, морей лунного «лица». А что находится на «затылке» ночного светила, скажет каждый школьник. Море Москвы и море Мечты, кратеры Циолковский, Ломоносов, Жолио-Кюри, хребет Советский...

Первый опыт космического телевидения, в результате которого и были приняты фотоснимки Луны, поразил воображение миллионов. Но никого не удивило сообщение о том, что достигнуто это с помощью полупроводников: в основном на них работал телевизионный передатчик лунника.

Радиоволна вместо батареи

Машина «Скорой помощи» въезжает в ворота больницы. Пока санитары выносят из машины больного, водитель по радиотелефону связывается с диспетчером и получает новое задание. А диспетчер, в свою очередь, в любой момент может вызвать водителя каждой из своих машин, где бы они ни были. Подобные аппараты действуют теперь на пожарных и аварийных автомобилях, на многих такси.

Со временем такие аппараты будут продаваться в магазинах и получат широкое распространение. Тогда можно будет ликвидировать телефонные сети, не зарывать больше в землю тысячи тонн цветных металлов, освободить армию линейных надсмотрщиков. Реальный путь к этому открыли в наши дни полупроводники.

Передающая радиостанция чуть больше обычного телефона еще недавно тоже казалась невозможной. А сегодня?

Рекорд миниатюрности побил, кажется, радиопередатчик в пилюле. Кроме него, там находятся столь же маленькие приборы, определяющие температуру, давление стенок и кислотность в желудке и кишках человека. В течение нескольких часов крохотная лаборатория сообщает по радио о состоянии здоровья проглотившего ее человека. Эта пилюля — создание Манфреда Арденне, ученого из Германской Демократической Республики.

В пилюле, кроме всего прочего, находится и батарея-малютка. Это, быть может, самый яркий пример, показывающий, что полупроводниковые радиоприборы не только миниатюрны, но и потребляют очень мало электроэнергии. Поэтому-то батареи для них можно делать такими маленькими.

Но можно обойтись и без батарей. Сконструирован приемник, для которого источником энергии служат... сами радиоволны. Это, по существу, даже не один приемник, а два: первый улавливает волны какой-либо мощной радиостанции и преобразует их в электрический ток для питания обоих приемников, а второй уже ловит ту волну, на которой идет нужная вам передача.

Электронная машина в чемодане

Экономичность кристаллических приборов особенно наглядна, когда ими заменяют электронные лампы, например, в телевизорах. Советские конструкторы создали телевизор «Спутник», в котором нет ни одной вакуумной лампы, кроме электронно-лучевой трубки. При ежедневной пятичасовой работе он потребляет электроэнергии на 60—75 копеек в месяц — по крайней мере в 20 раз меньше, чем обычный ламповый телевизор!

Конструкторы предполагают, что вскоре им удастся разработать полупроводниковый телевизор, который поступит в массовое производство и будет продаваться в магазинах. Этот портативный телевизор работает от батареи, поэтому им можно будет пользоваться где угодно: в деревне, на даче, в автомобиле.

У нас ежегодно выпускаются миллионы приемников и телевизоров, потребляющих не менее миллиарда киловатт-часов в год! Кристаллические же приборы сокращают расход электроэнергии по крайней мере на 95 процентов.

Но еще важнее то, что с заменой обычных вакуумных ламп полупроводниковыми приборами увеличивается надежность работы и срок службы радиоаппаратуры. Ведь лампа хрупка и капризна. В современном же радиоприемнике ламп не меньше десятка, а в телевизоре — до 25. Но в них еще сравнительно редко приходится заменять лампы. А вот на радиорелейных линиях, в радиолокаторах или телевизионных передатчиках, где ламп намного больше, необходимо все время следить за их состоянием, и тем не менее то одна, то другая выходит из строя.

Особенно много ламп — десятки тысяч — в электронных вычислительных машинах. Электронная математическая машина — великолепное творение человеческого разума. Большая машина занимает много комнат, а порой и не один этаж. Стоит она, естественно, очень дорого. И все же такая машина полностью себя окупает за одни только сутки работы. Это объясняется тем, что она считает необычайно быстро и дает точные расчеты. Например, при проектировании сложных технических установок это избавляет от длительной и очень дорогой опытной их доводки. Когда в космос посылался «Лунник-3» и определялась его будущая траектория, все расчеты выполнили электронные машины. Даже если бы их заменили тысячи людей-вычислителей, ракета могла бы улететь лишь на много месяцев позже.

Но тем важнее обеспечить бесперебойную работу таких машин, сделать их вполне надежными. Все чаще лампы в них хотя бы частично заменяются полупроводниками. И, наконец, появилась первая в мире электромоделирующая установка, в которой нет уже ни одной радиолампы. Она создана советскими конструкторами — сотрудниками Научно-исследовательского института счетного машиностроения. Эта машина размером с чемодан с успехом заменяет гораздо более крупные установки, а энергии потребляет не больше, чем одна лампочка в сто ватт!

Электронная счетная машина не только замечательный вычислитель, не только переводчик, но и орган управления станком, заводом, самолетом, ракетой... Полупроводники — оружие «высшей» автоматики.

Недавняя диковинка — полупроводники — становится массовым средством радиотехники, призванным еще полнее украсить жизнь советского человека.

Но почему же карманные приемники не продаются уже сейчас в изобилии? Почему не делают уже сегодня все электронные вычислительные машины на одних полупроводниках, если они так хорошо себя зарекомендовали?

«Тепловые грабли»

В современной технике наиболее распространены полупроводники из германия и кремния. Германий принадлежит к так называемым рассеянным элементам. Есть лишь два-три очень редких минерала, в которых содержится по нескольку процентов германия. В остальных обнаруживаются лишь ничтожные его следы.

Сотни тысяч тонн сырья проходят много ступеней обработки, пока наконец не удается получить одну тонну промышленного германия. Он довольно чист, разумеется, с обычной точки зрения. В нем девяносто девять процентов германия и лишь один процент примесей. Но он еще негоден для полупроводниковой техники. С ее точки зрения, это абсолютно «грязный», неочищенный продукт, который вообще не имеет свойств полупроводника.

Вот тут-то и начинается самое трудное. То вылавливали ничтожные крохи его из минералов и руд, а теперь, наоборот, надо из германия выловить и удалить все лишние частицы. Ведь в радиотехнику он может быть допущен лишь в том случае, если в нем остается примесей не больше, чем одна десятимиллионная доля процента — на каждый миллиард атомов германия не больше одного атома примеси.

До войны предельная чистота, какой достигала цветная металлургия, соответствовала 0,1 процента примесей. Когда ученые впервые столкнулись с проблемой получения радиотехнического германия, стало совершенно ясно, что прежние методы очистки не годятся.

И специально ради полупроводников был создан метод — так называемая «зонная» плавка. В графитовой лодочке, помещенной в вакууме, слиток германия расплавляется по частям — по зонам. Кольцо электрической печи медленно движется вдоль слитка, и вместе с ней движется расплавленная зона. Позади нее кристаллизующийся германий ста-

В цехе полупроводниковых приборов ленинградского завода «Светлана».

Фото А. Бахарева.

новится чище, чем прежде: бо́льшая часть примесей остается в жидкости. Словно сеть, вылавливающая рыбу, расплавленная часть слитка увлекает за собой частицы примесей.

Потом печь проходит вдоль слитка еще и еще раз. Постепенно почти все примеси сгоняются «тепловыми граблями» к одному концу. Его отрезают и отправляют на переплавку, а остальная часть слитка уже достаточно чиста.

«Зонная» плавка применяется теперь и в других отраслях промышленности, ибо не только от полупроводников требуется такая высокая чистота. Однако германий после нее еще не готов. Его снова расплавляют (разумеется, в защитной атмосфере и со всеми необходимыми предосторожностями, чтобы не загрязнить), и начинается выращивание кристалла на медленно поднимающемся штоке. Кристалл, который образуется на этот раз не в тесном прокрустовом ложе из графита, получается более правильным.

Уже созданы установки, в которых поддерживается строго постоянный, нужный состав расплава, определенным образом регулируется скорость подъема штока. Все это позволяет выращивать особенно совершенные кристаллы германия.

Еще труднее оказалось получить сверхчистый кремний. Ведь он плавится лишь при температуре почти полторы тысячи градусов, когда даже посуда, графитовая ли, кварцевая ли, не только не защищает его, но и сама загрязняет. И вот родился новый метод — бестигельная «зонная» плавка. Кольцо печи движется вдоль слитка, поставленного вертикально, и жидкость удерживается лишь за счет натяжения поверхностной пленки.

Малейший неосторожный поворот рукоятки, управляющей движением печи,— и жидкость прольется. Здесь все зависит от искусства оператора, да и процесс этот очень медленный. Физики, химики, металлурги и конструкторы совместными усилиями стремятся упростить его и автоматизировать. Но пока еще сверхчистый кремний очень дорог, и выпускается его меньше, чем хотелось бы.

Завод-ювелир

Строгими рядами стоят массивные столы, закрытые колпаками из металла и стекла. На каждом столе прибор — не то весы, не то микроскоп, а скорее, и то и другое, вместе взятое. Это микрометр. Рядом с ним — ряды стеклянных баночек с притертыми пробками.

Сюда, на этот стол, попадают уже подготовленные кристаллики германия: слиток распиливали на мелкие пластинки, потом их шлифовали, травили и кипятили в растворе перекиси водорода и едкого натра, наконец, промывали дистиллированной водой. И вот девушка-разбраковщица высыпает на площадку микрометра очередную порцию крошечных серых лепестков и по одному подводит их пинцетом к измерительной головке. Стрелка делает заметные скачки, показывая расхождение всего лишь на микрон.

Микрон! Тысячная доля миллиметра. Самый легкий штрих остро отточенным карандашом в десятки, в сотни раз шире. А здесь микрон — законодатель. В каждую стеклянную баночку попадают лишь кристаллики одинаковой комплекции: лишний микрон направит их уже в другой сосуд. Это будет другой сорт, другой тип прибора.

А затем в соседней комнате за такими же столами другие девушки собирают сердцевину прибора: тоненькая, как волос, никелевая проволочка, крупинка индия (один миллиметр в поперечнике!), кристаллик германия, еще одна, вдвое меньшая, крупинка индия и вторая никелевая проволочка. Эта ювелирная работа требует большого искусства и опыта.

Все это в графитовой кассете отправляется в печь для сплавления, после чего будущий прибор — транзистор—проверяют на контрольном аппарате, снова кипятят и промывают, обмазывают влагонепроницаемым лаком и заключают в корпус.

Однако самое неприятное впереди, когда начинается проверка готовых приборов. Как редко попадаются совершенно одинаковые, неразличимые транзисторы! Их делят на несколько типов, но в каждом типе неизбежны отклонения по тем или иным особенностям приборов. Слишком уж тонкое дело — их производство.

При сплавлении германия с индием на поверхности кристалла образуются слои полупроводника, уже отличающегося от исходного германия,— ведь его свойства изменяются от ничтожной посторонней добавки. Переходы от одного полупроводника к другому в этом трехслойном кристалле и составляют усилитель. Так вот: толщина среднего слоя у многих транзисторов измеряется сотыми и даже тысячными долями миллиметра, и малейшее отклонение от требуемой величины резко изменяет свойства прибора. Сказываются на них и колебания температуры или влажности воздуха в цехе.

Несходство отдельных транзисторов из одной и той же партии — обычное явление. Специалисты называют это разбросом параметров. Однако это не единственный недостаток транзисторов. Германий не допускает нагревания выше 70—75 градусов. Кремний «терпеливее»: он работает и при 170—200 градусах. Однако и его температурный потолок не всегда достаточен.

Наконец, у транзисторов есть еще один порок — так называемые собственные шумы.

00.000

Кристалл-радиоприемник

За короткий срок полупроводниковые приборы отлично показали себя, и нет никаких сомнений, что им предстоят новые победы. Когда-нибудь из чудесных кристаллов станут делать сразу целые радиоприемники. На радиозаводе будущего мы не увидели бы ни одной проволочки, ни одной катушки — лишь сосуды и растворы, нагреватели и охладители. Это будет уже скорее химический завод. Изменяя состав растворов и их температуру или сплавляя отдельные, ранее полученные кристаллики, станут изготовлять целые каскады кристаллических переходов. Одни из них будут служить детекторами, другие — усилителями, третьи — конденсаторами, четвертые — сопротивлениями, а пятые — даже источниками энергии, подобными нынешним солнечным батареям.

Мы называем теперь «Кристаллом» радиоприемник, в котором вместо электронных ламп установлены полупроводниковые приборы. Рано или поздно такое название станет буквальным: весь радиоприемник будет представлять собой один сплошной, правда, сложный, кристалл.

И это не такая уж далекая мечта. Первые лабораторные модели подобных приемников будущего, так называемые твердые цепи, уже изготовлялись зарубежными учеными и даже работали.

Немало и других заманчивых картин рисует нам воображение, когда мы думаем о возможностях полупроводников. Карманные телевизоры и телефоны с экраном, радиосвязь каждого с каждым, радиокниги и радиобиблиотеки будущего... И, конечно же, космическое радио и телевидение.

В будущем оно принесет нам фотографии Марса и Венеры, а затем и голоса астронавтов.

Лирика

Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ

ЧЕРВОННЫЕ ЛИСТЬЯ

Косматые зори над степью горят.
Чубатые хлопцы глядят на закат.
Над кручей днепровской качают ветра
Высокое пламя большого костра.

Вздымается пламя,
Пускается в пляс.
Веревками к дубу прикручен Тарас.
Тарасово сердце пытают и жгут.
Червонные листья на землю текут.

А там, за курганом,
А там, за холмом,
Казацкие кони проходят, как гром.
Чубарые кони,
Ой, добрые кони,
Уносят лихих казаков от погони.

Небо над Бульбой черною тучей.
Голос гремит, подымаясь над кручей:
— Чуете, хлопцы, как кони храпят,
Как листья червонные душу кропят,
Как бисово пламя пускается в пляс?
Чуете, хлопцы?
— Чуем, Тарас!

Косматые зори над степью горят.
К дубу цепями прикован солдат.
Солдатское сердце пытают и жгут.
Червонные листья на травы текут.
Молчат за Днепром украинские хаты.
Стоят вкруг солдата фашистские каты.

Но есть ли на свете такая сила,
Чтоб пересилила русскую силу?
И есть ли такие костры на земле,
Чтоб сердце сожгли и предали золе?

Нет, нету!
А есть золотые сердца,
Которым над миром гореть без конца!

* * *

Отзвенели ливни сенокоса.
На плечах тепло забыл закат.
И глядят в глаза парней раскосо
Очи удивленные девчат.

Пот со лба пучком травы стирая,
Я еще не знаю, что сгорю,
Что тебя, кажись, вторую с краю,
Уведу когда-нибудь в зарю.

Счастлив я и этого не скрою!
Руки занося над головою,
Падая с размаху в лебеду,
Вдруг увижу прямо над собою:
Ястреб набирает высоту,

И во всем почувствую такое,
От чего уйти уже нельзя,—
Вечное, глубокое, земное,
Льющееся в сердце и глаза.

Ленинград.

Вишни

Игорь ЧЕМЕКОВ

Устали соловьи.
Поют и дремлют.
Летят обрывки трелей
В темноту.
В безлунье
Облака сошли на землю,
И обернулись вишнями в цвету,
И уронили ветви на ограду.
Коснись щекой прохлады их.
Дыши!
Сама природа
Распахнула взгляду
Заветный уголок своей души.

Суздаль.

1

СТРАСТНАЯ ПУБЛИЦ

5

Полтора месяца над Международным выставочным центром в Берлине развевались флаги тридцати двух стран. Здесь с 30 марта по 15 мая была открыта выставка фотографий, устроенная Международной организацией журналистов и Союзом немецких журналистов. Семьсот двадцать семь фотографов со всех пяти континентов прислали в Берлин более двух с половиной тысяч снимков, из которых жюри отобрало для выставки четыреста тридцать три, девятнадцать авторов были отмечены наградами.

Огромно разнообразие тем, сюжетов, стилей, и все представленные на этот смотр фотоискусства работы выражают стремление народов земли к миру, дружбе и социальному прогрессу. Отлично запечатлели на пленку эту стержневую тему выставки фотокорреспонденты, чьи работы удостоены премий.

Вот с трогательной лаской поглаживают друг друга белокурый малыш, сидящий на руках у матери, и молодой африканец, у которого белы одни только зубы. Этот снимок автор Руди Гессе (ГДР), получивший главную награду — премию Международной организации журналистов,— так и назвал: «Мир и дружба со всеми народами» (фото 1).

А вот один из бесчисленных фотодокументов, зафиксировавших, с каким дружелюбием и теплотой встречают повсюду неутомимого глашатая и знаменосца борьбы за мир и международное сотрудничество Никиту Сергеевича Хрущева.

Особенно сердечны встречи в социалистических странах. Один из снимков был сделан во время задушевной беседы Никиты Сергеевича с венгерскими друзьями. Этот замечательный момент запечатлел наш венгерский коллега, Енё Папп (фото 2).

Война оставила неизгладимые следы. Целые города были сметены с лица земли. Народы не должны допустить, чтобы это повторилось, чтобы их города выглядели так, как Дрезден в сорок пятом на снимке Р. Петерсона из ГДР (фото 3).

С волей народов не желают считаться те, кто вновь благословляет оружие западногерманских фашистских молодчиков в Регенсбурге, говорит работа Гоффера (фото 4).

Рабочие во всем мире неустанно борются за свои права. Эпизоду этой борьбы посвятил свой снимок голландец Дольф Крюгер (фото 5).

Японские шахтеры не хотят, чтобы в небе

6

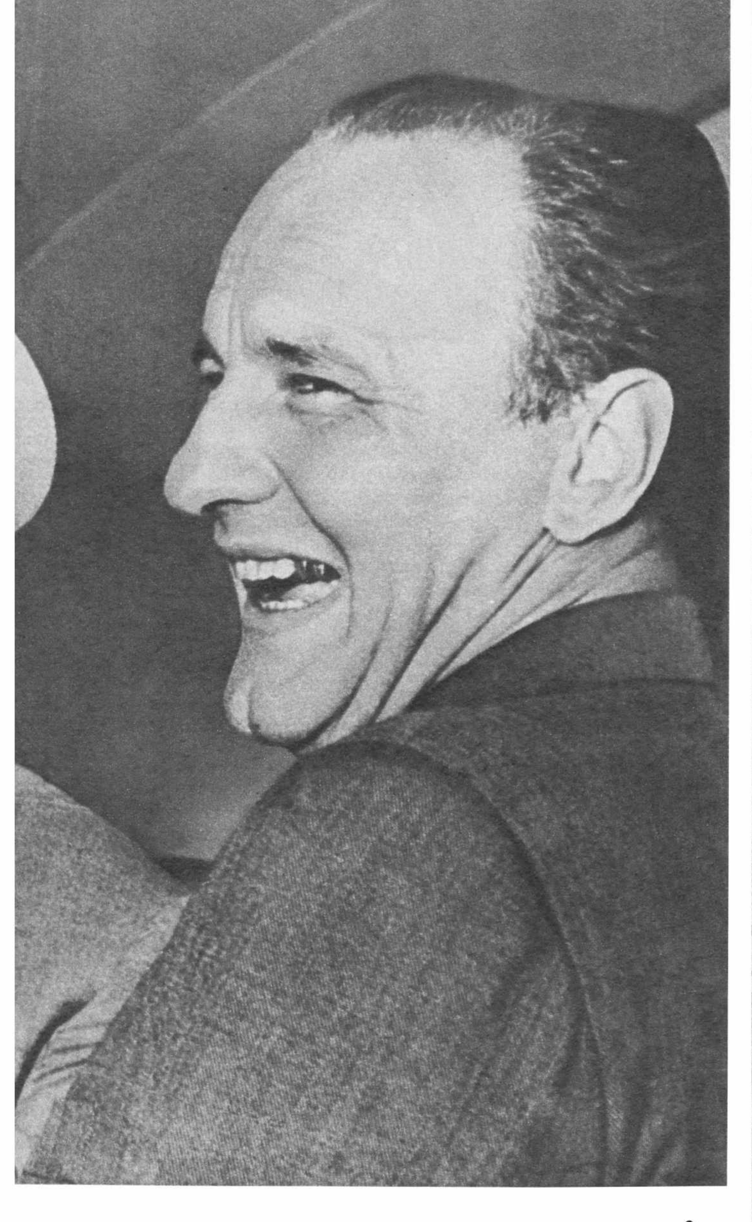

7

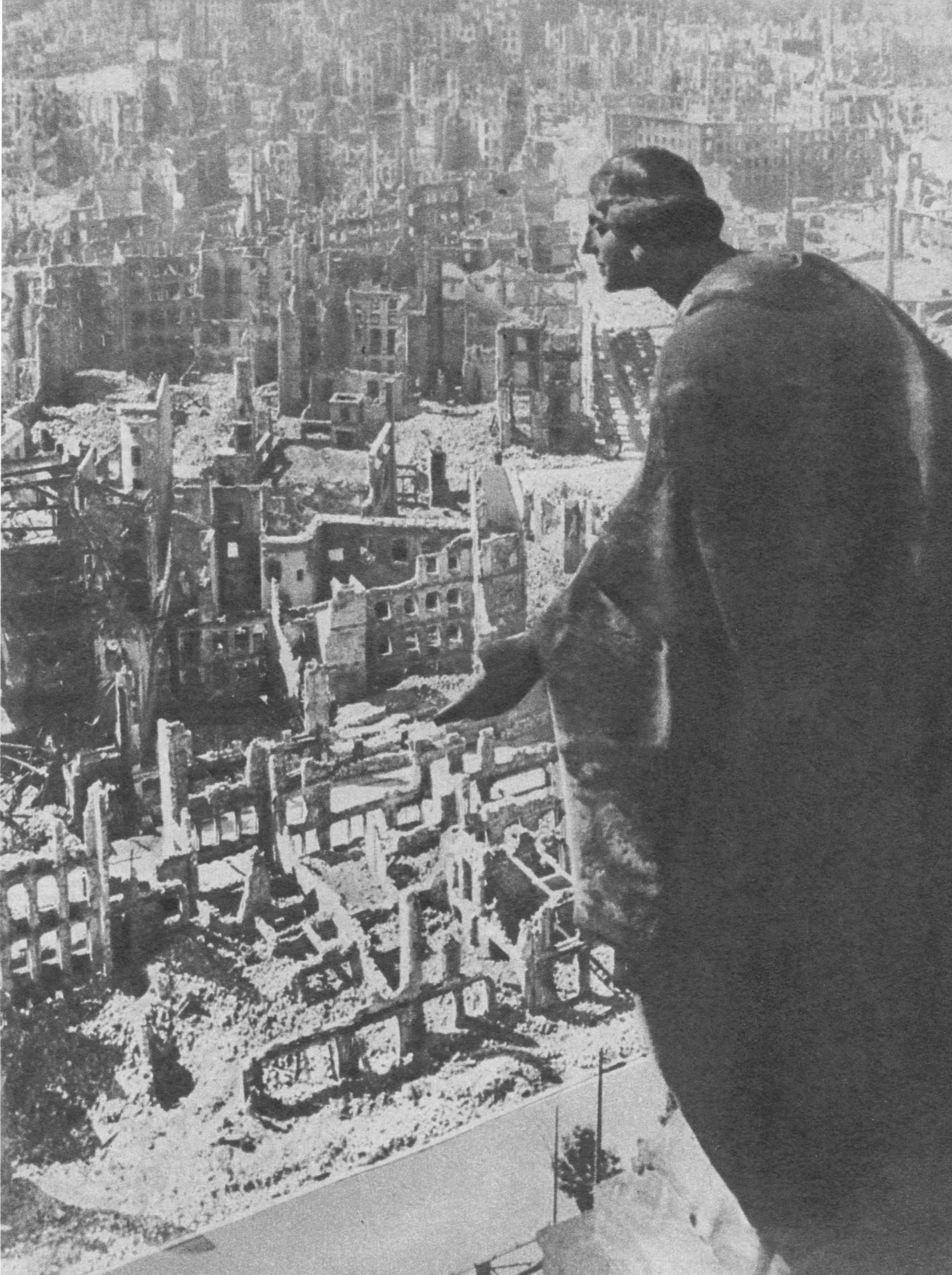
8

2

ИСТИКА

3

над их страной вновь поднялось облако атомного взрыва. Заокеанским партнерам Японии не обмануть рабочий класс этой страны «договором о безопасности», за которым кроется возрождение милитаризма. Во весь голос народ говорит «нет» этому договору (фото 6). Автор снимка — Усида Кониси.

«Ей было четыре года, когда на Хиросиму сбросили бомбу»,— гласит подпись под фотографией, на которой Кен Домон запечатлел пересадку кожи девушке, пострадавшей от атомного взрыва (фото 7).

Многообразны, как сама жизнь, отображающие ее фотоснимки. Посетив выставку, мы словно заглянули в венгерское село, лондонский Гайд-парк, на французский стадион...

«Туман в Данди» — так называется работа английского фотографа Майкла Питоу, прекрасно передающая самый воздух Британских островов (фото 8).

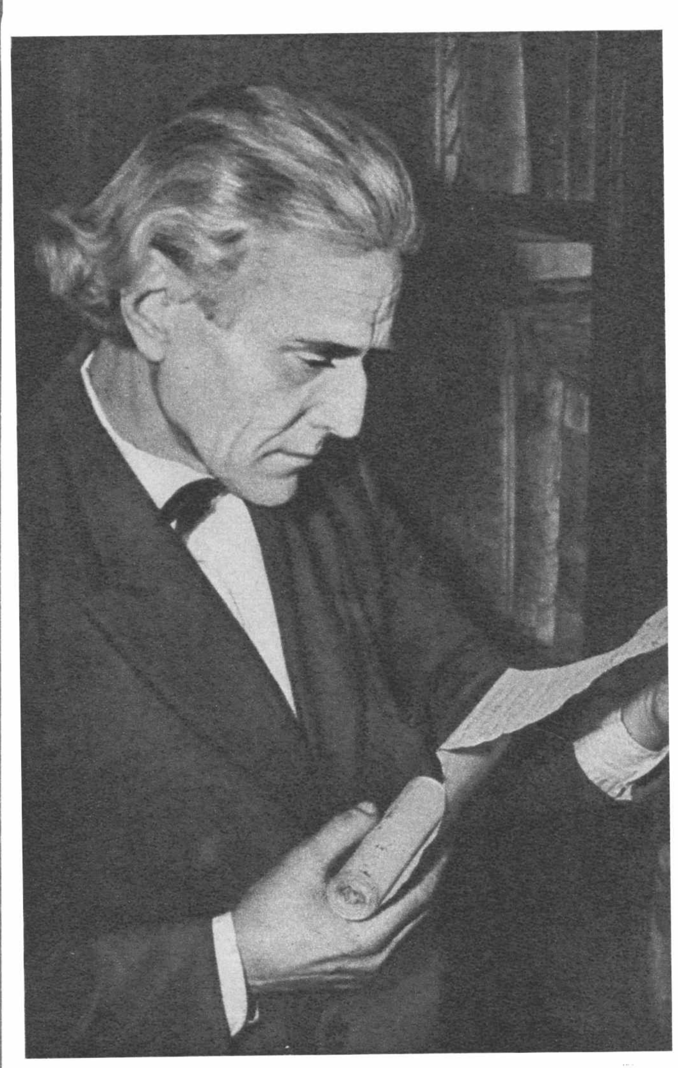
М. Гарруба показал улицы городов франкистской Испании, которые вновь и вновь содрогаются под тяжелой поступью фашистских молодчиков, марширующих на военном параде в Бильбао. Болью и гневом наполняются сердца испанцев при виде этого зрелища (фото 9).

4

9

Леонид Алексеевич Творогов в Древлехранилище.

БИБЛИОТЕКА БИБЛИОТЕК

Огромное, похожее на крепость здание господствует над всей Некрасовской улицей в Пскове. Нелюдимо и замкнуто выглядят толстые стены, прищурились узкие, как бойницы, окна. Когда-то, в семнадцатом веке, этот дом принадлежал богатому купцу Сергею Ивановичу Поганкину.

Теперь в «Поганкиных палатах» Псковский историко-художественный музей, одна из интереснейших в стране сокровищниц древней живописи, предметов народного мастерства и быта. Если спуститься вниз, в полуподвалы, где когда-то Сергей Поганкин хранил неправедные свои богатства, попадешь в Древлехранилище — к Леониду Алексеевичу Творогову.

После Октябрьской революции сюда стекались старинные библиотеки. Во время войны гитлеровцы вывезли из Пскова богатейшие книжные фонды — около 40 тысяч экземпляров. Потерялись на дорогах войны инвентаризационные описи. После войны фонды по частям стали возвращаться в Псков. Но многое все еще странствует по свету.

Кропотливую работу ведет Творогов, рассылая письма в разные города и страны. Леонид Алексеевич наперечет помнит исчезнувшие книги и говорит о них с болью. В самом деле, вероятно, забытые, они стоят на полках чужих библиотек и архивов, и безмолвствует их древняя вязь. А здесь для них уже приготовлены темные застекленные шкафы, пустующие чистые полки готовы к приему. В полный голос заговорили бы древние книги, очутившись в руках знатока. Ведь и те, что уже вернулись домой, убедительно свидетельствуют о глубине и многогранности культуры русского северного края.

Каждая книга, прежде чем попасть на предназначенное ей место, тщательно изучается по инвентарным номерам, почеркам и подписям владельцев. По дарственным надписям, экслибрисам, заметкам на полях, цвету чернил и многим другим признакам Л. А. Творогов устанавливает принадлежность книги к той или иной библиотеке.

Теперь в Древлехранилище снова собрано около 700 старинных библиотек (правда, еще неполных). Многие книги относятся к десятому и одиннадцатому векам. Здесь хранятся остатки древней русской библиотеки, принадлежавшей Спасо-Мирожскому монастырю, одному из древнейших монастырей Руси; более тысячи ценнейших рукописных книг пятнадцатого, шестнадцатого и семнадцатого веков; триста свитков и планов — выписки из писцовых книг на земельные владения.

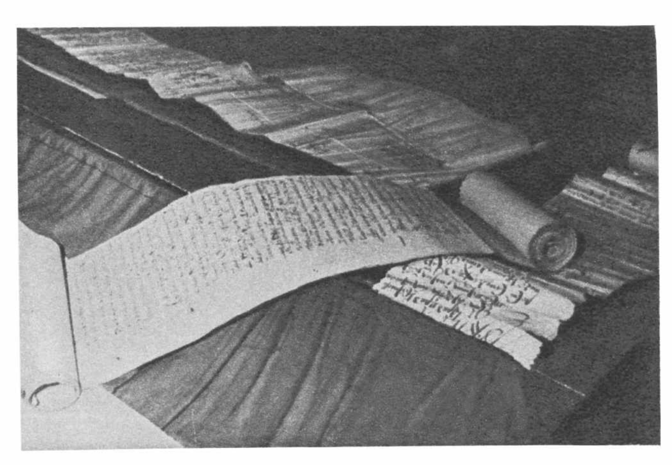
670 книг, печатанных кириллицей, свидетельствуют о высоком развитии грамотности в средневековом Псковском княжестве, об одаренности старинных литераторов, писцов и иллюстраторов.

Греческие, арабские, старинные немецкие и французские книги указывают на образованность многих псковичей, на знание ими иностранных языков.

Большой интерес представляют библиотеки прогрессивных псковских дворян — декабриста Назимова, поэта и композитора Яхонтова, документы из архива Ганнибалов — потомков «арапа Петра Великого». Есть здесь и крестьянские библиотеки, например принадлежавшая крестьянину Травину, который жил в восемнадцатом веке. Собрание это сохранилось далеко не полностью, но одна из книг — «Осмогласник, свершен бысть в лето 7157(1649)» — помечена почерком Травина под номером «1317»; видимо, это была обширная библиотека...

Перед на́ми будто оживает история. Неслышными шагами как бы проходят здесь поколения далеких предков: воинов, которые первыми принимали удары завоевателей с запада и сумели отстоять свою землю, свою культуру; поколения зодчих и живописцев, писателей — широко образованных и одаренных людей...

Н. ХРАБРОВА

Свитки шестнадцатого и семнадцатого веков.
Фото Б. Скобельцына.

Приключенческая повесть

Василий **АРДАМАТСКИЙ**

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

5

Возвращаемся к листам из тетради, видимо, той, которую подарил Владимиру литовский учитель...

...«Если бы кто-нибудь сказал мне месяц назад, что я стану подпольщиком, я расценил бы это как шутку. И вот я действительно подпольщик. Вхожу в боевую группу дядьки Бориса. Нас семь человек: четверо русских, застрявших здесь так же, как и я, и три литовца. Все коммунисты. Один я комсомолец. Любой из шести моих боевых товарищей по возрасту может быть мне отцом. Литовские товарищи остались в городе по приказу партии. Меня привели сюда два местных учителя.

Вчера я выполнил первое боевое задание. Я еще полон впечатлений, мне хочется вспоминать. Вспоминать и рассказывать. (Поскольку дело сделано, оно уже не секрет даже для гестапо. Но все же подлинных фамилий и адресов я не назову.)

С приходом гитлеровцев здесь повылезало из щелей немало всякой сволочи. Смертельные враги советского строя, всякие таутининки или ляудининки[1] решили, что настало их время. Прежде всего они хотели расправиться со всеми сторонниками Советской власти. В их лице гестапо получило хорошо осведомленных доносчиков. Ведь многие из них в первый советский год прикинулись лояльными и жили среди нас. Теперь они помогали гестапо зверски уничтожать лучших сынов и дочерей литовского народа. Особенно усердствовал один из них, таутининк, которому гестаповцы дали прозвище «Непримиримый». Ходили слухи, что оккупанты собираются сделать его полицейским гауляйтером Литвы. Он был особо опасен, потому что в советское время под другой фамилией работал в одном из городских учреждений и был хорошо осведомлен об активистах нового строя. Наша боевая группа получила приказ подпольного центра уничтожить Непримиримого.

Почти месяц шло изучение обстановки. Непримиримый жил в особняке недалеко от центра города. Пешком он не ходил: оккупанты предоставили ему автомобиль. В поездках по городу его всегда сопровождали гестаповцы. Особняк его выглядел, как учреждение: в окнах допоздна проглядывал свет, то и дело к подъезду подкатывали автомашины. Гестаповцы очень тщательно охраняли палача. Однако дядька Борис не унывал и говорил, что задание будет выполнено.

С помощью подпольного центра было установлено, что Непримиримый должен получить в подарок от оккупантов имение в Жемайтии. Дело это на мази, но должен приехать из Пруссии какой-то немец, который, как наследник давнего владельца тех земель, тоже претендует на имение. Гитлеровцы обещали Непримиримому уладить дело полюбовно, отведя наследнику другие владения. Но немец что-то не ехал, Непримиримый нервничал. Вот эту ситуацию и решено было использовать...

В течение недели разрабатывался детальнейший план, который предусматривал несколько вариантов хода операции, в зависимости от

[1] Таутининки, ляудининки — националистические контрреволюционные партии.

Продолжение. См. «Огонек» № 19.

сделал все, что мог

обстановки. Роль исполнителя выпала мне, как хорошо говорящему по-немецки и внешне похожему на немца. Я должен был стать управляющим того самого наследного претендента на имение. От подпольного центра были получены соответствующие документы.

Я изучил все, что связано с местностью, где находилось имение, снившееся Непримиримому. Весьма ценной была подробнейшая генеалогия семьи немца, некогда владевшей имением. Имена всех дедушек, бабушек, теток и дядек я выучил на память, как стихи.

Схема моих действий была такова: я появляюсь в городе вечером и будто бы прямо с дороги направляюсь в особняк Непримиримого. Я тороплюсь, потому что имею задание хозяина в кратчайший срок выяснить ситуацию. Предполагалось, что Непримиримый предложит мне вариант замены имения. Решение этого вопроса откладывается на завтра, так как я всего-навсего управляющий и мне нужно снестись с хозяином. Я уезжаю якобы в отель, но предварительно должен незаметно оставить в особняке портфель с миной замедленного действия. Она невелика, с книгу средней толщины, — кстати, она и сделана в виде книги. Где и как я суну свой портфель, заранее не знаю. Мина должна сработать вскоре после моего ухода. В связи с этим я должен внимательно следить за ходом времени, ибо срок взрыва я изменить уже не могу.

При обсуждении плана действий выдвигались самые различные и самые неожиданные повороты ситуации и соответственно придумывались контрмеры. Мы репетировали все, как в театре. Наконец для меня были добыты нужный костюм и летнее пальто.

Накануне операции дядька Борис вызвал меня для разговора с глазу на глаз.

— Есть ли у тебя какие-нибудь сомнения? — спросил он, смотря мне в глаза.

Я ответил, что никаких сомнений нет. Тогда он сказал:

— Наш план вроде неплох, но надо помнить, что все эти гады тоже не дураки. Может случиться осечка. Если осечка, стреляй из пистолета, но если увидишь, что дело твое плохо...— Он замолчал на секунду, а потом, не сводя с меня глаз, тихо сказал: — Тогда знаешь, что делать?

— Знаю,— твердо ответил я. И я действительно понимал, о чем он спрашивает.

Но дядька Борис, видимо, решил поставить все точки над «и».

— Тогда, Володя, живым в руки даваться нельзя,— глухо сказал он.

— Ясно.

И вот настал день операции. Настроение у меня было приподнятое. Почему-то я был уверен, что все сойдет хорошо. И, клянусь, не испытывал никакого страха, с тревогой думал только об одном: а вдруг Непримиримого не окажется дома и я не смогу оставить у него портфель? Ведь тогда придется все начинать сначала, а вдруг на второй раз у меня духа не хватит?

Сейчас, уже после операции, я сам хочу разобраться в себе и понять, почему не было страха. То есть легкое дрожание души, конечно, было, но чтобы страх, да еще такой, от которого млеет все тело,— этого не было. Помню, как в недавние студенческие времена я на пари взялся съехать на лыжах с трамплина на Воробьевых горах. Когда я поднялся на вышку и стал на лыжи, у меня от страха подгибались ноги. Как я тогда не сломал себе шею, не знаю. Во всяком случае, я метров сто катился по земле, как мешок, и потом мне не раз снилась чертова вышка, и я просыпался в холодном поту. А тут страха не было.

В чем же основа моей храбрости? Мне кажется, я знаю, в чем. Во-первых, мне надо было пережить ту первую ночь, когда я, как затравленный гончими заяц, петлял по ночному городу, шарахаясь от каждой тени. Трудно передать словами, какой унизительный страх, какую унизительную беспомощность переживал я тогда. Этого человек не прощает, не имеет права прощать. И тем глубже почувствовал я свое предназначение, когда попал к этим людям, которые стали моими боевыми товарищами. Они помогли мне научиться думать о жизни.

Сколько таких, как я, жили, считая, что все радости жизни положены нам, так сказать, по штату! Советская власть окружала нас всяческими заботами, и мы росли. Ну как же, всякое растение должно расти! А ты, мой сверстник, всегда ли помнил о такой, например, очень простой вещи? Для того, чтобы Советская власть могла дать тебе все то, что ты имеешь, должна была свершиться Октябрьская революция. А до этого Ленина и его боевых соратников травила полиция, их загоняли в ссылки, их пытали, многих казнили. А потом тысячи и тысячи людей, которые, как все, любили жизнь, погибли в гражданскую войну... Да, полезно, очень полезно задумываться о жизни, видя при этом несколько дальше собственного носа.

А теперь про операцию.

6

Вечером я покинул главную квартиру нашей боевой группы. Товарищи попрощались со мной просто, даже небрежно. Стась, который во время операции будет находиться поблизости от особняка Непримиримого, ушел на свой пост еще раньше. Уходя, он весело сказал мне: «Ночью увидимся»,— будто на прогулку пошел. А сейчас он уже притаился в развалинах дома напротив. В случае, если в особняке вспыхнет заваруха, он должен открыть отвлекающий огонь. Конечно, лучше будет, если он останется без дела.

Иду по улице подчеркнуто открыто. Никого и ничего не может бояться управляющий, хозяин которого близко знаком с самим Герингом. С дороги управляющий все же немного устал, а тут еще совершенно незнакомый вечерний город. Так что идет он не очень быстро и на перекрестках вынужден освещать фонариком таблички с названиями улиц.

Подхожу к перекрестку. На другой стороне стоят два солдата. Подсвечиваю табличку, громко по-немецки поминаю черта и иду прямо к солдатам.

— Добрый вечер, солдаты Германии!

— Добрый вечер,— отвечают они.

— Вы не скажете мне, где в этом темном царстве Школьная улица?

Солдаты смеются.

— Мы сами в этом царстве только со вчерашнего дня,— говорит один.

— Надо спросить у местных,— добавляет другой.

— Каких еще местных! — Теперь уже смеюсь я.— Вы же загнали их в норы. В отеле мне объяснили, как идти, но я заблудился. Но отсюда, кажется, уже недалеко. Надо идти. Служба Германии — первое дело, и бог знает, куда идет каждый человек. (Эту пословицу я вычитал в немецком календаре.)

— Так то бог, а не вы,— смеется солдат.

Чуть поднимаю руку и небрежно бросаю:

— Хайль Гитлер!

Стукнули четыре каблука:

— Хайль, хайль, хайль!

Иду дальше. Слышу, как переговариваются позади меня солдаты. Может быть, у них возник спор о том, нужно или не нужно было проверить мои документы? Нет, солдаты меня не окликают.

В начале Школьной улицы меня останавливает патруль. Только я мигнул лучиком фонаря на табличку, раздался строгий возглас из темноты:

— Погасить огонь! Стой!

Стою. Подходят трое: два солдата и очень молоденький лейтенантик. Фонариком, спрятанным в рукаве плаща, он освещает мое лицо:

— Что вы здесь делаете?

— Ищу вас.

— Нас? Зачем? — Лейтенант озадачен.

— Наконец-то мне кто-нибудь поможет найти нужный адрес.— Я вынимаю из кармана бумажку с адресом.— Посветите, пожалуйста...

Лейтенант освещает бумажку, но смотрит на меня...

— Школьная улица, семнадцать,— читаю я.— Где это? У скольких патрулей спрашивал, никто не знает. Такое впечатление, что наша армия взяла город, но никто в армии ничего не знает о том, что мы взяли.

— Прошу документы,— строго, но весьма почтительно произносит лейтенант.

— Пожалуйста,— говорю я чуть раздраженно.

Лейтенант освещает фонариком мою бумагу, увенчанную гербовым орлом и прочими канцелярскими знаками, долженствующими вызывать уважение у всякого добропорядочного немца.

— Вы что, только приехали? — спрашивает лейтенант.

Я уже сержусь:

— Из Кенигсберга летел сюда один час, а здесь никак не могу добраться до цели.

Лейтенант аккуратно складывает и возвращает мне бумагу.

— Идите вот так. Машина «Опель-адмирал» стоит как раз у дома, который вам нужен.

— Какая машина? — раздраженно спрашиваю я.

— Дежурная.

— Значит, есть же машины! — Я уже разозлен не на шутку.— Но машины стоят, а те, кому нужно на них ездить, вынуждены блуждать по темному городу.

— Это вне моей компетенции.— Лейтенант приложил руку к козырьку.— Тут не больше двухсот шагов.

Подхожу к особняку Непримиримого. Из автомобиля меня рассматривают какие-то люди. Даже стекло опустили, чтобы лучше видеть. Прохожу с достоинством, не позволяющим повернуть голову. Поднимаюсь на крыльцо особняка и решительно нажимаю кнопку звонка. Не отпускаю ее секунд пять. Гремят и звякают запоры. Дверь открывается. Передо мной человек огромного роста. Спрашивает на плохом немецком языке:

— Кто вам нужен?

Называю свое имя и должность и говорю, кого я хочу видеть.

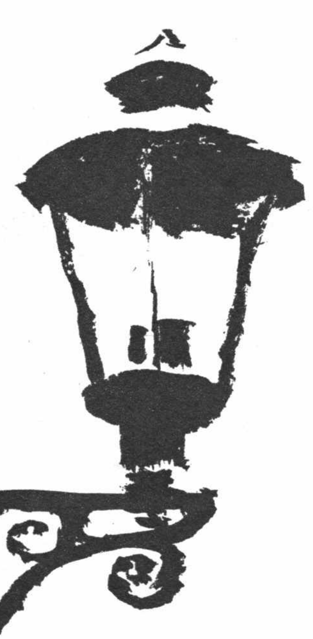
— Одну минуту...— Дверь закрывается, но тут же распахивается настежь.— Пожалуйста, входите.

Неторопливо снимаю в передней пальто, тщательно причесываюсь перед зеркалом. Человек огромного роста нетерпеливо ждет, переминаясь с ноги на ногу. Затем он раскрывает передо мной дверь, что справа, и я прохожу через большую пустую комнату. Человек огромного роста забегает вперед и распахивает передо мной следующую дверь. Я вхожу в ярко освещенную комнату, очевидно, столовую. За овальным столом друг против друга сидят тучный мужчина и еще более тучная женщина. При моем появлении оба они встают.

— Здравствуйте, долгожданный гость! — произносит по-немецки мужчина и, протягивая мне руку, называет свое имя.

Это Непримиримый. Рука у него пухлая, сырая. Он представляет мне супругу. Я целую ей руку. Она смотрит на меня настороженно...

Сажусь за стол рядом с Непримиримым. Не спеша вынимаю из портфеля великолепный бумажник, на котором сияет золотая монограмма. Портфель опускаю на пол, возле своего

стула. Из бумажника вынимаю бумагу и протягиваю ее Непримиримому.

— Прошу ознакомиться с доверенностью, данной мне доктором Гернгроссом на ведение здешних его дел.

Увы, бланка прусского помещика подпольный центр не имел, доверенность была напечатана на гербовой бумаге, и хотя выглядела она вполне внушительно, я не без тревоги наблюдал, как Непримиримый читал ее. Делал он это очень внимательно, вертя бумагу и так и эдак. Он прочитал даже круговые тексты двух печатей. Затем он вернул доверенность мне. Лицо его стало непроницаемым.

— Слушаю вас, — сухо произнес он.

— Прежде всего вопрос: на каком юридическом основании вы претендуете на имение Трех озер?

Его сизые щеки порозовели.

— Юридические основания бывают разные,— помолчав, ответил он.— Весь вопрос в том, какие из них следует считать наиболее объективными и жизненными.

Молчу. Обдумываю, как бы поскорее закончить разговор. Во-первых, регламент ограничен сроком, на который поставлен часовой механизм мины, и мне абсолютно ни к чему дожидаться, пока наш юридический спор оборвет взрыв. Во-вторых, в споре опасно уйти в различные детали, о которых я могу ничего не знать и вызвать поэтому подозрение.

Он расценил мое молчание по-своему и стал развивать мысль о жизненном юридическом основании.

— Наследственные права, — продолжал, заметно ожесточаясь, Непримиримый,— переживают в наши дни существенные изменения. На Трех озерах давно забыт не только герб Гернгросса, но и он сам. Мой дядя и отец с незапамятных времен — арендаторы этой земли. Их пóтом эта земля смочена, их руками выхолена. И это не юридический казус, скрепленный какой-то бумажкой столетней давности. Это жизненная реальность. А великий фюрер Германии — образец реалистического мышления. И мне неизвестно, каково его официальное решение о балтийских землях.

Он замолчал, барабаня по столу мясистыми пальцами и смотря на меня так, точно спрашивал: «Съел пилюлю? Ты думал, я орешек, а я камешек».

В конце концов, зачем мне было его дразнить? Я сделал вид, что обдумываю решение, и потом спокойно сказал:

— Мне непонятно, почему в наш деловой разговор сразу примешалось раздражение. Мой шеф послал меня сюда прежде всего за получением полной и объективной информации по интересующему его вопросу. Я уверен, что у него, как и у меня, вызовет уважение тот факт, что ваша семья столько лет трудилась на его земле. И нам нет никакого смысла углубляться в абстрактный спор о праве собственности. Я бы хотел узнать от вас, что представляют собой те земли, которые предполагают выделить моему шефу взамен Трех озер.

Непримиримый мгновенно оживился:

— Это несколько южнее Трех озер, и там земля гораздо лучше освоена. Если бы не традиции моей семьи, я без разговора взял бы то хозяйство.

— Завтра я туда поеду.— Я посмотрел на часы. До взрыва было двадцать минут. В моем распоряжении оставалось не более пятнадцати.

Супруга Непримиримого, в течение всего нашего разговора сидевшая неподвижно, как изваяние, теперь зашевелилась:

— Кофе не хотите?

— Спасибо, никогда не пью его на ночь.

— Может, хотите закусить?

Я встал.

— Благодарю вас. Мне кажется, всем давно пора спать. Я и так вел себя невежливо, ринувшись к вам прямо с дороги, не считаясь со временем. Но я раб своей службы, а мой шеф не любит, когда его служащие не торопятся.

— У дома стоит дежурная машина, она отвезет вас в отель,— вдруг заявляет хозяин.

Вот так номер! Молниеносно соображаю, что отказываться нельзя, ибо отказ невозможно объяснить. Ясно одно: теперь надо торопиться, с тем чтобы успеть покинуть машину до взрыва.

— Спасибо, а то пока я к вам добрался, мне пришлось перезнакомиться со всей армией рейха.

Непримиримый рассмеялся:

— Порядок, слава богу, наведен.

— Это действительно так? — обеспокоенно спрашиваю я.— Ведь у нас ходят всякие слухи о диверсиях коммунистов.

— Не без того, конечно.— Непримиримый смотрит на меня, как матерый специалист на зеленого ученика.— Война есть война. Но мы здесь тоже не дремлем и знаем, как отблагодарить фюрера за освобождение. Можете быть уверены, порядок будет образцовый.

— Да, главное — порядок,— говорю я, протягивая ему руку.— Могу ли я повидать вас после поездки?

Он засмеялся:

— Как ни верти, а придется дело закончить. До свидания.

Прощаюсь с его супругой, и мы выходим в переднюю. Он идет куда-то отдавать распоряжение о машине, но верзила, который меня встречал, сопит за моей спиной. Я беру пальто на руку, прикрываю им портфель.

Вернулся Непримиримый:

— Можете ехать.

Еще одно рукопожатие. Верзила идет к двери рядом со мной. Душа холодеет от мысли, что я не смогу незаметно оставить портфель. Верзила открывает дверь и ждет, пока я пройду мимо него. Еще одна беда — когда я входил, свет в тамбуре не горел, а теперь его освещает яркая лампочка. Неужели катастрофа? В правой нише тамбура стоит стремянка, на которую наброшен коврик. Все это я вижу в десятую долю секунды. Положение спасает вымуштрованность верзилы. Открыв вторую дверь, он бежит вперед, чтобы открыть мне дверцу автомобиля. Я сую портфель за стремянку. Секунда — и я уже иду к машине. Верзила захлопывает дверцу автомобиля и скрывается в особняке. Стукнула дверь, свет в тамбуре погас. Все в порядке.

Машина трогается, круто разворачивается и мчится по темной улице. Я сижу сзади. Впереди рядом с шофером сидит какой-то тип в пилотке. Когда подъехали к отелю, он выскочил и раскрыл передо мной дверцу. Я вышел. Машина тут же сорвалась с места и исчезла в темноте.

Стою, думаю: заходить в отель или нет? А вдруг за мной сейчас наблюдают. Все же решаю в отель не заходить. Смотрю на часы — через семь минут взрыв. До потайной квартиры, куда мне надлежало явиться, идти не больше десяти минут.

Медленной походкой человека, прогуливающегося на сон грядущий, я пошел по тротуару вдоль отеля. Из-за угла вынырнул часовой.

— Стой! Документы!

— Пожалуйста.

Часовой рассматривает мою бумагу с орлом и печатями. В это время слышится взрыв. Он похож на рокот грома. Я вздрагиваю. Часовой смеется:

— Не привыкли? Война есть война. Идите.

Мне почему-то смешно, что именно эти слова «война есть война» я так недавно слышал от Непримиримого, которого сейчас, надо думать, уже нет в живых.

Вот и все. Около трех часов ночи на потайную квартиру явился Стась. Он рассказал, что взрывом разнесло весь фасад и правую часть особняка. Крыша и потолок обвалились, и тотчас начался пожар. Он до сих пор не потушен. Нельзя и думать, что в доме кто-нибудь уцелел.

Через день мы уже знали точно, что Непримиримый погиб, а его супруга скончалась в больнице, не приходя в сознание.

Теперь мне хочется...»

Так обрывается эта часть записи. И в дальнейшем она, очевидно, не была продолжена.

7

По всем данным, следующим по времени материалом следует считать две странички, мелко исписанные с обеих сторон. По всей вероятности, это черновик заявления или объяснительной записки. Кому это адресовалось, неизвестно, потому что начала черновика нет. Но оно явно было, как была, очевидно, еще третья страничка, так как текст, которым мы располагаем, начинается с перенесенного слова. Можно предположить, что Владимир писал это или командиру или секретарю партийной организации партизанского отряда, в котором он оказался в первую военную зиму.

Текст привожу полностью и только для удобства чтения расшифровываю многие слова, записанные автором сокращенно...

«...мированы, но у меня есть все основания думать, что вы информированы не точно. В связи с этим считаю своим долгом честно, ничего не утаивая, сообщить вам, как было дело.

После удачно выполненного задания по ликвидации предателя литовского народа (взрыв особняка) мне была объявлена благодарность, и, как я понимал, эта благодарность была от подпольного центра. Потом я долгое время

трудных заданий не получал. Я не раз говорил об этом руководителю нашей группы, но он или отшучивался («Каждому овощу свое время»), или туманно обещал («Жди, твой час придет»). Но никогда никто не говорил мне, что я намечался для выполнения нового ответственного задания, которое подготавливалось подпольным центром. Я, естественно, нервничал. Вкусив сладость настоящей борьбы, я рвался к новым боевым делам, и нет ничего странного, что об этом я часто говорил в группе. Именно на этом, очевидно, и основано обвинение меня в «хвастливой болтовне, создававшей в группе опасное настроение шапкозакидательства». Это неверно по существу. Почти всю зиму наша группа практически бездействовала, вела только малополезную разведку обстановки в городе. Настроение у большинства товарищей было кислое, и только двум такая спокойная жизнь была по душе, и я им это прямо говорил. Так

что теперь я уверен, что именно они и заварили против меня кашу.

Теперь о главном. О будто бы совершенной мной расшифровке нашей группы. Я повторяю здесь то, что я говорил на собрании группы и здесь, у вас. Никакой расшифровки не произошло. Что же было на самом деле? Наша группа должна была испортить рождественский вечер гитлеровским офицерам в их штабном клубе. Операцию начали готовить в первых числах декабря. Мне было поручено изучить обстановку в районе клуба, куда я и ходил почти каждый день. Обстановка не радовала. Клуб был расположен в центре города, и возле него до поздней ночи толпилось офицерье. У подъезда и по углам здания круглосуточно стояли патрули из солдат и дежурных офицеров. Парадный зал клуба находился на третьем этаже, удачно забросить туда гранату невозможно. Обещание центра установить связь с какими-то людьми из обслуживающего персонала клуба оставалось лишь обещанием. Все нервничали. И вот именно в этой нервной атмосфере и происходит со мной случай, который послужил основанием для тяжелого обвинения меня в расшифровке группы.

Прежде всего это действительно случай. Судите сами... Утром я вел наблюдение за клубом и нос к носу столкнулся с девушкой, которую я знал до войны, когда она работала стенографисткой в горисполкоме. Она мне нравилась, мы с ней встречались, ходили в кино, на концерты. Звали ее Маритэ. Она из семьи рабочего-железнодорожника. Я дважды бывал у них в доме. Это честная, трудовая семья. И вот, представьте себе, я сталкиваюсь с ней теперь, первый раз вижу ее после начала войны. До этого я не раз думал о ней и о том, что я могу с ней встретиться, но когда это случилось, я растерялся. Мне надо было сделать вид, что я ее не знаю, и пройти мимо, но встреча так поразила, так обрадовала меня, что я поступил иначе. Мы поздоровались, прошли в садик и сели на скамейку. Я спросил, как она живет, что делает. Она стала рассказывать о себе. Сообщила, что нигде не работает, что ее отца выгнали из депо, что в семье работает только один ее брат, который служит на почте. Что живущая в деревне сестра матери помогает им продуктами. Когда она все это рассказывала, я подумал, что сейчас она, наверное, спросит, что делаю я. И я лихорадочно придумывал, как ей ответить. Вдруг она прерывает свой рассказ, со страхом смотрит на меня, оглядывается по сторонам и спрашивает:

— А как это вы... здесь?

Толковой версии я так и не успел придумать и начал плести, что пришло в голову. Она прервала меня и сказала:

— Мне кажется, я все понимаю.— Она встала со скамейки и прибавила: — Если будет нужно, заходите к нам домой, у нас спокойно.— После этого она ушла.

Я подождал, пока она скрылась за углом дома, и затем сложным маршрутом, на каждом перекрестке проверяя, нет ли у меня за спиной шпика, вернулся в группу и тотчас рассказал все, что произошло. Я прекрасно понимал, что это «ЧП», но я никак не мог подумать, что оно такой сверхчрезвычайности и что мне будут предъявлены столь тяжелые обвинения. На крайний случай нужно было удалить меня из города, и все. Собственно, так и было сделано. Но, оказывается, на этом дело мое не прекращается.

Я, конечно, не знаю всех законов подполья, но и они, эти законы, должны подчиняться логике. Группа не расшифрована, я за свою неосторожность сурово наказан тем, что удален из группы. А на меня возводится и как тень за мной следует обвинение в том, что на самом деле не произошло, а это выводит меня из строя как бойца. Я же прекрасно вижу, что командование отряда не назначает меня в опасные операции. Сам я так чувствую себя, что мне неловко смотреть в глаза товарищам. В таком состоянии идти на серьезное дело, конечно, недопустимо. Но теперь отклонено мое заявление о приеме меня в кандидаты ВКП(б). Я, видите ли, должен показать себя в бою и кровью завоевать доверие. Но, во-первых, меня к настоящему бою не допускают, во-вторых, если мне официально отказано в доверии, меня нельзя вообще держать в отряде. В заявлении я написал все. Прием в кандидаты ВКП(б) означал бы для меня доверие на всю мою жизнь, доверие, которое я готов оплатить своей кровью и даже жизнью. Я прошу вернуться к моему заявлению и пересмотреть решение. Иначе я не вижу для себя ни возможности, ни права жить и оставаться среди вас...»

Было ли что-нибудь сделано по этому заявлению или письму Владимира, неизвестно. Между тем история эта необычайно интересна. Понял ли в конце концов Владимир тот урок, который давали ему старшие товарищи? Или обида окончательно ослепила его? Наконец, какая связь между этой историей и тем, что произошло с Владимиром позже и о чем речь впереди? Нельзя ли сейчас найти когонибудь из партизанского отряда, где Владимир переживал свою трагедию?

Я начал поиск. Долгое время он не давал никаких результатов. На мои письма, которые я рассылал в разные концы страны, отозвалось около десятка бывших партизан, но ни один из них ничего о Владимире не знал. Я решил оставить поиски и заняться выяснением следующих этапов жизни моего героя.

И вдруг совершенно неожиданно мне оказывает помощь мой давний автомобильный механик и друг Эдуард Борисович.

Как-то вечером он звонит мне по телефону и говорит:

— До сих пор вам нужна была моя помощь, а теперь я за помощью обращаюсь к вам.

Речь шла о том, чтобы я помог ему отредактировать письмо группы бывших партизан в Моссовет по поводу жилищных дел одного из их товарищей, инвалида, живущего в плохих условиях.

На другой день Эдуард Борисович приезжает ко мне. Отмечаю про себя скромность автомеханика. Ведь если бы не эта история с письмом в Моссовет, я, наверно, так бы никогда и не узнал, что он во время войны был бойцом диверсионной группы, действовавшей во вражеском тылу на границе Белоруссии и Литвы. Теперь, когда я об этом узнал, я начал расспрашивать его о тех ратных временах. Рассказывая об одной операции в районе Ново-Вилейки, он, между прочим, уточнил, что эта операция проводилась совместно с партизанским отрядом, в котором действовал один молодой москвич, инженер по профессии. Он был бойцом легендарной храбрости и в этом бою погиб. Я сразу насторожился. Спрашиваю, не помнит ли Эдуард Борисович, как звали этого молодого москвича. И слышу уверенный ответ: «Володя». Фамилии его Эдуард Борисович не знал.

— Какой он из себя?

— Блондин, очень симпатичный,— так же уверенно отвечает автомеханик.— Но горяч до крайности, это его погубило.

— А что с ним произошло?

— Я сам не видел, но мои ребята говорили, что он зарвался в рукопашной.

В эту минуту я уже был уверен, что речь идет о моем герое.

Однако Эдуард Борисович к тому, что сказал, больше ничего прибавить не мог. Но он вспомнил, что отрядом партизан командовал человек по фамилии Сутолока.

В течение месяца я разыскивал этого самого Сутолоку. Всесоюзная справочная служба дала мне сведения о четырех Сутолоках. Всем им я послал письма. И первый же полученный мною ответ был именно от того Сутолоки, который мне нужен. Да, он партизанил в тех местах. Да, он помнит моего Эдуарда Борисовича — тогда бойца диверсионной группы.

Но самым драгоценным доказательством того, что именно этот Сутолока может сильно помочь мне, было его имя и отчество — Михаил Карпович. Дело в том, что это имя встречается в дневниках моего героя, и по всему видно, что этот человек глубоко запал в сердце Володи.

Авиапочтой посылаю письмо Михаилу Карповичу Сутолоке,— как и где мы можем встретиться.

«В самое ближайшее время,— ответил он,— я собираюсь приехать в Москву, на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, и мы можем встретиться».

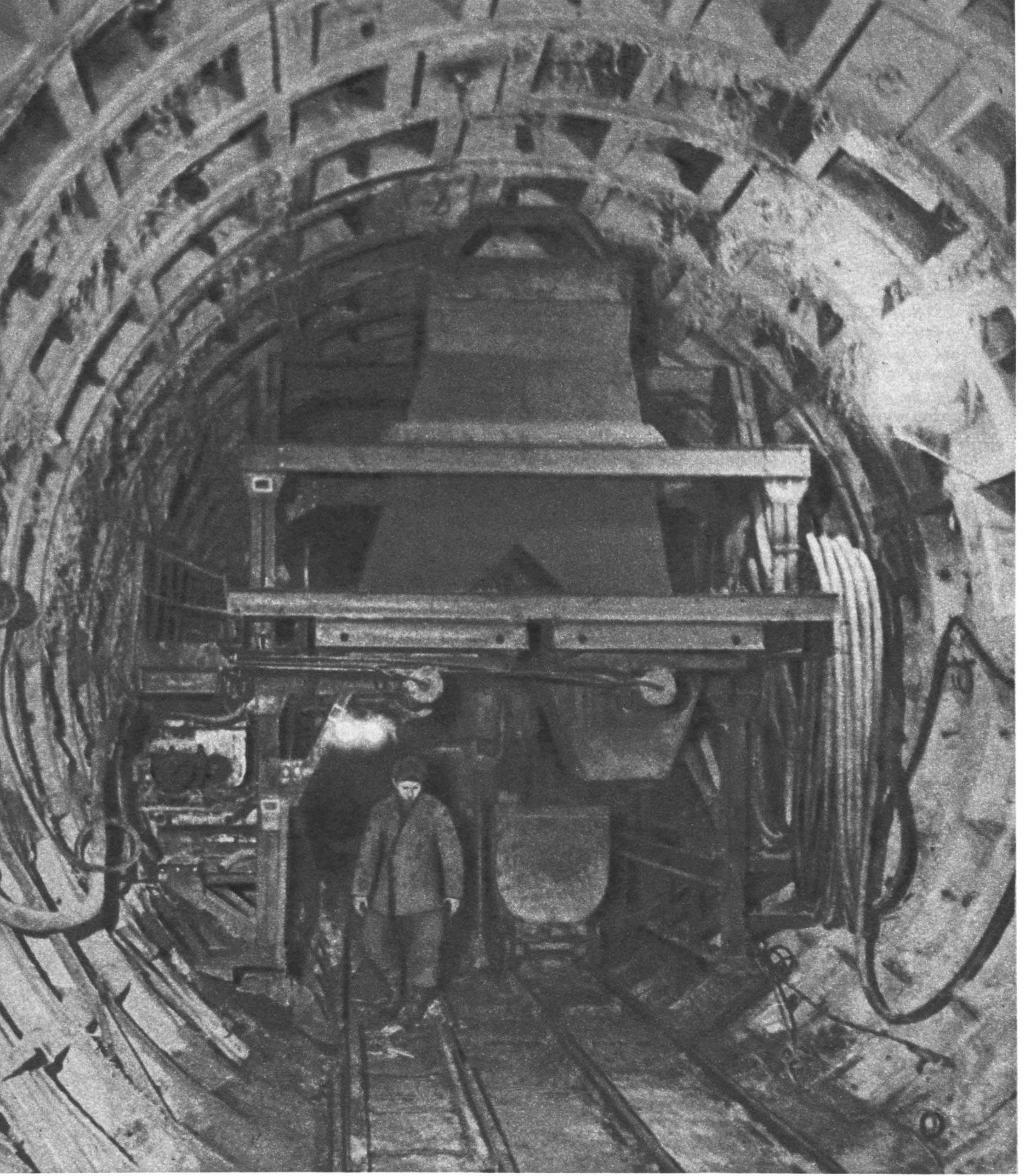
Ранним утром я встречал его на Казанском вокзале, а часом позже мы уже сидели в комнате одной из гостиниц ВСХВ во Владыкине. Комната была на четверых. Но остальные три кровати были свободны. Именно это обстоятельство вывело Михаила Карповича из себя.

— Черт, что делается! — возмущался он.— Так трудно, так трудно попасть на выставку, а тут, смотри, свободные койки! До чего же любят у нас иногда искусственно создавать затруднения! Я хотел взять с собой племянника — так нельзя, нет свободных мест! А койки, вон, пустые стоят! Ну, разве не чертяки безрукие? А?..— Он замолчал.

Я воспользовался этим и спросил о своем.

— Это факт,— сказал Михаил Карпович,— в приданной мне для той операции группе был инженер из Москвы по имени Володя. Фамилии его я не знал. В партизанском быту както так складывалось почему-то, что одного звали только по фамилии, а другого только по имени. Верно и то, что он был совсем молодой человек...

Продолжение следует.

Комплексная механизация применяется теперь при сооружении туннеля.

Подземные магистрали столицы

Двадцать пять лет назад, 15 мая 1935 года, приветливо распахнулись двери вестибюлей московского метро, и первые пассажиры робко и осторожно ступили на движущуюся ленту эскалатора. Москвичи не верили своим глазам, любуясь подземными дворцами, залитыми электрическим светом.

Вся страна следила тогда за строительством первой очереди московского метро. Е. Д. Резниченко, в те годы редактор боевой многотиражки «Ударник Метростроя», рассказывает, что тогда все метростроевцы стихи писали: хотелось о своей работе говорить возвышенно!

Если за предыдущие 27 лет с начала строительства было сооружено 80 километров линии, то за семилетку будет проложено около 60 километров новых линий.

Строится Калужский радиус — от существующей станции «Калужская» линия пройдет через Калужскую заставу в Новые Черемушки.

Протяженность Покровского радиуса увеличится на четыре километра: от «Измайловской» до новой станции «Первомайская» (существующая станция «Первомайская» будет ликвидирована), а затем к Щелковскому шоссе.

От станции «Фили» подземные поезда пойдут к поселку Мазилово и дальше к Кунцеву и Рабочему поселку.

Фрунзенский радиус от университета будет продолжен на 3 километра. На Горьковском радиусе появятся новые станции: «Ленинградская», «Завод имени Войкова», «Водный стадион» и «Речной вокзал».

От станции «Сокольники» поезда будут курсировать к Преображенской площади, от станции «Автозаводская» — к поселку ЗИЛ. Подземные трассы раздвигают границы Москвы.

— Много нового в эксплуатации подземных дорог,— рассказал нам начальник техотдела Управления метрополитена Л. С. Соколов.— В тридцатых годах первые вагоны метро весили по 44 тонны и двигались со скоростью 65 километров в час, а сейчас испытываются опытные образцы вагонов, которые при тех же размерах весят по 30 тонн и движутся со скоростью 90 километров в час.

Проходит испытания система автоматического управления поездами с помощью счетно-вычислительной электронной машины. Сеть подстанций, снабжающих метрополитен электроэнергией, управляется одним человеком.

На проверке билетов у пассажиров начинают работать автоматические контролеры-турникеты.

С. СЕВЕРГИН

ЧЕРЕПИЦА ИЗ СТЕКЛА

Чердак для дома, как шуба для человека: чем меньше прорех и прорезей, тем теплее. Как часто гуляют на чердаках пронзительные сквозняки, остужая квартиры верхних этажей и замораживая зимой водопровод. Ветер проникает в «слуховые» и «световые» окна. А ведь можно обойтись и без них, если сделать крышу из черепицы. Укладывайте вперемежку с керамической черепицей стеклянную, и на чердаке будет светло и тепло.

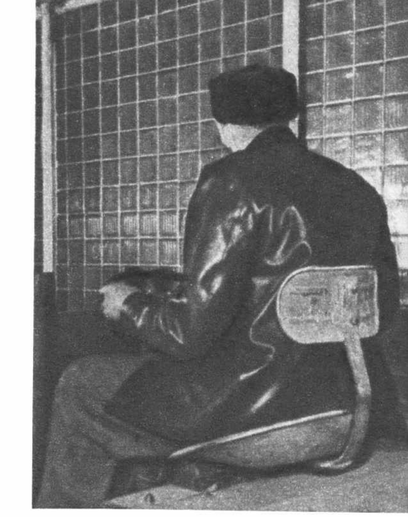
Темные тамбуры, простенки, шахты для лифта, лестничные клетки, ванные комнаты, спортивные залы, лаборатории — разве мало помещений, которым требуется свет, но не нужна прозрачность! Часть стен в этих помещениях можно выложить полыми стеклянными блоками. Тогда помещения будут не только хорошо освещены, но и смогут лучше удерживать тепло, будут пропускать меньше уличного шума, чем обычные окна.

Черепицу из стекла и стеклянные блоки производит таллинский завод «Тарбеклаас».

Шихта для черепицы и блоков готовится из песка, мела, соды, натриевой селитры. Чтобы стеклянные строительные детали отличались красивым цветом и блестели, добавляются еще селен и калиевая селитра.

Стекловары загружают шихтой ванную печь. В ней при температуре 1 450 градусов рождается стекло. Ребра, которыми снабжены пресс-формы, делают стекло непрозрачным. Затем под холодным прессом стекло превращается в блоки и черепицу.

Н. СЕРГЕЕВА

Простенок, выложенный стеклянными блоками.
Фото С. Розенфельда.

«Автор» котлет — Николай Губа

Если вам приходилось проезжать через Днепропетровск и обедать в Дорожном ресторане, вы, наверное, не могли удержаться, чтобы не попробовать биточки «по-днепропетровски». Во всяком случае, эти вкусные биточки имеют много поклонников. Но мало кому известно, что «автором» их является заведующий производством Дорресторана, мастер-повар Николай Иванович Губа. Впрочем, чтобы отведать его яств, можно и не ехать в Днепропетровск. Котлеты, «изобретенные» Губой, рекомендованы, например, всем ресторанам страны...

А как вкусны блюда, приготовленные им из кукурузы! Взять хотя бы пирожки. Начинка их, напоминающая ореховую, сделана из повидла с кукурузными хлопьями...

Однако не только сама кулинария, но и техническая «оснащенность» современной кухни волнует мастера-повара Губу...

Как сделать, чтобы не подгорела на сковороде картошка, или котлеты, или еще что-нибудь?

И вот Николай Иванович предложил «УЖГЭ-1» — «Универсальную жаровню Губы электрическую». Она имеет двойную стенку, пространство между стенками заполнено минеральным маслом. Тепло от источника передается сначала маслу, а потом уже от него равномерно распространяется по всей поверхности жаровни. Терморегулятор автоматически поддерживает нужную температуру, от ста до трехсот градусов.

Мы видели универсальную жаровню в действии. В масле румянились пирожки без дыма и без гари. И ни один из них не подгорал. На такой жаровне можно жарить картошку, котлеты.

Не так давно Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР выдал Губе еще одно — третье по счету — авторское свидетельство: за универсальную жаровню с комбинированным обогревом. Она сможет работать не только на электричестве, но и на твердом и жидком топливе. В этом году в Харькове и Киеве изготовляют сотни «губанских» жаровен.

Повар-новатор работает в тесном контакте с доктором технических наук профессором А. Н. Вышелесским.

Сейчас Н. И. Губа создает четыре новых автоматических технологических линии, на которых будут выпекать пирожки, пончики, чебуреки, жарить мясо, рыбу, картошку.

Б. ТАРАСЕНКО

Мастер-повар Н. Губа и его ученики.
Фото П. Школьного.

Вахш будет вращать турбины

В прошлом году на берегу горной реки Вахш в небольшом таджикском селении Нурек появились изыскатели, научные работники. Здесь, в западных отрогах Памира, давно уже облюбовано место для крупной гидроэлектростанции.

«...Это строительство,— сказал Никита Сергеевич Хрущев в своей недавней речи на митинге в Кабуле,— позволит дать воду более чем миллиону гектаров плодородных, согреваемых теплым солнцем Таджикистана земель».

Пока на Вахше ведутся изыскания. Недавно выбран створ плотины гидроэлектростанции в наиболее узкой части Пулисангинского ущелья, по которому пролегает ныне дорога Сталинабад — Куляб.

Бурную реку, окрестности которой тщательно изучают сейчас геологи, гидрологи, энергетики, издали и не приметишь. Ее можно увидеть, лишь вплотную подойдя к обрывистым берегам, тесно сжимающим русло. Насыщенные лессом воды Вахша отливают медью под лучами солнца. С рокотом проносятся они меж скал.

Выражаясь языком геологов, Пулисангинское ущелье — это «пропил». Много тысячелетий тому назад, в период бурного горообразования, водная стихия вступила здесь в схватку с сушей. Насыщенная песком вода пропилила себе путь сквозь дыбившиеся слои земной коры.

Тут и поныне ощущаются подземные толчки, правда, уже не такой исполинской мощи, как прежде. Их влияние на горные породы изучает отряд Института сейсмостойкого строительства и сейсмологии Академии наук Таджикской ССР.

— Очень слабые землетрясения происходят почти ежедневно, а раза три или четыре в году приборы записывают и сильные изменения в глубинах земли,— рассказывает руководитель отряда, кандидат технических наук С. А. Шагинян.

В горах пробиты штольни. В них с помощью домкратов изыскатели Ленинградского отделения «Гидроэнергопроекта» определяют упругость пород.

Вахш питают горные снега и ледники, и поэтому режим его резко меняется. Зимой расход воды в русле обычно не превышает 160—200 кубометров в секунду, а в разгар лета достигает 3 тысяч кубометров. Во время таяния горных снегов поток ревет, беснуется. Отсюда, видимо, и происходит название реки: «Вахш» — «дикий», «бешеный».

Нужны точные гидрологические расчеты, чтобы возвести вполне надежные, особо устойчивые сооружения.

Еще не решено, будет ли плотина Нурекской ГЭС бетонной или насыпной, но уже известна ее примерная длина по гребню — не менее километра, а высота — около 300 метров. Таких плотин, равных высотой стоэтажному дому, нет еще в мире.

Ложем водохранилища послужат скалы, ущелья. Не придется затоплять ни пашни, ни луга, ни леса.

Строить гидроэлектростанцию в Пулисангинском ущелье будет нелегко. В ход пойдет самая современная техника, будут применены массовые взрывы породы. Но затраты окупятся быстро. После пуска Нурекской ГЭС придут в движение насосы крупных станций машинного орошения. Живительная влага заструится меж хлопковых полей. Высоковольтные линии, перешагнув горные хребты, понесут электроэнергию в Таджикистан, Узбекистан, Туркмению, в южные районы Казахстана и Киргизии. Подсчеты показали, что себестоимость киловатт-часа электроэнергии, видимо, не превысит 0,3 копейки.

Судя по всему, основные строительные работы на горной площадке начнутся в будущем году. Комсомол Таджикистана заранее принял шефство над этой стройкой семилетки.

Ан. ВЕТРОВ

На изысканиях в Пулисангинском ущелье. Осматривают русло реки главный инженер комплексной экспедиции К. Т. Перумов и главный геолог Е. С. Скрипко.
Фото Н. Софьина.

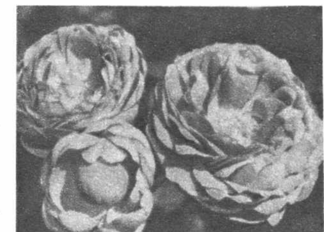
Незнакомый друг!

Моя дочь Леночка сфотографировалась с Вами 1 Мая, когда она в первый раз была на Красной площади. Память об этой встрече у нее останется на всю жизнь. Я не могу Вам лично отдать этот снимок, и поэтому посылаю его в журнал. Передайте, пожалуйста, привет детям Вашей страны.

Кира Семенова

С ЗАПАХОМ

...Еще на небосводе ясно видны предрассветные звезды, а трудовой день на плантациях совхоза эфиромасличных культур уже начался.

Воспетый поэтами прекрасный цветок — ценное промышленное сырье. Розовое масло широко применяется в производстве косметических и парфюмерных изделий, лечебных препаратов, напитков и конфет.

Лепестки свежераспустившихся бутонов, собранные ранним утром, содержат много эфирного масла. Вот почему с рассветом начинается работа на плантациях. Сотни людей быстро и ловко собирают душистые цветы в холщовые мешочки.

Чтобы получить один килограмм розового масла, надо переработать две тонны розовых лепестков.

Плантация роз, о которой идет речь, крупнейшая в нашей стране. Она раскинулась на 250 гектарах в предгорьях Кавказа, близ рабочего поселка Нефтегорска.

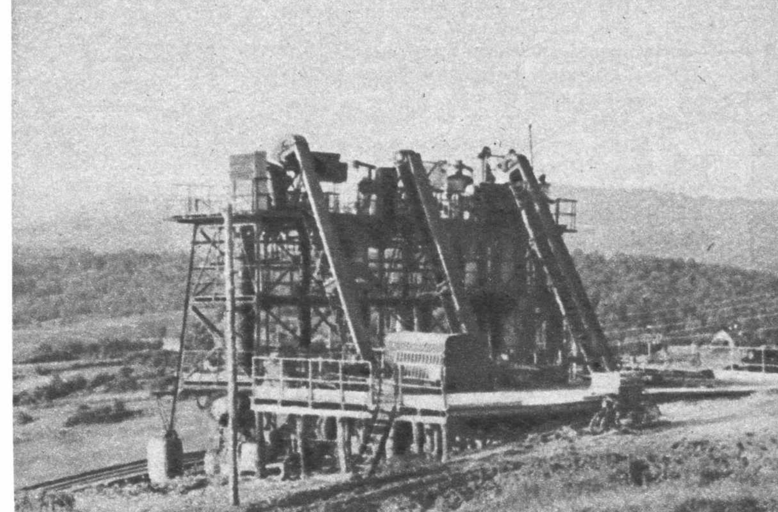
От плантаций к заводу по шоссе катят автомашины. Кузова, укрытые брезентом, полны роз. По горным дорогам вереницами движутся подводы с корзинами.

В эти горячие дни уборки дорог буквально каждый час.

Рабочие, агрономы, инженеры совхоза стараются увеличить выработку эфирного масла с каждой тонны сырья.

На заводе при совхозе эфиромасличных культур установлены аппараты непрерывного действия. Благодаря этому освободилось много рабочих рук, улучшено качество продукции. Благоухающее розовое масло поступает из Нефтегорска на фабрики и заводы Москвы, Ленинграда, Краснодара, Риги, Харькова.

Я. ПОНОМАРЕНКО

Аппараты для переработки цветов розы.

УЧЕНЫЕ НА ДНЕ КАСПИЯ

Над Каспийским морем часто кружат самолеты «ЛИ-2» и «АН-2». Тут и воздушные разведчики рыбных косяков и летающие фотографы. На борту этих машин, кроме пилотов, бортмехаников и радистов, находятся аэросъемщики и ученые Лаборатории аэрометодов Академии наук СССР. Вооружившись специальными аппаратами, они фотографируют морское дно.

Не так просто зафиксировать на пленку четкое изображение морского дна на значительной глубине. Ведь Каспий далеко не так прозрачен, как Черное море или озеро Байкал. Частые штормы еще больше затрудняют видимость. Рисунок подводного рельефа даже после незначительного волнения трудно различим. Иногда пилотам и ученым приходится выжидать по нескольку дней, пока отстоится вода.

Только за один сезон экспедиции удалось заснять около шести тысяч квадратных километров морского дна.

Аэрофотосъемка помогает ученым исследовать подводную геологическую структуру Каспия, определять нефтеносность, уточнять изменения, происходящие на дне время от времени. Чтобы дать исчерпывающую научную характеристику подводного рельефа, участники экспедиции спускаются под воду и, путешествуя по дну морскому с фотоаппаратами, молотками, горными компасами, добывают ценные материалы.

Руководитель геологического отряда кандидат географических наук В. Шарков и его помощники З. Гурьева, Б. Кошечкин, А. Бабков, К. Петров сотни раз погружались под воду.

Съемки с воздуха и под водой, образцы пород, добытые с больших глубин, а затем исследованные в лаборатории, позволяют составлять карты дна Каспийского моря. Эти карты широко используются разведчиками нефти, инженерами, сооружающими вышки, эстакады, работниками рыбных промыслов.

К. КОНСТАНТИНОВ

Кандидат географических наук З. Гурьева собирает на дне образцы грунта и водорослей.
Фото К. Петрова.

Американские артисты в Москве.

Фото Г. Санько

РАДЫ ГОСТЯМ

И. ВЕРШИНИНА

Ванечка приезжает!

Эта весть летела по Москве со скоростью, пожалуй, превысившей даже скорость самолета, которым господин Юрок возвращался в Соединенные Штаты.

Там, в Техасе, с радостным нетерпением ждал приезда своего импрессарио Вэн Клайберн, молодой американский пианист, которого московские слушатели любовно и нежно окрестили Ванечкой.

Господин Юрок мог быть доволен переговорами: не впервые он за последние годы в Советском Союзе, и каждая его поездка увенчивается успехом.

Да и как может быть иначе, когда любое сообщение о выступлении советских артистов вызывает в США немедленный бурный отклик зрителей — билеты раскупаются задолго до гастролей. И сожалеть организаторам приходится лишь о том, что самые большие театральные и концертные залы не в состоянии вместить и половины желающих. А поездки в Советский Союз... Да, к ним стремятся все актеры, от дебютанта до прославленного ветерана...

Мы побывали в «Госконцерте» СССР, который ведает организацией гастролей зарубежных артистов и поездками наших исполнителей в другие страны.

В одном из отделов наше внимание привлек график гастролей зарубежных артистов по СССР в апреле 1960 года. В нем перечислено около 30 различных ансамблей и солистов.

Мы наугад взяли один рабочий день.

В Свердловском театре оперы и балета в «Фаусте» пел венгерский певец Ласло Палош. Из Москвы после участия в спектаклях Большого театра и Ленинградского имени Кирова улетала на родину Л. Генджер — первая турецкая артистка, посетившая Советский Союз. В Харькове состоялся фортепьянный концерт Маргарет Энн Айрленд из Канады, а в Баку — Ани Фишер из Венгрии. Итальянский певец Клаудио Вилла давал концерт в Ленинграде; его путь лежал дальше, в глубь страны. Пианист ГДР Зигфрид Рапп выступал в Сталино; чешская клавесинистка З. Ружичкова и венгерские балетные артисты Жужа Кун и Виктор Фюлеп — в Тбилиси; в Петрозаводске пела польская певица Ядвига Романьска, которую в Москве пока знали только по портретам на афише, а к Московскому аэродрому подлетели солисты французского балета Лиан Дайде и Мишель Рено.

Как со старыми друзьями встретились французские артисты с балетом Большого театра. Приветствия, вопросы... Вспомнились и гастроли ГАБТа в Париже — оттуда артистам прислали поклон многие их почитатели; вспомнили и встречи на аэродромах, когда балет Большого театра летел в Париж, а балет «Гранд Опера» — на гастроли в Москву...

И вот вновь Дайде в стенах Большого театра. В первый день — как зритель. Забыты и усталость, и режим, и дорога: ведь сегодня танцует Уланова; это пропустить невозможно. А назавтра уже Уланова, покорившая Париж в роли Жизели, рукоплещет вместе со зрителями французской Жизели... И растроганная Дайде после спектакля говорит своим партнерам, как счастлива она вновь выступать в Москве — центре мирового музыкального и хореографического искусства.

«Я пел почти во всех наиболее известных театрах мира, но впечатление, которое я вынес из поездки в Москву, несравнимо ни с каким другим, — писал, возвратившись из Москвы в Италию, известный певец Марио дель Монако.— Никогда не забуду исключительно гостеприимных москвичей и замечательных советских артистов».

Ирина Архипова, молодая певица Большого театра, показывает нам клавир оперы «Кармен» с итальянским текстом. Монако прислал его своей партнерше по московским спектаклям, о которой он писал и говорил всюду, что лучшей Кармен он не видел. Архипова тщательно разучивает текст: ведь осенью ее пригласили выступить в итальянских театрах.

А Марио дель Монако готовится осенью этого года снова посетить Советский Союз...

Вновь выступить перед внимательным, строгим, но гостеприимным советским зрителем стремятся многие артисты, побывавшие в нашей стране. В «Госконцерте» среди свежей почты, которую в огромном количестве по нескольку раз в день доставляет почтальон, мы увидели письма и личного импрессарио известного американского дирижера Леопольда Стоковского и руководителя мексиканского трио Лос Панчос...

Много писем и от зарубежной артистической молодежи. «...Я являюсь не очень известным молодым американским артистом. Я бы хотел, чтобы меня пригласили в ближайшие 2—3 года на несколько выступлений в качестве дирижера... Вопрос финансов, конечно, не главный, главное: мне очень хочется встретиться с молодыми талантливыми советскими музыкантами и композиторами и увезти с собой из России современный репертуар... Адриан Саншайн».

Познакомиться с советским искусством стремятся и все те, кто уже приехал к нам.

— Когда советские артисты приезжали к нам в США, мне, к сожалению, не удавалось их посмотреть: ведь мы всегда в разъездах,— рассказывает нам молодой американский певец Рид Шелтон.— Сейчас, как только выпадает вечер, свободный от спектакля «Май фэр леди», я бегу в московские театры. Мне очень нравятся ваши артисты, ваши спектакли, ваше искусство. Я побывал и в Третьяковской галерее. Какие там замечательные художники! А ведь многих мы видим впервые... Как интересно было бы моим соотечественникам познакомиться с их произведениями. Нет, непременно нам надо ездить друг к другу, ездить чаще и больше...

Мы сидим в холле гостиницы «Украина». Здесь живут артисты американской труппы, которые привезли нам очень хороший музыкальный жизнерадостный спектакль «Май фэр леди» (музыкальная комедия по пьесе Шоу «Пигмалион»). Неподалеку — корреспонденты, фоторепортеры других газет и журналов. Застать в номере артистов чрезвычайно трудно. Даже часы отдыха они стараются использовать для знакомства с Москвой, с советским искусством.

«Борис Годунов» в Большом театре — великолепно!», «Судьба человека», Бондарчук — превосходно!», «Выставка, художники — замечательно!», «А народное творчество, о!»

Матрешки, хохлома, вятская игрушка, палехские коробки — все это пользуется огромным успехом у актеров. Впрочем, вкусы не у всех одинаковые. Вот одна артистка балета восторженно показывает своей подруге только что приобретенную балалайку. Исполнитель роли профессора Хиггинса Майкл Эванс накупил книг и среди них учебник русского языка.

Эванс, да и не он один, изучает русский язык. Начало этим занятиям было положено еще в США, а сейчас ежедневно и регулярно их проводит молоденькая переводчица Аня Маслова.

— О, у меня очень старательные ученики,— рассказывает она, — особенно мистер Эванс. Поклонник Чехова и исполнитель множества его ролей, ценитель русской литературы, приверженец системы Станиславского, он стремится все это изучать в подлиннике.

Но в труппе знают Станиславского не только по книгам. Заведующий мастерскими Джо Куннингхэм был лично знаком с Константином Сергеевичем и даже в подарок от него получил золотые часы. Как это произошло? Об этом мистер Куннингхэм говорит с большим удовольствием. По тому, как быстро он называет города, годы, видно, что много раз в жизни его просили рассказывать об этом. Он вспоминает гастроли Московского Художественного театра в Америке в 1922—1924 годах. Он был тогда молодым рабочим сцены и принимал участие в поездке. Много времени прошло с тех пор, но и сейчас мистер Куннингхэм вспоминает спектакли МХАТа, превосходных артистов и особенно Станиславского.

— Очень скромный был человек, а какой артист!..

Мистер Куннингхэм непременно пойдет в Художественный театр на спектакли до отъезда в Ленинград и Киев...

Польская певица Ядвига Романьска около месяца гастролировала в нашей стране, объехала множество городов. Сейчас последний день в Москве. Завтра Варшава. Но, как правильно говорила Лиан Дайде, Москва стала центром мирового искусства, и не удивительно, что в гостинице Романьска встретила своего соотечественника. Режиссер Казимир Круковский приехал договариваться о предстоящих гастролях в СССР Варшавского театра «Сирена». Как много впечатлений, как необходимо ими поделиться, но разве расскажешь сразу все...

Не все расскажешь сразу и о наших гостях, и потому мы попросили директора «Госконцерта» Сергея Владимировича Шашкина познакомить нас с некоторыми цифрами.

— В течение 1959 года около 2 тысяч зарубежных гастролеров выступили в 57 городах Советского Союза.

Увеличивается культурный обмен. Если в 1955 году наша страна производила культурный обмен с 44 странами, то в 1960-м — уже с 70.

За последние пять лет за рубежом побывало 25 тысяч деятелей советской культуры, только художественные коллективы совершили 100 выездов.

Наши контакты растут.

Трижды «ура» Михаилу Талю!

Сало ФЛОР

М. Ботвинник с М. Талем в Театре имени Пушкина не доиграли три акта, за гроссмейстерами числится долг. Ответственным за него нужно считать Михаила Таля, который уже в 21-й партии досрочно выполнил намеченный план.

В эти майские дни любители шахматного искусства не в обиде на Таля за «срыв» трех партий.

Я видел несколько «дней рождения» чемпионов мира по шахматам: видел трагедию Алехина и триумф Эйве, возвращение на шахматный трон А. Алехина, видел, как надевают лавровые венки Ботвиннику, Смыслову и снова Ботвиннику. Но день 7 мая 1960 года мне запомнится особенно. Такого ликования я еще не видел. Оказывается, стать чемпионом мира по шахматам просто жизнеопасно. Когда Ботвинник пожал руку Талю, это означало, что с этого момента он уже экс-чемпион, а Таль — чемпион мира. В этот самый счастливый момент жизни Талю хотелось обнять свою мать, свою молодую супругу, но разве жестокие фотокорреспонденты, кинооператоры дадут возможность пройти к родным?

— Стой, Миша, раз ты стал чемпионом мира, должен позировать десяткам фоторепортеров!

Затем Таль был схвачен радиокомментаторами, и затем его под конвоем отвели в пресс-бюро.

«Маленький Миша» взволнован. В эту «тяжелую минуту» он в своем заявлении журналистам первым делом отдал должное своему противнику Михаилу Ботвиннику, «признанному лидеру» советских шахматистов, у которого учился и он. (Беда Ботвинника, что Таль оказался слишком способным учеником!)

«Хочу домой»,— мечтает измученный и усталый Таль. С большим трудом ему удается прорвать блокаду тысячной толпы и сесть в машину. А. Кобленц, секундант Таля, также счастлив. Отложенных партий больше нет, но забот не убавилось: надо охранять Таля от слишком страстных болельщиков.

Все это происходит в Москве. Спрашивается: чего, собственно, так уж сильно радоваться москвичам? Шахматная Москва осиротела, и резиденцией чемпиона стала Рига. Но если Талю в Москве на каждом шагу устраивают овацию, то легко догадаться, каково ему будет при встрече в Риге. Говорят, что Таль вернется в Ригу инкогнито, чтобы избежать риска быть растерзанным в порыве радости.

Окончена большая борьба. В очень накаленной спортивной атмосфере решался шахматный конфликт Ботвинник — Таль. Приятно отметить, что в остром поединке не было ни малейшего инцидента.

Оба гроссмейстера до и после матча относятся друг к другу с уважением. Острейшие соперники за доской сохранили хорошие отношения в жизни. Михаил Таль показал, как он сумел победить, а Михаил Ботвинник показал (а это, поверьте, всегда труднее!), как он умеет красиво проиграть: спокойно и с достоинством!

Ботвинник или Таль? Вопросительный знак у этих двух фамилий мы видели в любой газете до начала матча. Сегодня, когда матч принадлежит уже истории, казалось, вопросов больше нет! Но болельщики по-прежнему засыпают всех знатоков различными вопросами. Больше всего спрашивают: «Почему проиграл Ботвинник?» Причем уклончивый ответ, вроде: «Проиграл потому, что Таль выиграл», — их не устраивает. Тут же следует: «Точнее!»

Конечно, самый точный ответ мог бы дать сам Ботвинник. Но экс-чемпион мира, как обычно, молчалив. Пока он не заявил, собирается ли воспользоваться своим правом вызвать Таля на матч-реванш.

Ботвинник не был в лучшей форме, это ясно. Можно собрать немалую коллекцию упущенных возможностей. Но почему это произошло? Можно сказать, что причиной является растренированность Ботвинника. Для чемпиона мира недостаточно участвовать только в матчах на первенство мира. Если у Таля был только один противник — Ботвинник, то у Ботвинника было два: Таль и господин Цейтнот!

Цейтнот — страшная болезнь — стал в этом матче постоянным спутником Ботвинника. Минули те времена, когда Ботвинник сам учил: «Шахматисту следует оставить себе пять минут на последний контрольный ход». В этом матче мы не видели прежнего Ботвинника, он скорее напоминал Решевского, шахматиста, который всю жизнь находится в цейтноте.

Не вдаваясь в подробности всех сыгранных партий, можно сказать, что именно цейтнот погубил Ботвинника. Парадоксально, но факт: матч продолжался не два месяца, а несколько секунд! Именно в несколько секунд Ботвинник грубо «зевнул» в роковой для него 17-й партии. Последний этап чемпионата нельзя назвать борьбой. Это был скорее акт капитуляции.

— Не узнаю Ботвинника. Куда девалось его олимпийское спокойствие... — сказал как-то на матче Г. Левенфиш.

Что делать? Нервы, значит, не те, что раньше. Все же 25 лет разницы!

Но сколько бы человеку ни было лет (а Ботвинника еще рано в 48 лет зачислять в «старики»), расставаться со званием чемпиона мира не хочется. Слишком это хорошее и почетное звание. И все же не надо смотреть на поражение, как на трагедию. Многие утешают Ботвинника: «Ты был чемпионом мира 12 лет, ну и хорошо, дай и другим».

Имя Ботвинника золотыми буквами вписано в историю шахмат, и никто не собирается забывать его. Мы все уверены, что этот человек большой силы воли еще не раз о себе напомнит новыми успехами.

Седьмого мая во многих шахматных клубах всего мира на стендах, на стенах к портретам семи чемпионов мира прибавился новый портрет — Михаила Таля. За несколько лет этот высокоодаренный гроссмейстер благодаря своему блестящему стилю игры стал самым популярным шахматистом. Популярность была рождена его феноменальными спортивными результатами. Когда он в 1957 году стал чемпионом СССР, кое-кто считал это случайностью. Только один человек сказал: «Пройдет три года, и Михаил Таль будет чемпионом мира!» Это был А. Кобленц, секундант Таля.

С невиданным в шахматной истории темпом и энергией Таль со скоростью шахматного спутника проходил все дистанции и завоевал «пропуск» на матч с Ботвинником. Теперь блестящим образом решена последняя задача: крепость Ботвинника взята!

К многочисленным прозвищам Таля, вроде «ракета», «волшебник», прибавился почетный титул: чемпион мира. Михаил Таль побил все рекорды. В 23-летнем возрасте «не полагается» быть чемпионом мира. Хорошо известно, что знаменитый Э. Ласкер завоевал первенство мира в 26 лет, а другие чемпионы значительно позже. А. Алехин, например, в 35 лет.

Таль побил рекорд Ласкера по возрасту. Сумеет ли он побить и другой его рекорд — продолжительности владения шахматной короной? На этот вопрос мы получим первый ответ в матч-реванше с Ботвинником, если экс-чемпион мира воспользуется правом вызвать Таля.

Таля некоторые знатоки упрекали, что он провел партии недостаточно красиво. Этот упрек неправилен: матч на первенство мира— это прежде всего спортивная борьба с основным заданием — набрать 12,5 очка.

Наивно ведь было требовать от Таля, чтобы он разгромил чемпиона мира, причем в красивой форме. Матч — это не показательная игра.

Мише Талю за последние годы поют дифирамбы. В эти дни у него есть достаточная возможность зазнаться. Но Таль не из той породы. Даже в роли шахматного премьера он остается тем же вежливым, остроумным, скромным и обаятельным человеком.

Новый чемпион мира всей душой любит шахматы. Мы не сомневаемся, что, если ему ночью позвонят, он охотно откликнется на приглашение шахматистов Владивостока, Мурманска, Пекина, Буэнос-Айреса!

Матч позади. Правда, жаркие споры еще продолжаются: «если бы то», «а если бы не то»... Если бы не Kf4, если бы Кра8... Но все это через несколько дней забывается, а в историю войдут только цифры $12^1/_2 : 8^1/_2$. А это убедительная победа!

Хватит спорить! Сегодня все желают и Ботвиннику и Талю хорошего здоровья, хорошего отдыха после их увлекательной борьбы, после их утомительнейшей работы. Счастливая мама Таля говорит: «Если Миша и чемпион мира, для меня он останется ребенком». Пожелаем же этому «ребенку» (который страшен за шахматной доской!) многих успехов. Пусть он, воспитанник советской шахматной школы, с достоинством носит гордое звание чемпиона мира.

Трижды «ура» восьмому в истории шахмат чемпиону мира — Михаилу Талю!

Матч окончен. Михаил Ботвинник поздравляет с победой Михаила Таля.
Фото А. Бочинина.

ВЫШЛО ДЕЛО НА СМЕХ ЛЮДЯМ

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Рисунки Л. САМОЙЛОВА и Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

1

— Далека, мой сын, дорога,
но сие — веленье бога!
Не шпионское заданье,
а Христово приказанье.

2

— Сын мой, ты ведь ас не промах!
Помни об аэродромах,
о плотинах, домнах, кранах
и других «метеоданных»!

3

— Эх! Сейчас охомутаю
ворох сведений я живо...

4

— Ой! Полундра!.. Погибаю!..
Не до жиру! Быть бы живу!..

5

— Гм!.. В любое время года
здесь нелетная погода...

6

Портят дело при посадке
атмосферные осадки!

7

Тут «прогноз» такого рода:
от нехватки кислорода
летчик... э... э... бедняга
сбился...
Летчик просто заблудился...

8

— Что темнить... Я засылался.
Каким был, таким остался...

9

Вот теперь, скрывать не будем,
вышло дело на смех людям;
спора нету: в нос и в рот
очень нужен кислород!

Похождения

Фельетон

Мих. АНДРИАСОВ

Рисунки Э. РОГОВА.

Получают ли покойники пенсию?

— Что за чушь! — воскликнет читатель.

А между тем таковое случилось в одном из учреждений Ростова-на-Дону. Пенсии доставлялись адресатам в загробный мир, и усопшие собственноручно расписывались в ведомостях.

Но прежде два слова о Чичикове. Да-да, снова о Павле Ивановиче Чичикове. Мы обязаны воздать должное его великому открытию. В самом деле, сколь непреходяща произведенная им классическая переоценка мертвых душ, если до сих пор живут достойные его потомки!

В Кировском райсобесе Ростова бессмертные лавры Павла Ивановича вдохновили бухгалтера-контролера Надежду Иосифовну Чугунову. Выписывая пенсии живым, она начисляла их и покойникам.

Эта уникальная связь с загробным миром была безупречной: за два года ни одна мертвая душа не пожаловалась на обсчет. Руководители райсобеса, не обременяя себя раздумьем, охотно подписывали все денежные документы.

Но вот автографами покойников заинтересовался следователь районной прокуратуры Владимир Степанович Безгласный. И Надежда Иосифовна решила, что пришла пора расстаться с дорогими ее сердцу мертвыми душами, которые позволили ей положить в карман пятьдесят пять тысяч рублей.

Стояло, как пишут в эпических романах, лето 1953 года... В это самое лето Чугунова и спрятала концы в воду. Ранним утром 28 июля она вышла на берег тихого Дона, оставила у реки платье, босоножки и другие принадлежности дамского туалета. Но прежде, чем броситься в воды Дона, Чугунова положила под камень трогательную записку: «Следователю Безгласному. Не поминайте лихом, не ругайте и не ищите меня. Я сделала глупость, и теперь должна уходить, и я ухожу. Кончаю жизнь самоубийством через самоутопление».

В Дону искали утопленницу. Искали тщательно. В ход были пущены рыбачьи сети, багры. Опытные водолазы ходили по дну Дона. И все тщетно: раков встречали, бухгалтера — нет.

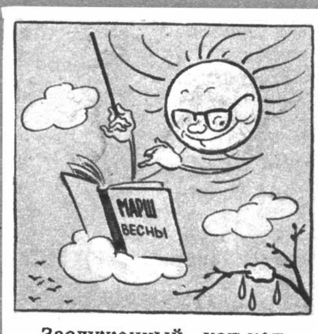
В этих поисках явно недооценили спортивных способностей райсобесовского финансиста. Покровительница усопших оказалась феноменальной пловчихой. Нырнув в Ростове, она вынырнула в Сочи, пройдя в один заплыв низовье Дона, все Азовское море и добрую часть Черного.

Пока водолазы искали «самоутопленницу» в Дону, она развернулась на Черноморском побережье. Надежда Иосифовна обворовала свою доверчивую сочинскую хозяйку и снова канула в неизвестность. Где только она не побывала: Ташкент, Павлодар, Новосибирск, Бодайбо, Барнаул, Москва, Ленинград, Алма-Ата, Рига. Был даже визит в родной Ростов. Шесть лет она разъезжала по городам страны, воздавая хвалу ротозеям и шляпам. Это благодаря им она носила в кармане восемь паспортов, десять трудовых книжек, множество различных бланков, несколько печатей.

Надежда Иосифовна Чугунова неоднократно перевоплощалась. В одном городе она была Зоей Александровной Тонашаревой,

Рисунки И. МАССИНЫ.

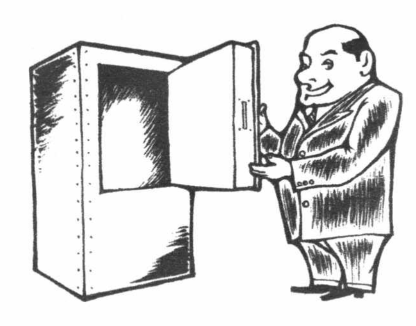

Заслуженный кап-кап-капельмейстер был в ударе.

Сводный оркестр водосточных труб звучал прекрасно.

Утопленницы

в другом — Августой Константиновной Шулашовой, в третьем — Татьяной Ивановной Гавриловой, в четвертом — Марией Михайловной Жежель, в пятом — Евдокией Никифоровной Норовой, в шестом — Ниной Михайловной Кузнецовой, в седьмом — Варварой Кондратьевной Урусовой...

Ротозеи охотно раскрывали перед нею двери учреждений, доверяли ей кассы. Аферистка быстро очищала эти кассы и тотчас же уходила «на дно».

В Ташкенте, например, Надежду Иосифовну принимал на работу главный бухгалтер треста хлебопекарной промышленности Б. М. Хаитов. Между Чугуновой и Хаитовым произошел такой любопытный разговор:

— Вы хотите у нас работать?

— Очень!

— Кем?

— Головой, конечно,— не растерялась Чугунова,— старшим бухгалтером.

— Считать умеете?

— Еще бы!

— Дважды два?

— Пять! — не моргнув глазом, отпарировала Надежда Иосифовна.

— Люблю шутки! Самый настоящий вы бухгалтер! — заключил Хаитов.

Подобный разговор происходил у Чугуновой и в Новосибирске в сентябре 1958 года. Ее принимали на работу начальник управления треста «Востоктрансспецстрой» И. И. Шесслер и главный бухгалтер этого управления И. А. Пинаев. Они зачислили ее на должность кассира-инкассатора. Через несколько дней кассир-инкассатор получил в Госбанке по чеку 125 368 рублей для выдачи заработной платы рабочим управления. К этой приятной сумме Надежда Иосифовна прибавила похищенные из кассы учреждения 14 745 рублей, сложила пачки ассигнаций в саквояж, села в такси, послала Шесслеру и Пинаеву нежный воздушный поцелуй и... снова нырнула.

В управлении долго силились вспомнить фамилию новой кассирши, такой обаятельной, милой женщины. И не смогли... Кинулись искать личное дело. Не нашли: оказывается, его и не было.

А тем временем Чугунова явилась в Алма-Ату. И как тут ей было не восторгаться радушием жаркого города? Подумайте, она жила почти целый год без прописки, и ни один из алма-атинских милиционеров ни разу не посмел нарушить ее покой. Больше того, Надежда Иосифовна облюбовала себе земельный участок, оформила документы, начала строить новый дом, построила его, заложила фундамент второго дома. И тут-то «утопленницу» отыскал ее старый знакомый, следователь из Ростова Владимир Степанович Безгласный...

Всякий раз, когда заканчивался трудовой год, начальство обращалось к Безгласному с одним и тем же неизменным вопросом:

— Ну как, нашлась Чугунова?

— Нет, не нашлась,— вздыхал Владимир Степанович.

Вот почему, разыскав беглянку и увидев ее своими собственными глазами, следователь так искренне обрадовался:

— Надюша! Наконец-то! Здравствуй!

И «утопленница» снова оказалась на берегах родного Дона.

Ростов-на-Дону.

В чем хранились клады

В Государственный исторический музей сообщили, что в подмосковной деревне Курбатово нашли клад пятаков 1767—1796 годов. Монеты эти довольно известные, но найдено было две тысячи пятаков, которые весили около ста килограммов и помещались в большом глиняном горшке. Музей попросил прислать находку.

В отделе нумизматики музея собрана любопытная коллекция: более 50 сосудов, в которых прятали клады. В старину зарыть деньги в землю было так же обычно, как сейчас хранить их в сберкассе. «Сейфами» для сбережений служили разнообразные глиняные сосуды, которые хорошо сохраняются в земле. Особой любовью пользовались «кубышки» — сосуды с узким горлышком. На снимке вверху — две кубышки из собрания музея — самая большая и самая маленькая. В них были найдены серебряные монеты — копейки середины XVII века. Чтобы заполнить ими доверху большой сосуд, нужно было иметь 30 тысяч копеек. Для маленького достаточно ста. Велико же было состояние владельца большой кубышки, если овца стоила 9 копеек, корова — 90 копеек, а шкурка соболя — 60 копеек!

Прятали клады и в копилках, похожих на современные. На снимках (слева направо) вы видите татарскую копилку XVII века, изящный кувшинчик, найденный в стене одной московской церкви, с пятью тысячами монет, стеклянную украинскую фляжку с копейками Петра I. Эти сосуды помогают нам восстановить картину старого быта.

Н. МЕЦ,
кандидат исторических наук

Слова отживающего племени

Виктор ПОПОВКИН

Я слышал фразу:
«Он устроился...»
А мне подумалось:
пристроился.
Пристроился-настроился,
под чью-то совесть
чужую
подстроился.
И ходит —
принятый и приспособленный,
от убеждений собственных
надежно обособленный.
Теперь он
с мыслями живет с глухими
и с недобрыми,
для окружающих —
приветливостью сдобренный.
Устроился,
пристроился,
на теплое,
нечистое настроился...

Как режут ухо
сказанные не ко времени
слова
отживающего племени!

☆ ☆ ☆

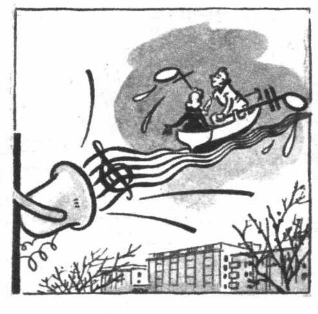
Не заслужил,
не выслужился перед кем-то.
Вытягивался
из последних сил и жил.
Лоснящийся и изворотливый —
вкруг ног вился
прозрачной лентой...
И все ж —
не заслужил!
Прислуживал.
Прислужничал
и ползал.
Глазами умиленными начальство ел.
Выискивал в дрянном
неприхотливо
пользу.
И многое другое он умел.
Так
изворотливым ужом
всю жизнь прожил.
Всю жизнь
выслуживался перед кем-то,
вился вкруг ног прозрачной лентой
и —
слава богу! —
ничего не заслужил.

Таяли сердца мужей, утверждавших сметы на наряды.

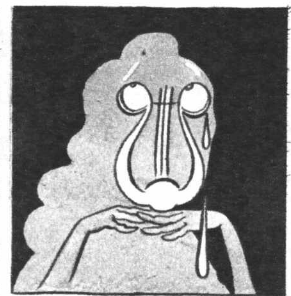
Рыцари ждали своих подруг терпеливо, и дети успевали к ним привязаться.

И потом «Амурские волны» уносили влюбленных в загадочные дали.

Поэты готовы были подарить любимым все, вплоть до звезд.

Только некоторые лиры были настроены плаксиво.

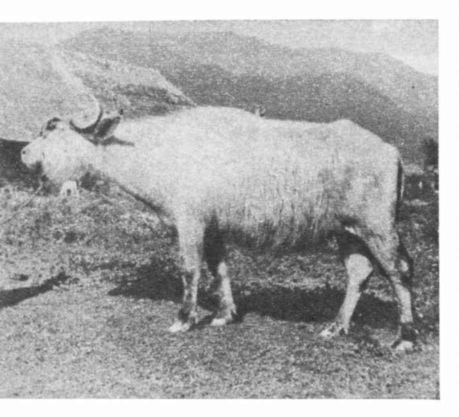
Ночь отступала.

ДОМАШНИЙ ЗВЕРЬ

Этот снимок сделан в Петропавловске - Камчатском. Медведь живет у 70-летней Прасковьи Евдокимовны Астафьевой уже два года.

Ю. МУРАВИН

Белая буйволица

Обычно у буйволов черная или черно-бурая шерсть. В Нухинском районе Азербайджана я увидел белую буйволицу по кличке Аггила, что означает «белая ягода». У шестилетней буйволицы спокойный характер, а черные буйволицы, как правило, строптивы. Весит Аггила 400 килограммов, ее удой — 5—7 килограммов. Густая и белая шерсть покрывает тело буйволицы, копыта и рога у нее стекловидные и блестящие, глаза голубые. За два года Аггила принесла двух черных буйволят.

И. ГУСЕЙНОВ

ЖИВЫЕ ГИРЛЯНДЫ

На полуострове Калифорния расположена живописная сосновая роща. Она знаменита тем, что зимой сюда слетаются тучи красивых коричнево-оранжевых бабочек с черной каемкой на крыльях. Бабочки усаживаются на сосновые ветки, свисая гирляндами вниз. На одной ветке может висеть от двух до пяти тысяч бабочек.

А. РЕВИН

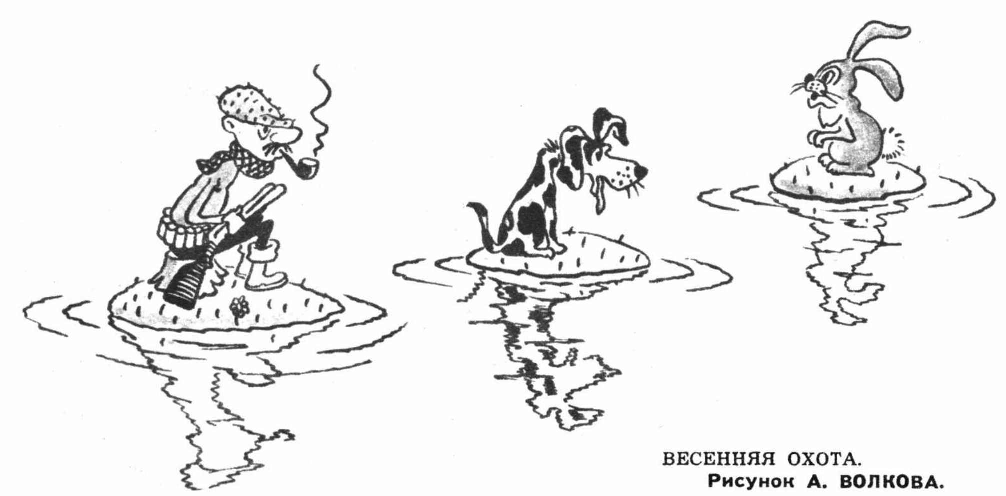
Дерево-спрут

Это дерево растет на скалистом побережье в Алупке. Свисающие корни напоминают морское чудовище — спрута.

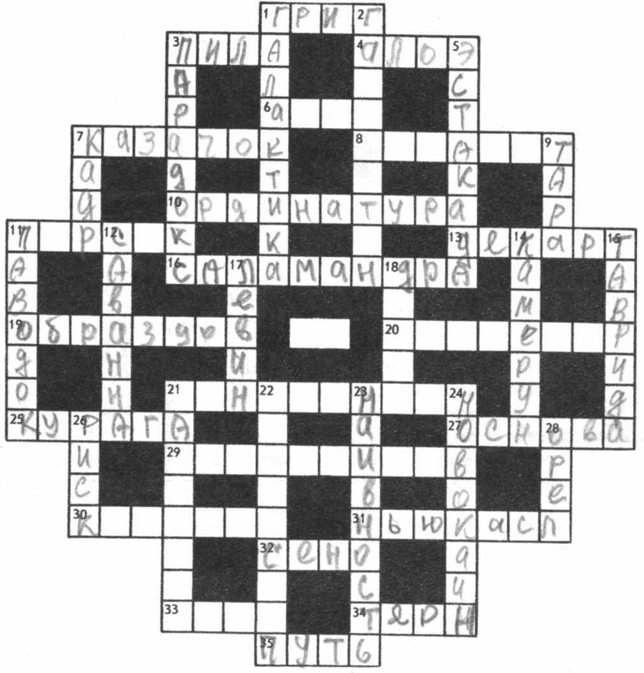
Е. МОРОХОВЕЦ

ВЕСЕННЯЯ ОХОТА.
Рисунок А. ВОЛКОВА.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Норвежский композитор. 3. Режущий инструмент. 4. Многолетние травы с сочными листьями. 6. Таджикский писатель. 7. Украинский танец. 8. Исследователь Антарктики. 10. Практическая медицинская аспирантура. 11. Единица измерения расстояний в астрономии. 13. Французский философ XVII века. 16. Хвостатое земноводное. 19. Режиссер и актер театра кукол. 20. Русский писатель-сатирик. 21. Медноникелевый сплав, применяемый в электротехнике. 25. Высушенные плоды абрикоса. 27. Продольные нити в ткани. 29. Советский живописец. 30. Станция Калининской железной дороги. 31. Порт в Великобритании. 32. Корм для скота. 33. «Вольный бой» в боксе. 34. Дикая слива. 35. Дорога.

По вертикали:

1. Звездная система. 2. Английский математик и механик XIX века. 3. Неожиданное мнение. 5. Сооружение в виде моста. 7. Отдельный снимок. 9. Сосуд. 11. Подъем воды в реке. 12. Тропическая лесостепь. 14. Государство в Африке. 15. Старое название Крымского полуострова. 17. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». 18. Старинная монета европейских стран. 21. Пограничник-герой. 22. Медицинский прибор. 23. Непосредственность, простодушие. 24. Средство для обезболивания. 26. Возможная опасность. 28. Хищная птица.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали:

3. Бондарчук. 7. Дойль. 8. Чохов. 9. Колонна. 12. Редуктор. 15. Колумбия. 17. Русанов. 18. Критерий. 19. Конвейер. 21. Витамин. 23. Прометей. 25. Татарник. 27. Хроника. 28. Данко. 29. Неман. 30. «Бабушкино».

По вертикали:

1. Фольклор. 2. Курчатов. 4. Автограф. 5. Корфу. 6. Форум. 10. Чебоксары. 11. Биография. 13. Кантеле. 14. Рубидий. 15. Колорит. 16. Уклейка. 20. Макинтош. 21. Верхолаз. 22. «Накануне». 24. Марал. 26. Русак.

Гроза на Черном море

Снимок, помещенный на четвертой обложке, сделан в Сочи ночью. На нем запечатлено удивительное явление природы. На первый взгляд кажется, что будто с неба свешивается веревка с узлами, расположенными примерно на одинаковом расстоянии, в 5—7 метрах друг от друга. Однако более внимательное изучение позволяет заключить, что фотографический аппарат зафиксировал редко уловимую шаровую молнию. Хотя литература, посвященная шаровой молнии, достаточно обильна и в ней описываются сотни этих явлений, надежные фотографии такого рода молний исчисляются лишь единицами.

До сих пор природа шаровой молнии мало изучена. Несмотря на многочисленные попытки, не удается получить ее искусственно, и это служит основной трудностью для исследователей. Для объяснения шаровой молнии созданы десятки гипотез. Согласно одной группе гипотез, шаровые молнии считаются самостоятельными образованиями (горючими газами, электрической плазмой), не связанными с внешними источниками энергии. При этом шаровая молния считается вместилищем потенциальной энергии, полученной от грозового облака. Гипотезы второй группы считают, что источник энергии шаровой молнии, представляющий собой, например, ионизированный газ, лежит вне ее видимого объема и обычно связан с грозовым облаком или каналами молний через электромагнитные силы или радиоизлучения.

То обстоятельство, что в подавляющем числе случаев образование шаровых молний происходит при грозе и часто непосредственно после появления линейных молний, делает эту группу предположений более вероятной.

По фотографии можно заключить, что своеобразный след оставлен шарообразным светящимся телом диаметром около 8—10 сантиметров, опускавшимся к земле. На видимом пути шар, судя по равномерному свечению следа, имел почти постоянную скорость. Опустившись на 5—7 метров, шар опускался вертикально и совершал колебательные движения в стороны, вверх и вниз, создавая видимость своеобразных узлов. В этих местах шаровая молния как бы лишалась ведущей ее силы, делалась неуправляемой. На последнем участке пути, опустившись ниже верхушки осветительной мачты, шаровая молния, проделав сложный зигзагообразный путь, взорвалась около нижней электрической лампы. Так как затвор аппарата был открыт около 5 минут, нельзя сколько-нибудь надежно определить скорость движения шаровой молнии. Однако в среднем она не меньше 10—15 сантиметров в секунду. Следует отметить, что параллельно следу движения шаровой молнии идут еще два совершенно идентичных, но более бледных следа, которые, по-видимому, произошли в результате внутреннего отражения в фотоаппарате света на пленку.

Накопление фотографий шаровых молний будет, несомненно, способствовать объяснению этого интересного явления.

Доктор технических наук
И. С. СТЕКОЛЬНИКОВ

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Н. И. ДРАЧИНСКИЙ, Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05624. Подписано к печати 11/V 1960 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 610. Заказ № 1266.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

По утрам плывут легкие туманы над Телецким озером.

Фото Н. Немнонова.

Кызыл-Агачский заповедник.

Цена номера 3 руб.